ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СЕРИЯ ПОПУЛЯРНАЯ

Б. Г. АНАНЬЕВ

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГИИ

ЛЕНИЗДАТ 1945

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
СЕРИЯ ПОПУЛЯРНАЯ

Б. Г. АНАНЬЕВ

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГИИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ И КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1945

ОТ АВТОРА

Опыт научного просвещения в области психологии свидетельствует о значительно возросшем интересе широких масс к вопросам психологии, в связи с серьезными успехами в деле массового овладения основами марксистско-ленинского философского материализма.

Предлагаемые «Очерки по психологии» выросли из цикла публичных лекций по психологии, читанных автором в лектории Ленинградского Горкома ВКП(б). В «Очерки» вошли лишь некоторые вопросы психологии, относящиеся к психологической теории умственной деятельности и характера человека.

«Очерки» могут послужить началом психологического самообразования читателя, которому предлагается для самостоятельного изучения общая психологическая литература.

«Очерки по психологии» являются одной из первых попыток научной популяризации психологии в свете новых достижений советской психологической науки.

Поэтому автор будет особенно благодарен читателям за пожелания и критические замечания, необходимые для дальнейшей работы.

Профессор **Б. Г. Ананьев**

Кафедра психологии Ленинградского ордена Ленина Государственного университета

ГЛАВА ПЕРВА

ПРИРОДА ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Психологические знания и психологическая наука

Явления психической жизни: ощущение, память, мышление, воображение, чувства, воля, темперамент, способности, потребности, интересы, характер и т. д.— известны человеку из опыта собственной жизни, каждое мгновение которой переживается. Источником такого психологического знания, данного внутренним опытом переживания, является, следовательно, сама жизнь, события жизни, раскрывающие перед самим человеком его собственный внутренний мир.

Для того, чтобы пережить, нужно, прежде всего, жить. От полноты и силы жизни, от общественного бытия человека зависит характер человеческих переживаний, их глубина и правдивость — соответствие жизни.

Таким образом, в основе психологических знаний, связанных с переживаниями, внутренним опытом, — лежит осознание практической жизни личностью, как общественным существом. В этой практической жизни, порождающей ежесекундно переживания, формируются психологические знания о собственном внутреннем мире. Жизненная опытность есть одно из условий такой психологической зрелости переживаний и связанных с ними знаний об явлениях психической деятельности.

Расчленение потока собственной психической жизни на отдельные состояния и качества, выделение из этого потока разных по своей ценности явлений, установление преемственной связи между отдельными явлениями внутренней жизни— все это уже переход к психологическому анализу.

Переживания и все иные явления психической жизни становятся вместе с тем для переживающего человека предметом его собственной мысли. Этот переход от простого непосред-

ственного переживания к размышлению над ним, к его анализу и кладет одно из начал психологическому знанию.

Неверно полагать, что все знания о собственных переживаниях идут изнутри, что и самые переживания и размышления над ними (психологический анализ) вращаются только в замкнутом внутреннем кругу. Из такого ошибочного представления рождается противопоставление психологического знания, как только внутреннего, субъективного — объективным знаниям о внешнем мире.

В действительности же в своем психологическом анализе мы оперируем значениями и смыслами, исторически сложившимися в языковом развитии народа. Бесконечное многообразие психологических значений и смыслов имеется в нашем великом русском языке, красота и точность которого отражает духовную силу и глубину русского народа и вооружает сознание каждого советского человека мощным аппаратом познания, в том числе и психологического.

Следовательно, хотя мы переживаем свою жизнь внутри, субъективно, и размышляем над ней внутри, субъективно, — уже самое решающее значение языка в обозначении отдельных явлений свидетельствует о зависимости психологического знания от общего познавательного опыта человека в его общественной, народной жизни.

В коллективной жизни человек научается различать других людей не только по их наружности и другим внешним качествам, но и по их внутреннему складу. Это психологическое знание внутреннего мира другого человека, без которого невозможен индивидуальный подход к другому человеку, создаются также самой жизнью, опытом коллективного труда и повседневного общения.

В самих себе мы научаемся разбираться постольку, поскольку мы научились распознавать внутренний облик других людей. Знание психологии других людей в значительной мере является источником знания самого себя, умения анализировать собственное внутреннее состояние.

Русская художественная литература, особенно в творениях Толстого, Чехова и Горького, достигла высшего искусства в изображении правды внутренней жизни человека. Чернышевский называл Льва Толстого непревзойденным мастером психологического анализа в изображении «диалектики души». Воспитываясь с детства на образах художественной литературы, мы учимся видеть внутренний мир другого человека,

понимать других людей и самих себя, разбираться в собственных переживаниях и действиях, т. е. приучаемся к психологическому анализу.

Таковы, в главных чертах, источники психологических знаний и психологического анализа у людей, и не имеющих специального психологического образования.

Известно, что и без такого образования человек может стать знатоком людей, благодаря жизненному опыту, многолетней работе в коллективе, руководству людьми, наблюдению за их жизнью и самонаблюдению за собственной внутренней жизнью. Больше того, специальное психологическое образование не может заменить богатого житейского опыта.

Тем не менее, психологические знания становятся истинными лишь на научной основе, т. е. когда они поднимаются на уровень научно-психологической теории. Психологический анализ устанавливает известные явления, причины возникновения которых обнаруживает психологическое исследование. Психологические знания, не обоснованные научной теорией, всегда рискуют стать жертвой лженаучных «теорий», подпасть под влияние предрассудков и суеверий, которые, по справедливому замечанию Менделеева, особенно сильно распространены в отношении психической деятельности.

Эти суеверия и предрассудки (от веры в существование предначертанной судьбы и гадания до ошибочных заключений о природе психических процессов) вкоренились очень глубоко в сознание людей в результате многовекового влияния идеалистической философии. Заблуждения в психологических знаниях, не обоснованных научно, особенно распространены в силу зависимости этих знаний у отдельного человека от ограниченности его личного опыта, настроений и обстоятельств жизни в данный момент.

Значит, нельзя удовлетворяться тем, что сама жизнь и знания художественной литературы создают у человека известный круг психологических знаний и способность к психологическому анализу. Необходимо распространение научных знаний по психологии среди широких масс, что помогает освобождать их сознание от ложных представлений, суеверий и предрассудков.

Особенно важно хотя бы элементарное психологическое образование и самообразование для работника, руководящего деятельностью других людей.

Лишь на основе систематического изучения специальными

приемами исследования (прежде всего — экспериментом, т. е. намеренным воспроизведением явлений в определенных условиях) и на основе специальной научной теории возможно вскрыть лежащие в основе психических явлений закономерности.

Только научно-психологическое знание вскрывает действительную природу психической жизни и устраняет различные суеверия и предрассудки относительно психической деятельности.

Психология, как наука, изучает не только отдельные психические (душевные) проявления человека, но прежде всего закономерности, лежащие в основе тех или иных психических явлений.

Научно-психологические исследования вскрывают причинность психических явлений. Именно в этом видел великий русский философ Н. Г. Чернышевский значение научной психологии. Смену ощущений и чувствований, ход мысли, процесс запоминания и забывания, особенности характера, тот или иной вид поступка — научная психология объясняет, исходя из причинно-следственных связей, определяющих развитие тех или иных психических процессов и особенностей личности.

Обусловленность психических процессов,—их зависимость от действительности внешнего мира и собственной жизнедеятельности человека, — выступает в разных конкретных видах, многие из которых с большой точностью исследованы психологией и психофизиологией органов чувств.

Из обыденной жизни известно различие чувствительности зрения, слуха, осязания и т. д. у различных людей. Однако лишь наука открыла закономерности, определяющие эти различия, и нашла средства измерять остроту различных органов чувств. Из жизни каждому человеку знакомо явление забывания, но потребовались десятки исследований, чтобы открыть причины и формы забывания. Эти исследования, в общей совокупности, не только создают предпосылки для построения теории, объясняющей эти явления, но и для активного воздействия на развитие психических процессов. Так возникли учение о повышении чувствительности и различных факторах, обостряющих деятельность органов чувств, учение о средствах воспитания и укрепления памяти и т. д.

Говоря об успехах психологической науки, их значении для философии и практической жизни, Чернышевский подчер-

кивал, что то, что казалось известным каждому человеку из его опыта, стало действительно понятным (познанным) благодаря научной психологии. В каждой области психологии (учениях о восприятии и мышлении, памяти и воображении, эмоциях и темпераменте, воле и характере и т. д.) закономерности психической деятельности выступают в своем качественно своеобразном виде. Эти частные закономерности, например целостность и постоянство образа восприятия или последовательность образования черт характера, зависимость распределенного внимания от автоматизации одной из деятельностей или ведущая роль предметной деятельности в переходе от простого движения к действиям и т. д., являются выражением общих закономерностей психических процессов и сознания их сущности.

Главнейшими из этих общих закономерностей психического развития являются:

а) Отражение в субъективных образах явлений и закономерностей объективной действительности (материи), существующей вне и независимо от сознания. В свете этого основного закона отражения, открытого великим философом и ученым В. И. Лениным, раскрываются внутренние связи и механизмы ощущений и восприятий (первичных отражений предметов внешнего мира), представлений (вторичных образов внешнего мира), мышления (отражения связей и закономерностей внешнего мира), речи (обозначения познаваемых предметов и их связей) и т. д.

б) Единство нервных и психических процессов как функций мозга — «мыслящей материи». В основе психических процессов лежит динамика нервно-физиологических функций мозга, являющегося материальным носителем психических процессов. В свете этого закона материалистической психологии возможно понять образование психических процессов из нервной деятельности и переход от возбудимости нервных приборов к чувствительности и осмысленности психических процессов личности. Вместе с тем понимание единства нервно-психических процессов позволяет уяснить роль самих психических процессов и сознания в усложнении, качественном изменении высшей нервной деятельности человека (например воздействии сознания на работоспособность и преодоление утомления, сознательное воздействие человека на преобразование нервно-физиологической основы темперамента и т. д.).

в) Единство сознания и деятельности, — реальной жизни человека. В свете этой общей закономерности уясняется важнейшее положение о том, что в деятельности человека сознание не только раскрывается, но и образуется, что именно деятельность человека (общественная по своей природе) делает человеческое сознание деятельным, активным, — отсюда вытекает также, что образ жизни, бытия, деятельности определяет образ сознания личности. Поэтому с изменением образа деятельности изменяется образ сознания. Следовательно, нет и не может быть одинакового сознания у людей разных эпох и разных классов, различных общественных деятельностей. Отсюда следует также, что каждая конкретная форма деятельности (труда, учения и т. д.) образует особенности самого сознания и т. д.

Эти основные положения материалистической психологии должны раскрываться в свете марксистско-ленинской теории развития, диалектики.

Марксистский диалектический метод характеризуется следующими чертами: а) диалектика рассматривает природу не как случайное скопление явлений, оторванных друг от друга, а как связное, единое целое: «...Любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в обусловленности от окружающих его явлений»; [1] б) диалектика рассматривает природу не как состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости, но как состояние непрерывного изменения, обновления и преобразования — «диалектический метод требует, чтобы явления рассматривались не только с точки зрения их взаимной связи и обусловленности, но и с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания»; [2] в) самый процесс развития диалектика рассматривает не как простой рост, где количественные изменения не приводят к качественным преобразованиям, но как переход от незначительных и скрытых количественных изменений к качественным, коренным преобразованиям, наступающим не постепенно, а внезапно, скачкообразно — в результате накопления количественных изменений — «...диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как про-

---

[1] И. В. Сталин. „Вопросы ленинизма“, XI изд., стр. 536.

[2] Там же, стр. 537.

стое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему»;[1] г) развитию свойственны внутренние противоречия — «...борьба этих противоположностей, борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные».[2]

Психические процессы и сознание можно понять лишь в свете марксистско-ленинской диалектики. Самое возникновение психических процессов, являющихся продуктами развития высокоорганизованной материи, и происхождение сознания из общественного бытия, равно как и законы изменения, преобразования форм психической жизни и сознания — составляют важный вопрос материалистической диалектики. Усвоение научных знаний по психологии важно для философского образования и самообразования. Психология, в частности, изучает познавательные способности и процессы человека (ощущение, восприятие, представление, мышление). Вместе с логикой (наукой о законах мышления) психология составляет введение в философию. Психология изучает особенности деятельности субъекта (личности и ее сознания), что особенно важно для теории познания.

Философский материализм и научная психология

Психология с древних времен являлась составной частью философии. Поэтому и принципы психологии прямо определялись и определяются философскими основами, на которых она возникает. Как раздел философии психология насчитывает свыше двух тысяч лет своего существования. Как самостоятельная экспериментальная наука психология не насчитывает еще и столетия. Лишь с 60-х годов XIX столетия (в нашей стране благодаря Чернышевскому и Сеченову) психология превращается из области философских воззрений в область конкретного научного знания, что связано с успехом физиологии нервной системы.

Философский материализм способствовал формированию

[1] И. В. Сталин. „Вопросы ленинизма“, XI изд., стр. 537.
[2] Там же, стр. 539.

психологии как конкретной науки на основе естествознания и научного понимания истории.

Лишь марксистский философский материализм правильно разрешил основную и для психологии проблему — отношение сознания и психических процессов к бытию, материи.

В своем классическом определении позиций марксистского философского материализма по этому вопросу И. В. Сталин говорит: «В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание, что материальный мир, бытие, природа существуют лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях, — марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляют объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку».[1]

Как видим, марксистский философский материализм до основания разрушил идеалистические воззрения на сознание и психические процессы, как на самостоятельное начало, сущность, независимую от природы, бытия и материальной деятельности мозга.

С разрушением этого ложного представления о существовании самостоятельной сущности души падает и мистическая завеса над сложнейшими психологическими проблемами. «Бессмертие души» представляется в свете современной науки одним из старинных заблуждений и суеверий. Из «сверхестественной» сущности и области веры психические процессы превратились в область научного знания.

Философский материализм, однако, не только не отрицает своеобразия психических процессов, но, напротив, подчеркивает их важное значение в жизни и развитии человека. Поэтому философский материализм высоко оценивает и значение психологической науки, изучающей закономерности психических процессов.

---

[1] И. В. Сталин, „Вопросы ленинизма", XI изд., стр. 542.

В. И. Ленин еще в труде «Что такое «друзья народа» указывал на то, что материализм в изучении общественных идей продолжил анализ глубже, нежели все иные общественные теории, до происхождения самих этих общественных идей. В этой связи Ленин писал, что вывод материализма «о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией».[1]

Научная психология оценивалась высоко В. И. Лениным именно за ее материалистические принципы, противоположные старой идеалистической «метафизической» психологии.

«Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже самый прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы... научный психолог отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов, и дал, скажем, анализ объяснения такого-то или таких-то психических процессов».[2]

В труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин кратко формулирует основной философский принцип материалистической психологии:

— «...дух не существует независимо от тела... дух есть вторичное, функция мозга, отражение внешнего мира».[3]

Психические процессы — продукт деятельности мозга

Итак, психические процессы не самостоятельная особая сущность, а свойство особым образом организованной материи — мозга.

Мозг есть высшая форма органической материи, а психические процессы есть самая сложная и высшая функция мозга.

Всякий психический процесс в своей основе является, вместе с тем, процессом нервным; однако далеко не всякий нервный процесс становится процессом нервно-психическим. Лишь при известных условиях активной деятельности высших отделов мозга — больших полушарий головного мозга,

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., III изд., т. I, стр. 60.
[2] Там же. стр. 64.
[3] В. И. Ленин. Собр. соч., III изд., т. XIII, стр. 73.

особенно их коры, — рефлекторные акты переходят в психические процессы — ощущение, чувствование, память, мышление и т. д.

Великий русский физиолог и психолог И. М. Сеченов установил, что психические процессы едины по своему происхождению с нервно-физиологическими актами. Успехи в различных областях естествознания и медицины великолепно подтверждают эту теорию Сеченова.

Естествознанием и сравнительной психологией доказано, что психические процессы — продукт развития нервной деятельности, т. е. свойство развивающейся материи мозга (см. главу II).

Физиология доказала это положение опытно, удаляя оперативным путем большие полушария целиком или частями. Эти опыты позволили проследить, как животное лишалось умственных способностей и приобретенных ранее привычек.

Открытие знаменитым русским ученым И. П. Павловым законов высшей нервной деятельности позволило проникнуть в механизм работы больших полушарий головного мозга и его корковой поверхности. Павлов экспериментально доказал, что кора больших полушарий является органом индивидуально приобретенных действий, вырабатываемых у организма в ходе его приспособления к внешней среде.

Система работы больших полушарий головного мозга — «сигнальная» деятельность. Павлов показал, что, в отличие от рефлексов, осуществляемых через отделы нервной системы, расположенных под корой головного мозга и являющихся унаследованными и постоянными («безусловными»), рефлексы головного мозга животных являются индивидуальными приобретениями, изменяемыми и временными («условными»). Посредством условных рефлексов головной мозг, в ответ на действие окружающего мира на органы чувств, приводит в действие двигательную мускулатуру и железы и регулирует работу внутренних органов. По определению Павлова «основная и самая общая деятельность больших полушарий есть сигнальная с бесчисленным числом сигналов и с переменной сигнализацией».[1] Условно-рефлекторная деятельность больших полушарий бесконечно повышает жизнеспособность организма, приспособляемость животного к окружающей

---

[1] И. П. Павлов. Лекции о работе больших полушарий головного мозга, 1927 г., стр. 24.

среде и изменение поведения животных соответственно биологической нужде.

Сигнальная деятельность больших полушарий, возникающая в непосредственной связи с рефлексами безусловными, наследственными, составляет основу простейших явлений памяти, навыков и привычек. Эта, непосредственно возникающая, в связи с внешними раздражениями, сигнальная деятельность сравнительно проста и обща человеку и животным. Сигнальная деятельность, общая животным и человеку, обозначается Павловым как первая сигнальная система. Высшей формой высшей нервной деятельности человека является вторая сигнальная система. Здесь кора головного мозга отвечает не на непосредственные раздражения из внешней среды, поступающие в мозг через органы чувств, а на сигналы, в особенности из речевого аппарата. Органом второй сигнальной системы являются области речевой деятельности головного мозга, особенно кора лобных частей головного мозга. Вторая сигнальная система регулирует первую, тормозит ее возбуждения и т. д. Как увидим дальше, вопрос о взаимодействии второй и первой сигнальных систем в деятельности коры головного мозга человека имеет первостепенное значение для понимания и психологических проблем. Именно в законах высшей нервной деятельности, открытых Павловым, намечается переход нервных процессов в нервно-психическую деятельность.

В коре головного мозга, как и во всяком работающем органе, образуются слабые электрические токи. Могут быть записаны медленные волны или биотоки, называемые «альфаритмом», и быстрые волны или биотоки — «бета-ритмы». Эти биотоки коры головного мозга или электрические разряды возникают в мозгу самостоятельно и при отсутствии каких-либо явных раздражений, поступающих с внешних или внутренних органов чувств. При воздействиях же этих раздражений частота, скорость и периодичность электрических разрядов мозга изменяются в зависимости от силы и характера раздражений (особенно действия света, т. е. электромагнитных волн).

Электрическая активность головного мозга есть продукт деятельности серого вещества или коры больших полушарий. У человека биотоки коры протекают с большей регулярностью, нежели у животных. Различные области коры головного мозга обладают, повидимому, различными электрическими

потенциалами. Медленные волны (альфа-ритм) лучше всего выражены в затылочных долях, меньше — в лобных и височных. Эти медленные или альфа-волны ослабевают или даже исчезают при усилении активного состояния мозга: действии света и звука, при умственной работе. При этом усиливаются и учащаются быстрые или бета-волны, которые при умственной деятельности не только не исчезают, подобно альфа-волнам, но выступают еще сильнее.

По данным профессоров Воробьева и Дзидзишвили, из лабораторий академика Бериташвили, умственная работа производит сильную перестройку в электрических явлениях коры головного мозга: ослабевают медленные биотоки, выступают лучше или даже усиливаются быстрые биотоки.

Интересно, что наибольшее угнетение медленных биотоков происходит непосредственно перед самим разрешением умственной задачи, т. е. в момент наибольшего умственного напряжения.

Эти опыты наглядно подтверждают особую роль корковых областей в умственной деятельности, которая сопровождается возникновением определенных биотоков. Больше того, опыты показали, что умственное напряжение создает большие сдвиги в электрической активности, нежели кислородное голодание.[1]

Современные исследования электрических изменений в коре головного мозга укрепляют материалистическое положение о том, что психические процессы — функция мозга. В полном согласии с учением И. П. Павлова эти исследования утверждают еще более точно, что психические процессы у человека есть функция серого вещества — коры больших полушарий.

Мы уже знаем, что И. П. Павлов пришел в последние годы своей жизни к мысли о существовании у человека второй сигнальной системы (речевой), существенно отличающейся от первой сигнальной системы, общей у животных с человеком и единственной у животных. Эта вторая сигнальная система — наиболее подвижная и активная система сложнейшей нервно-психической деятельности. Вторая сигнальная система оказывает тормозящее влияние на первую.

[1] Для понимания физиологического механизма этих явлений рекомендуем обратиться к трудам академика И. С. Бериташвили, см. Труды Института физиологии им. акад. Бериташвили. Тбилиси, т. V, 1943 г.

В этом же направлении развиваются психо-физиологические исследования. Они показывают, что высшие корковые процессы являются уже не только физиологическими, но психо-физиологическими процессами.

Особое значение для образования психофизиологической деятельности коры имеет левое (для большинства людей-правшей) полушарие головного мозга. Кора левого полушария (для левшей — кора правого полушария) является высшим регуляторным аппаратом чувствительных и двигательных функций человека и главным центром речевой и мыслительной деятельности. Конечно, нормальная деятельность левого полушария возможна лишь при нормальном взаимодействии обоих полушарий.

Клинические и анатомические исследования органических заболеваний коры головного мозга показали, что в коре головного мозга имеются различные речевые зоны. От состояния этих речевых зон зависит общая работоспособность коры головного мозга. Таким образом, анатомической основой второй сигнальной системы является эта система речевых зон, особенно в передней части больших полушарий. Лобные, височные и теменные области коры имеют наибольшее значение не только для речевых, но и вообще мыслительных процессов, а также высших двигательных и чувствительных функций, затылочные доли являются основным регулятивным центром зрительных функций: зрительного узнавания, пространственного различения, цветного зрения и т. д.

Клинические и анатомические открытия локализации психических процессов в различных областях коры головного мозга (и частично — в подкорковых областях больших полушарий) укрепили в еще большей степени материалистическое понимание психических процессов как функций мозга.

Современные исследования показали, что не существует узкой приуроченности психической способности к корковому участку, как это думали раньше. Играет роль общее состояние корковой деятельности, да и самые «центры» представляются более широкими областями, взаимосвязанными и взаимодополняющими. Тем не менее, связанность психических функций коры с определенными участками коры головного мозга на фоне общей ее деятельности позволяет окончательно утвердиться в истинности материалистического понимания психики, как функции мозга.

Однако психические проявления мозговой деятельности отличаются от физиологических проявлений мозговой деятельности, которые лежат в их основе. Нервно-физиологические процессы выступают в форме рефлекторной деятельности, психические процессы — в более сложной форме различных переживаний, знаний и действий.

В чем же заключается суть психических процессов как высшего свойства мозговой деятельности? По мысли Ленина, доказанной всем современным развитием науки, психические процессы есть о т о б р а ж е н и е внутри человеческой личности явлений и законов внешней, материальной действительности.

Таким образом, психические процессы есть свойство особым образом организованной материи, свойство, заключающееся в о т о б р а ж е н и и материальной действительности. Имея своим содержанием предметы внешнего мира, психические процессы предметны. Эта предметность сознания образуется в ходе практического воздействия на вещи и явления окружающего мира, в процессе овладения ими. В этом и заключается основная сущность, природа психических процессов, составляющих предмет изучения психологической науки.

Субъективное и объективное в психических процессах

Природа, внешний материальный мир, окружающий человека, существует вне и независимо от сознания и психических процессов человека. Напротив, психические процессы зависят от внешнего, материального мира и, являясь продуктом мозговой деятельности, отображают явления и законы внешней, материальной действительности.

Это — единственно верное понимание соотношения сознания и материи, природы, бытия принадлежит философскому материализму, созданному и развитому Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным.

По классическому определению Сталина «марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляют объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга,

а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку».[1]

Действительность природы, материи, бытия — объективна, т. е. существует вне и независимо от сознания. Сознание и психические процессы вообще субъективны, т. е. укоренены в познающем существе — личности, существуют внутри личности, познающей объективную действительность.

Каждый психический процесс дан человеку как непосредственное переживание, как своеобразное внутреннее состояние. Всякий психический процесс протекает в субъективной форме переживания, выступая и при мыслительной работе и в поступках, как переживание удовольствия или неудовольствия, возбуждения, успокоения, или угнетения, в виде того или иного настроения. Всякое ощущение, представление, мысль вместе с тем протекают в той или иной форме и степени в виде субъективных образов. Так, характеризуя ощущения, Ленин указывает, что уже этот, самый простой, психический процесс есть субъективный образ объективной действительности. Это определение указывает уже на то, что психические процессы являются не только переживанием, отнесенным лишь к самой личности, но и знанием личности о внешнем мире. Однако и переживания и знания, составляющие психические процессы, по характеру своего протекания, по форме своего существования субъективны.

Источником тех или иных субъективных образов, порождающих ощущения, представления, мысли, является объективная действительность, внешний мир, природа и общество. Содержанием психических процессов являются те явления, факты объективной действительности, которые отображаются в сознании. Очевидно, что психические процессы субъективны по форме, но по своему содержанию объективны.

Человек не просто пассивно созерцает внешний мир, а активно воздействует на него посредством своей практической деятельности. В процессе этой практической деятельности формируется и развивается его сознание. Именно потому, что сознание формируется в деятельности, оно и раскрывается в деятельности.

Таким образом психические процессы и субъективны и объективны. В этом единстве субъективного и объективного

---

[1] И. В. Сталин. „Вопросы ленинизма“, XI изд., стр. 542.

в психических процессах ведущее положение принадлежит объективным сторонам психической деятельности.

Как можно заключить — психические процессы субъективны по своей форме и характеру протекания. Объективны же психические процессы, во-первых, как качественно своеобразное проявление нервно-мозговой деятельности, во-вторых — по своим источникам и содержанию, поскольку психические процессы отображают объективную действительность и, в-третьих, — потому, что раскрываются в ходе деятельности, где они первоначально и формируются.

На основе изучения объективных сторон психических процессов (их происхождения, содержания и раскрытия в деятельности) наука проникает в субъективную сторону психических процессов (внутреннюю форму существования).

Психические процессы и сознание

Все психические процессы являются и переживаниями и знаниями в той или иной степени и форме. Следовательно, все психические процессы соотнесены и к самому субъекту, т. е. познающему существу, и к объективной действительности, им познаваемой. В своих простейших формах психические процессы возникают в процессе эволюции нервной системы еще в животном мире. Однако даже у человекообразных обезьян психические процессы бессознательны.

Напротив, сознание есть наиболее общая и типичная черта психических процессов человека. Труд создал самого человека и его сознание. Корни преобразования бессознательной психики животных в сознательную психику человека связаны с историей общественно-трудового изменения окружающей природы и природы самого человека (особенно его мозга, рук, органов чувства, языка). Благодаря единству сознания и практической деятельности, исторически возникла возможность выделиться человеку из окружающей среды, активно к ней соотноситься, воздействовать на нее и проникать во внутренние законы природы.

Таким образом, сознание в его единстве с практической деятельностью является высшей формой психических процессов человека — активным отображением действительности.

Всякий психический процесс содержит в себе элемент знания (в том числе и эмоции). Однако эти знания становятся сознательными лишь тогда, когда они соотнесены

к системе знаний, оценены в свете убеждений и общественных идей, когда ими человек овладевает практически, т. е. в деятельности.

Психические процессы многообразны так же, как многообразны формы воздействия природы и общества на личность и как многообразны отношения личности к природе и обществу. Человек ощущает и воспринимает окружающую действительность; чувственные образы, закрепляясь, составляют основу памяти. Устанавливая связи и отношения между явлениями внешнего мира, человек осмысливает окружающую действительность. Из чувственных образов и мыслей образуются новые творческие образы воображения. Все познаваемые явления и предметы, равно как и отношения человека к ним, обозначаются посредством языка в речи личности и т. д. Эти формы психических процессов: ощущения, восприятия, представление и память, мышление и речь — составляют основные формы познавательной (умственной) деятельности человеческой личности. Каждая из них характеризуется своеобразными чертами (психологическим строением), о которых преимущественно и говорится в данной книге.

Но познавательная деятельность едина и ее невозможно представить как простую сумму психических процессов. К тому же нельзя себе представить познавательную деятельность как взаимодействие одинаковых по своему значению процессов. Ведущую роль во взаимодействии познавательных (умственных) процессов играют о щ у щ е н и е и м ы ш л е н и е. Переход от ощущения к мысли и от них к практической деятельности составляет главное звено во взаимодействии и единстве форм умственной деятельности.

Однако, как показали психологические исследования, закрепление образов в памяти и формирование мысли (мыслительные операции) почти невозможны без посредства речи. Речь проникает во все формы умственной деятельности, с речью связано овладение общественным сознанием и развитие нравственного самосознания человека. Поэтому взаимодействие ощущения и мышления реально существует лишь в единстве ощущения и мышления — речи.

Было бы, однако, грубой схемой, если бы вся картина психической жизни человека была сведена лишь к умственной, познавательной деятельности (ведущей в сознании человека). Человек не только воспринимает и размышляет, но и п е р е ж и в а е т каждое свое впечатление и мысль о внеш-

нем мире. Эти переживания отражают психо-физические изменения личности и ее отношение к познаваемым явлениям внешнего мира. В форме простых и сложных чувств, эмоций, страстей, настроений эти переживания вплетены во все познавательные процессы и практические действия человека. Воспринимая и размышляя, воображая и запоминая — человеческая личность переживает мир и свои действия в нем. Радости и печали, любовь и ненависть, возбужденность или подавленность, переживания успеха или неуспеха, удовольствия или недовольства — придают каждой мысли и действию, фразе или образу своеобразный, постоянно меняющийся колорит. Благодаря обладанию богатейшей гаммой чувств, переживаний, личность почти никогда не пребывает в состоянии безразличия к окружающему. К каждому факту жизни устанавливаются определенные эмоциональные отношения, оказывающие большое влияние на скорость протекания умственных процессов и производительность действия. На основе воспитания и овладения мировоззрением эти переживания осознаются, приобретают новый характер нравственных и эстетических переживаний. Высшим из этих нравственных переживаний является патриотическое чувство — любовь к родине, в условиях социалистического строя ставшая достоянием каждого, обладающего великими правами советского гражданина.

Ум и чувства еще не исчерпывают всего многообразия психической жизни человека. Больше того, между умом и чувством возможны противоречия, когда у человека понимание должного и хотения не совпадают.

Что же снимает эти противоречия и способствует образованию цельного человека? Откуда возникают самые чувства, начиная с простейшего переживания удовольствия или недовольства?

Так мы подходим к одной из важнейших частей психологии — учению о внутренних побуждениях (потребностях, влечениях, желаниях, интересах, стремлениях) и в о л е. Все познавательные процессы и переживания возникают в непосредственной связи с непрерывным изменением потребностей и раскрываются в действиях, в волевых актах. Деятельная природа человеческого сознания раскрывается непосредственно в практических действиях, в поступках, где как бы обобщаются все свойства и отношения сознания. Возникая из определенных обстоятельств жизни, поступок воздействует на

эти обстоятельства, преобразуя их в том случае, если воля человека морально воспитана, дисциплинирована.

Ощущает и думает, переживает и действует конкретный человек, являющийся не только организмом (индивидом), но и личностью (индивидуальностью). Ум, чувства и воля своеобразно выступают у разных личностей, изменяясь в зависимости от психо-физических особенностей человека, истории его жизни и общественной деятельности.

Осознавая природу и общество, воздействуя на обстоятельства жизни, личность обнаруживает отличие себя от других, собственное своеобразие («неповторимость»). На известной стадии развития личности предметом ее сознания становится ее собственная жизнь, собственное тело и сознание. Так возникает самосознание, первоначально связанное с осознанием жизни собственного тела и с превращением собственной жизнедеятельности в предмет сознательного воздействия — воли.

В этой связи важно понять мысль К. Маркса о принципиальном различии жизнедеятельности животных и человека. «Животное непосредственно представляет собой единство со своей жизнедеятельностью — писал Маркс. — Оно не отличается от последней. Животное и жизнедеятельность одно и то же. Человек делает свою жизнедеятельность объектом своей воли и своего сознания. Он обладает осознанной жизнедеятельностью».[1] Осознание собственной жизнедеятельности и воздействия на ход ее развития составляет исходный момент развития самосознания. Сохраняясь, как важный момент всей истории развития самосознания, осознание тела и овладение им включается в нравственное развитие самосознания — образование представлений о собственной личности, ее потребностях и правах, обязанностях и долге. Переживания долга, чести и совести составляют нравственную основу чувства «я». Чувство собственного достоинства, в сочетании с критическим отношением к своим намерениям и действиям, составляет важнейшее проявление этого чувства «я» — полного развития самосознания. Самосознание «триедино» (Г. Сковорода). Оно складывается из отношения к собственной индивидуальности, из осознания себя как части своего народа и из осознания себя как части человечества в целом.

---

[1] Приведено по сборнику „Маркс и Энгельс об искусстве“, изд. „Искусство“ 1937, стр. 56.

Ограничение самосознания лишь «самопереживанием» порождает эгоизм и ограниченность. Наоборот, осознание самого себя, как особенной индивидуальности, в единстве с великими силами своего класса и народа, всего человечества умножает духовные силы человека.

С переходом от сознания к самосознанию связано образование характера — единства и оригинальности личности, а также переход от способностей к таланту. Возникая на основе природных особенностей нервной системы — темперамента, характер преобразует свою природную основу и становится определяющим качеством индивидуальности человека. От характера человека оказываются все более и более зависимыми особенности мыслительной деятельности, чувств и поступков человека.

Как видим, картина человеческой психологии многообразна и сложна. Научная психология разрабатывает все проблемы психического развития личности: познавательные процессы, переживания и внутренние побуждения, психологию деятельности, темперамент и характер, способности и талант и т. д.

В изучении этих проблем огромный вклад сделан русской научной психологией, связанной с классическим русским философским материализмом. Успехи русской нервной физиологии способствовали во многом укреплению материалистических традиций в русской психологии, развитых на марксистско-ленинской основе советской психологией.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЗНАНИЯ

Происхождение сознания и история умственного развития животных

Идеализм утверждал, что душа и сознание бессмертны, вечны, бесконечны. Смертна, преходяща, конечна лишь материальная жизнь организма. С этой точки зрения душа и сознание существуют «изначально», меняется лишь форма их существования постольку, поскольку душа признавалась основой всего существующего. Такая мистическая точка зрения, разоблаченная наукой и философским материализмом, даже и не допускала постановку вопроса о происхождении сознания.

Философский материализм и связанное с ним естествознание, доказав первичность бытия, материальной жизни и вторичность сознания, являющегося свойством материи, напротив, выдвинули проблему происхождения сознания как одну из важнейших.

Диалектический материализм поставил проблему диалектики перехода от материи к сознанию и тем самым направил науку на изучение происхождения сознания из развития материи, в корне преодолевая религиозно-мистические учения о бессмертии души и сознания.

Рассматривая общество и природу в единстве, во взаимной связи и в их развитии, современная наука не может решать вопрос о происхождении сознания человека безотносительно к происхождению психической жизни у животных. Несмотря на то, что сознание порождается историческим развитием общественно-трудовой жизни, а психика животных — биологическим развитием их приспособительной деятельности, сознание человека имеет свои корни в этом первоначальном психическом развитии животных.

Поэтому необходимо изучать одну из предпосылок истории сознания — «историю умственного развития животных».[1]

Изучение животных корней человеческого сознания является предпосылкой к тому, чтобы понять, как и на какой основе психика становится сознательной, каким образом возникает это новое качество психической деятельности — сознание, свойственное только человеку.

Известно, что научное исследование возникновения и развития психических процессов у животных связано с успехами эволюционной теории Ч. Дарвина.

Сам Дарвин, заключая свой ставший знаменитым труд «Происхождение видов», писал, что «в будущем откроются области для гораздо важнейших исследований. Психология будет прочно обоснована на фундаменте... а именно на необходимости приобретения каждой душевной способности постепенным путем».

В разработку биологических основ психологии животных особенно большой вклад внесла русская наука трудами биологов Мечникова, Холодковского, Северцева, физиологов Сеченова, Павлова, Орбели, психологов Владимира Вагнера, Ладыгиной-Котс, Боровского, Войтониса, Рогинского и др.

Современная наука располагает всеми данными для окончательного преодоления заблуждений и предрассудков в этой области. Из «сверхестественной» сущности психика животных превратилась в одно из естественных явлений природы, имеющих свою материальную основу в развитии способа существования, способа жизни, бытия.

Способ существования, нервная организация и психическая деятельность животных

Из диалектико-материалистического понимания психических процессов следует, что с изменением их материальной основы — жизнедеятельности, способа жизни организма—неизбежно должно изменяться и свойство живой материи — психика животных.

Следовательно, в основе развития психики лежит преобразование самой органической материи. Изменение форм бытия, материальной жизни организмов обусловливает вторичные изменения — психической деятельности животных. У животных, находящихся на различных ступенях эволюции жизни, обладающих различным строением нервной системы и различно

[1] В. И. Ленин. „Философские тетради“, 1934, стр. 321.

приспосабливающихся к природе, не может быть одинаковой психической организации, несмотря на сходство в отдельных проявлениях поведения.

Решая вопрос о возникновении, развитии или отмирании той или иной формы психической деятельности у животных, нужно исходить не из самой психики, а из первичного изменения способа материального существования данного вида. Эволюционная теория доказала, что основной способ существования живого существа, организма есть его приспособительная деятельность, приспособление к среде. Борьба за существование, осуществляемая приспособлением организма к среде, определяет естественный отбор и изменение вида. Жизнедеятельность животного организма (равно как и растений) носит приспособительный характер. Приспособления эти — морфологические — изменения внешних органов и сопряженные с ним изменения органов внутренних; функциональные (физиологические) приспособления в форме обмена веществ между организмом и средой, потребления готовых продуктов природы (питания), размножения и т. д.

Средствами приспособления выступают также и формы поведения и психической деятельности животных: рефлексы, инстинкты, навыки и привычки, интеллектуальное поведение высших позвоночных. Заслуга объяснения приспособительной роли этих психических форм жизни животных принадлежит выдающемуся русскому ученому — академику Северцеву.

Различая три основные формы поведения животных: рефлекс, инстинкт и «разумную» деятельность, он рассматривает рефлекс и инстинкт как наследственные приспособления поведения и «разумную» деятельность как средство ненаследственного индивидуального приспособления к среде. «Разумные действия» ненаследственны и поэтому чрезвычайно изменчивы, пластичны.

В ходе эволюции поведения, по учению академика Северцева, образуются два различных направления: рефлекторно-инстинктивное (преобладание видовых форм поведения над индивидуальными) и поведение «разумного» типа (выделение индивидуального опыта из видового поведения). В процессе развития жизни происходит своеобразное обособление инстинкта и интеллекта («разума» животных). У членистых и членистоногих животных, начиная от аннелид и кончая пауками и насекомыми, прогрессивно развивается деятельность

рефлекторно-инстинктивная. Инстинкты здесь достигают высокой степени совершенства, в каждом из инстинктов имеется длинная цепь точно отрегулированных и точно повторяющихся действий, приспособленных к постоянным строго определенным условиям существования. Но даже у тех членистоногих, у которых инстинкты достигли высокой степени совершенства, индивидуальное поведение находится на низком уровне. Приспособление посредством перемены способа действий и выучки играет у них незначительную роль.

Напротив, у амфибий, птиц, млекопитающих, хотя и есть сложные инстинкты, но тем не менее к ним всегда примешиваются действия «интеллектуального порядка». Эта деятельность также развивается прогрессивно. У рыб и амфибий она сводится к сравнительно простым рефлексам, значительно сложнее она у рептилий и достигает высшего развития у птиц — с одной стороны, у млекопитающих — с другой.

Здесь обнаруживается решающая роль индивидуальных приобретений и приспособлений поведения. Таким образом, со специализацией поведения в рефлекторно-инстинктивном и интеллектуальном направлениях связаны различные отношения между видовым и индивидуальным в поведении животных. Чем сложнее формы поведения и пластичнее, изменчивее приспособление поведения животного к быстро меняющимся условиям существования, тем более важную и самостоятельную роль играет индивидуальное в поведении. В процессе видового развития отдельная особь играет все возрастающую роль. Отсюда необходимость расценивать тот или иной уровень развития поведения и психики животных прежде всего с точки зрения сравнительной роли индивидуального и видового в поведении.

Известно, что многоклеточный организм возник в результате развития одноклеточных, первоначально однородных и не обладавших обособленными функциями обмена, дыхания, питания, размножения, раздражимости и т. д. Однако в дальнейшем процессе развития происходило обособление отдельных функций, усложнение организма. В результате некоторые клетки, утратив одни и усовершенствовав другие функции, положили, между прочим, основание, с одной стороны, — мышечной, а с другой, — нервной ткани. Мышечная ткань в значительной степени утратила раздражимость и развила сократимость, нервная ткань, напротив, специализировалась на развитии раздражимости и утратила сократимость. Обособление

отдельных жизненных отправлений в цельном организме повышало жизнеспособность, развивало разносторонность его приспособлений к среде. Вместе с тем обособление функций, в известной мере расчленяя организм, толкало развитие в противоположном направлении — преодоления этой обособленности функций и органов путем образования нового органа, регулирующего деятельность всех органов. Таким органом и выступила нервная система с ее функцией возбудимости, т. е. наиболее тонких связей со средой, из которых и образовались функции регуляции, управления всей жизнедеятельностью организма — проведение раздражений извне во внутрь организма и их объединение. Интеграция и управление всеми внутренними и внешними отправлениями организма определило все возрастающую роль нервной системы и пути ее совершенствования.

Впервые на эволюционной лестнице нервная система появляется у кишечно-полостных. Самой начальной и примитивной организацией нервных клеток является так называемая диффузная нервная система, в которой отдельные нервные клетки, выполняя уже функцию раздражимости, еще совершенно незначительно выполняют регулятивные функции. Диффузная нервная система (например, у медуз) является совокупностью ряда нервных клеток, но еще не представляет собой обособленный и слитный специальный орган, каким становится нервная система в последующем. «Собирание» нервных клеток в один орган выражается в процессе все большей централизации нервных клеток и возрастающей регулятивной роли в жизнедеятельности. Узловая нервная система является первым шагом в этом направлении. Она представляет собой сосредоточение нервных клеток в узлах, которые и осуществляют задачу регуляции приспособительных действий животного.

Отдельные нервные узлы соединены между собой, образуя как бы цепочку, связывающую воедино все отдельные нервные узлы. В этой цепочной нервной системе, однако, нет еще общей регуляции: каждый нервный узел управляет лишь связанным с ним сегментом тела, а отсюда сравнительная самостоятельность действий отдельных сегментов. Среди нервных узлов (брюшного, грудного, головного) преобладающее значение приобрел головной (передний) узел, обеспечивавший ориентацию животного в среде, следовательно успешное приспособление. Именно на этой стадии развития нервной си-

стемы (например, у кольчатых червей) впервые появляется специальная реакция нервной системы — рефлекс.

На высших ступенях развития беспозвоночных, у членистоногих (например, муравьев, пчел) отмечается дальнейшее развитие и усложнение головного узла, с которым связано образование инстинктов, в основе которых лежат цепные рефлексы. С усложнением организации и функций головного мозга он приобретает ведущее значение не только во внешней ориентации организма, но и в регуляции внутренних процессов, подчиняя себе регулирующую деятельность других частей узловой нервной системы. Уже на этой стадии развития намечаются различные функциональные системы нервных процессов: обособление чувствительных и двигательных функций, образование центральных связей между ними.

У позвоночных со все большей определенностью сказывается разделение нервной системы на периферическую (система нервных клеток и проводников чувствительных и двигательных) и центральную нервную систему (система регуляторных мозговых образований).

Совершенствование нервной системы у позвоночных осуществлялось преимущественно за счет развития центральной нервной системы. Разделение функций между спинным и головным мозгом, рост новых частей головного мозга, способных к наиболее гибкому переключению действий — больших полушарий и их коры — все это развивается преимущественно у млекопитающих, особенно у высших из них — человекообразных обезьян, наконец, у человека.

Регуляция всех жизненных функций, управление всеми внешними и внутренними отношениями организма как бы переносится из нижних отделов центральной нервной системы в высшие отделы — особенно в кору головного мозга. Нервные центры нижележащих отделов мозга из самостоятельно управляющих превращаются в передаточные механизмы. Таким образом, в процессе развития у высших позвоночных кора головного мозга становится центром всех чувствительных и двигательных функций, умственной деятельности животных. Однако это перемещение центров в кору неравномерно, наиболее корковыми становятся зрение, слух, тонкая различительная функция кожной поверхности. Это именно те формы чувствительности, которые имеют первостепенное значение для пространственной ориентации в среде и приспособления без изменений организации. В результате развития

головного мозга наибольшего совершенствования достигают органы чувств «дальнего действия», различающие внешние раздражения на расстоянии: зрительный, слуховой, обонятельный. В этих органах чувствительность значительно обостряется, повышается в силу их особенного приспособительного значения. С ними связано образование предусмотрительных, предупредительных действий, интеллектуального поведения.

Расширяя поле ориентации животного в среде, более точно и разносторонне отражая окружающую действительность, эти органы чувств стали основным источником знаний организма об окружающем. Понятно, впрочем, что эти органы чувств «дальнего действия», различающие раздражение и без непосредственного соприкосновения и являющиеся как бы непосредственной частью головного мозга, определяются общей системой работы головного мозга.

В зависимости от приспособительного характера общей системы нервной деятельности у данного вида позвоночных по-разному специализируются даже одни и те же органы чувств. Так, например, зрение изощрено и у птиц, и у высших обезьян. Но у птиц, живущих в условиях воздушной среды с ее громадными, легко обозримыми пространствами, зрение выступает как бы регулятором инстинкта. У высших обезьян, ведущих древесный образ жизни, также расширяется поле зрения, но зрение в этих условиях связано с более сложным выбором и различением предметов потребления, с более активной и сложной системой приспособительных движений. Поэтому зрение у высших обезьян определяется их интеллектуальным поведением. То же следует сказать о развитии слуха, не говоря уже о совершенно новом явлении чувствительности у обезьян — зачатках осязания. Древесный образ жизни, вызвавший активное развитие зрения, слуха, осязания, определил возникновение сложных форм зрительно-двигательной координации. Специализация одних конечностей обезьяны на функциях ноги (передвижение и стояние), других — на функциях руки (хватание, держание) способствовало оперированию предметами и использованию их как новых вспомогательных средств приспособления.

Решающую роль во всех этих превращениях играло развитие и специализация коры головного мозга.

Именно с развитием коры связано мощное развитие сигнальной деятельности мозга, рост изменчивости и переключае-

мости поведения соответственно быстрым изменениям окружающей среды.

Так мы видим, что если психические процессы есть функция мозга, то и самый мозг у животных определяется их образом жизни, биологическими условиями приспособления. Мозг и его физиологические процессы являются лишь материальным аппаратом, через который способ жизни, бытия определяет психические процессы животных. Уровень и тип нервной организации определяются уровнем и типом приспособительной деятельности. Основой развития и физиологических и психических функций мозга является образ жизни и средства приспособления животного к среде.

Образ жизни, создавая соответствующую нервную организацию, определяет образ психической деятельности животных.

Инстинкт

Главнейшей формой поведения и психики беспозвоночных и позвоночных за исключением высших млекопитающих является инстинкт. Наблюдателю, не знающему действительной природы инстинкта, инстинктивное действие представляется весьма целесообразным, разумным, сознательным. Казалось бы, как иначе возможно оценить такие сложные действия, как перелеты птиц, постройка ими гнезд, постройка бобрами плотин, паутину, сделанную пауками, «производство» меда пчелами и т. д.

Об этих инстинктивных действиях в прошлом была создана целая легенда как о выражении разума и сознания этих животных. Находились авторы, которые приписывали, например, бобрам и математические знания и инженерное искусство, а жизнь муравьев такие авторы изображали, как прообраз человеческого общества с разделением труда, союзами, государственностью, войнами и т. д. Нечего говорить о том, что за этими лженаучными «теориями» разумности инстинктов кроется стремление обосновать вечность, природность классовых отношений в человеческом обществе, оправдать эксплоатацию человека человеком вечными и неизменными «законами» природы.

Эти лженаучные «теории» были повергнуты в прах вскоре после того, как первые же серьезные исследования инстинктов у животных установили их полную противоположность сознанию человека.

Однако проблема инстинкта продолжает оставаться одной из сложных проблем естествознания и психологии. Есть мно-

жество фактов, свидетельствующих о поразительной «целесообразности» инстинкта. Вот, например, всем хорошо известный факт, что собака, страдающая глистами, без всякого научения и подражания, начинает есть чернобыльник, имеющий лечебное свойство. Роющие осы-сфексы не убивают свою добычу—сверчка, а сохраняют его живым, обеспечивая себя на длительный срок свежей пищей. Эта «хитроумная» операция достигается тем, что сфексы жалят сверчка в определенные нервные узлы, парализуют добычу, сохраняя ей жизнь. Личинка жука-носорога перед закукливанием делает кокон, величина которого значительно превышает размеры куколки и как бы заранее рассчитывается на размеры рогов жука, которые появятся в будущем, и т. д. и т. д.

Каким же образом наука, исследовавшая тысячи подобных фактов «целесообразности» инстинкта, все-таки пришла к выводу о бессознательности инстинкта и отсутствии в них собственно-разумного элемента? Экспериментально изучая явления инстинкта, наука пришла к выводам, которые известный русский зоопсихолог Вл. Вагнер излагал следующим образом:

1. Инстинкты — суть наследственное видовое образование, данное в готовом виде отдельной особи с момента рождения; поведение отдельной особи не изменяет инстинкта; инстинкт развертывается в поведении отдельной особи совершенно независимо от опыта и особенной жизни отдельного животного. Инстинкт представляет собой приспособление целого вида к постоянным для него условиям существования. Изменения инстинкта возможны лишь в видовой, а не в индивидуальной, жизни посредством естественного отбора и изменений в половых клетках.

2. В силу унаследованности и уготованности инстинкта для отдельного животного инстинктивные действия: а) шаблонны, т. е. исполняются всеми особями данного вида по одному и тому же образу, б) инстинктивные действия «целесообразны» только относительно к тем жизненным задачам и условиям, в которых они формировались в видовом развитии, в) инстинктивные действия безошибочны, поэтому только в отношении постоянных видовых условий приспособлений и становятся ошибочными и нецелесообразными при быстром изменении обычных условий, г) инстинкты бессознательны, т. е. животное, совершающее инстинктивное действие, не обладает в действительности целями действий, не понимает этих действий, т. е. их соответствия или несоответствия условиям

приспособления, д) инстинктивные действия безличны, в силу чего различные особи одного и того же вида существенно не отличаются друг от друга характером действий.

Вместе с тем наука показала, что именно впервые с инстинктом возникают элементарные потребности и эмоции, особенно чувствование удовольствия и недовольства, возбуждения, напряжения, угнетения и т. д. Различная сложность инстинктов зависит от того, как и на каком уровне включены органы чувств в их осуществление, в какой мере инстинктивные действия дополняются индивидуальными формами поведения: научением и интеллектуальными действиями.

Разберем несколько примеров, демонстрирующих правильность этих положений об унаследованности, шаблонности, бессознательности инстинкта и цепном характере рефлекторной деятельности нервной системы, их обусловливающей.

Вот, например, опыт с бобрами, которых так часто ставят в «образец» инженерам. Из гнезда бобров взяли двух новорожденных, еще слепых бобрят и стали их воспитывать в чужой для их вида обстановке. Они никогда не видали ни себе подобных (и не могли поэтому подражать), ни видовых условий: леса, речки и т. д. Когда эти бобры подросли, то в большой клетке, где они жили, бобры стали перегрызать прутья ивы и других деревьев, которые им приносились. Перегрызались эти прутья постоянно одним и тем же способом на палочки определенной величины, которые заострялись на одном конце и складывались в кучку. Затем бобры стали втыкать эти палочки в землю, к ним они притаскивали землю, глину, ветки, прутья и, ударяя своим плоским хвостом по принесенной глине, утрамбовывали свою постройку. Все это делалось без всякого предварительного научения и без всякого смысла, так как постройка плотины на сухом месте уже не имела никакого биологического, т. е. приспособительного значения.

Вот другой пример из замечательных опытов Владимира Вагнера. Однажды Вагнер снял ласточкино гнездо с одной колонны и прикрепил его (вместе с находившимися в нем птенцами) к соседней колонне. Перенос этот был произведен буквально на глазах у ласточек-родителей, летавших беспокойно вокруг. Как только экспериментатор отошел, ласточки стали подлетать, но не к гнезду, а к тому месту, где было их гнездо. Они подлетали вплотную и к своему гнезду, которое не могли не видеть, обладая хо-

рошим зрением птиц, но не узнавали в этом гнезде свое. Спустя час после этих неудачных поисков, ласточки прилетели с кормом во рту. Не найдя своих птенцов, они стали подлетать ко всем чужим гнездам, откуда издавался писк птенцов. Там, где удавалось (где их не отгоняли другие ласточки — родители птенцов), они кормили чужих птенцов. На следующее же утро они случайно накормили своих птенцов, издававших голодный писк, так же, как если бы они были чужими, т. е. «воровским» способом, как бы украдкой. Ласточки не узнали ни своего гнезда, ни своих птенцов, и всего лишь потому, что гнездо было передвинуто на какой-то метр в сторону.

Гагарка, яйцо которой во время полета ее за пищей было переложено на другое место, по возвращении садится на то же место, греет это пустое место грудью, как будто там есть яйцо. Между тем, ее собственное яйцо, находясь прямо перед ней в поле ее зрения, не вызывает со стороны гагарки какого-либо беспокойства и заботы (опыты ленинградского зоопсихолога Рогинского).

В физиологической основе инстинкта, как сложной совокупности постоянно повторяющихся, безотносительно к условиям, приспособительных действий лежит цепь безусловных рефлексов. Эти безусловные рефлексы как бы прилажены друг к другу и развертывание одного рефлекса возбуждает другой и т. д. Однако инстинкт не может быть сведен только к этой цепи рефлексов, так как большую роль в инстинкте играет общее органическое состояние и внутренние побуждения, на основе которых возникают и элементарные чувствования.

Несомненно одно, а именно, что таинственный покров, облекавший проблему инстинкта, сорван современной наукой, и его биологическая природа становится более или менее ясной: инстинкт — самая начальная, примитивная форма психического развития животных, в которой видовой опыт полностью определяет, подчас до мельчайших деталей, поведение отдельной особи. При неизменных условиях среды это поведение правильно и обеспечивает успех приспособления. При изменяющихся в течение индивидуальной жизни условиях среды инстинкт теряет свое приспособительное значение. В деле отыскания пищи, размножения, самосохранения, заботы о потомстве — инстинкты играют очень большую роль даже у высших позвоночных. Но на высших ступенях разви-

тия животных инстинкты включаются в более совершенную и гибкую систему индивидуальных приспособлений. Видовое развитие психики животных вначале лишь дополняется этим индивидуальным развитием, а затем (у высших млекопитающих) уже только дополняет индивидуальное поведение.

Научение животных

Еще до того как естествознание и психология обнаружили закономерности индивидуальной изменчивости поведения животных, особенно позвоночных, практика дрессировки животных показала огромные возможности в деле выработки новых привычек у животных.

Эта практика дрессировки восходит к далеким временам приручения животных людьми, к созданию человеком путем искусственного отбора и специального дрессирования домашних животных. В этой области наиболее разительные успехи достигнуты коневодством и служебным собаководством, особенно в отношении развития у этих животных сложнейшего поведения путем научения.

Проторенные пути практики одомашнения и приручения животных значительно облегчили научное исследование их индивидуального поведения. Практика доказывала возможность преобразования инстинктивной основы поведения позвоночных (особенно млекопитающих) и выработки сложных форм индивидуального поведения. Наука получила, благодаря этому, возможность проникнуть в самые глубокие тайники процесса научения животных, в том числе и в психологическую природу этого процесса.

Самый факт научения животных сложным действиям общеизвестен.

Великолепных по своей выразительности успехов добился знаменитый русский дрессировщик Дуров. Достаточно вспомнить один из обычных номеров цирковой дрессировки мышей и крыс. На арене представлен маленький вокзал, около которого гулял кот в красной шапке, изображавший начальника станции. К вокзалу подошел поезд из шести маленьких вагонов: один синий — I класса, два вагона желтого цвета — II класса и три зеленых вагона — III класса. По звонку открылись двери вокзала, и оттуда выбежали десятки крыс, серые и белые мыши. Подбегая к вагонам, все серые мыши забирались только в III класс, белые мыши — во II, а крысы — в I. Естественно, что восторгам зрителей не было границ. На первый взгляд кажется непонятным, как это каждая группа

животных так хорошо «сознавала» свое место в поезде. В действительности же успех этого любопытного представления-опыта целиком основывался на научении, — выработки у животных новых привычек. Дуров приучал сначала одних только серых мышей, которых выпускал голодными к поезду, где они искали что-либо съедобное. Но пищевой подкорм они находили только в трех зеленых вагонах, остальные вагоны во время этих опытов оставались пустыми. Так многократными повторениями Дуров вырабатывал своеобразные условные рефлексы на различение и движение у серых мышей. Аналогичным образом Дуров приучил белых мышей, находивших корм только в желтых вагонах; крысы также были приучены бежать только в синий вагон, где они всегда находили подкорм. Так, опираясь на инстинкт питания и многократные повторения связей удовлетворения потребности пищи с определенными предметами, Дурову удавались великолепные опыты художественной дрессуры самых различных животных.

Механизм подобных достижений стал понятен, однако, лишь в свете современной науки, особенно теории условных рефлексов И. П. Павлова.

В основе навыка и привычек животного лежит условный рефлекс, т. е. временная функциональная связь между первоначально безразличным внешним раздражителем (условным) и безусловным рефлексом. Многократно повторяясь, эта связь прокладывает новые рефлекторные пути в коре головного мозга и образует известную реакцию организма.

Навык представляет собой индивидуальное приобретение поведения: он одновременно фиксирован (закреплен) и вместе с тем очень лабилен (подвижен). С навыком связано первичное развитие памяти у животных, т. е. сохранение и воспроизведение индивидуального опыта и знания в их действиях.

Характерно поэтому, что именно с образованием у животных навыка и на его основе — памяти — развиваются и индивидуальные различия между животными.

Скорость выработки навыка и прочность его сохранения различны у животных одного и того же вида. Мы видели, что инстинкт безличен и, будучи видовым образованием, одинаков у всех животных данного вида. Навыки и привычки, будучи продуктом индивидуального опыта, индивидуализированы, по-разному выступают у разных особей вида. Именно с корой головного мозга и его индивидуально-авто-

матизируемой деятельностью связано выделение индивида из массы вида, приобретение индивидом пока еще слабой, но уже некоторой самостоятельности в приспособлении к среде. Однако зависимость навыка от инстинкта, от безусловно рефлекторных подкреплений не позволяет полно развернуться индивидуально-приспособительной деятельности животного.

Интеллект животных

Наиболее высокое, предельно возможное для животных развертывание индивидуально-приспособительной деятельности выступает в форме интеллектуального (умственного) поведения животных.

Отдельные зачатки такого поведения обнаруживаются у млекопитающих, где образование и изменение навыков не представляет особых трудностей.

Как самостоятельная форма, интеллектуальное поведение впервые выступает в жизнедеятельности обезьян. Все животные, кроме обезьян, пользуются в действиях лишь собственными конечностями для доставания пищи и не пользуются обычно какими-либо вещами, как вспомогательными средствами для доставания пищи. В силу своей биологической природы (древесного образа жизни и высокого развития мозга) обезьяны пользуются в своих приспособительных действиях уже не только своими конечностями, но и вещами (палками, камнями и т. д.), что расширяет пространственный радиус действий и делает более важной зрительно-моторную координацию.

Все животные, за исключением обезьян, обнаруживают ту или иную установку на предмет лишь в том случае, если предмет необходим для коренной непосредственной потребности: питания или размножения. Лишь обезьяна, как показали советские исследователи Войтонис и Рогинский, обнаруживает установку на самый предмет даже тогда, когда он несъедобен. Больше того, «любопытство» обезьян, так хорошо известное в жизни, выражается в преимущественной установке на действие с предметом (манипулирование), распознавание его качеств. Эта «исследовательская» установка, развивающаяся уже независимо от потребления, создает новые условия для всего поведения в целом.

Наконец, если другие млекопитающие разрешают задачу лишь непосредственно в самих движениях, то у обезьян намечается новая форма решения задач—субъективная (как бы решения внутри, «про себя» до движения). Пауза в «дви-

жениях», прекращение движений у обезьяны часто означает последующее внезапное разрешение задачи.

Наблюдение за жизнью обезьян и особенно за интеллектуальностью их поведения поставили вопрос о том, что на этой ступени развития возможно существуют представления, внутренние образы.

С. Л. Рубинштейн замечает, что «развитие у обезьян руки и зрения, способности манипулировать предметами под контролем зрения, позволяющего подмечать те изменения в окружающем, которые вносит в него собственное действие, создает у обезьян основные биологические предпосылки интеллекта».[1] Одним из условий роста манипулирования с предметами и их рассматривания является питание обезьян внутренним содержанием плодов, орехов, сердцевиной стеблей. На то, что уже разбивание ореха и извлечение съедобной сердцевины есть начало умственного анализа, указывал еще Энгельс.

Естественно, что научный интерес к этому вопросу особенно высок, поскольку с умственным анализом связано общее развитие познавательных способностей антропоидов. Одной из наиболее выдающихся работ в этом направлении, отмеченной в мировой литературе, является исследование Н. Ладыгиной-Котс.[2] В этом исследовании точно установлено преобладающее значение для обезьяны зрительных восприятий по сравнению со слуховыми восприятиями. Таким образом, идя от зрения и опираясь на манипуляции животного, возможно разрешить многие задачи, недоступные животному на слуховой основе. В опытах Ладыгиной-Котс, осуществлявшихся в сложных лабораторных условиях, удалось выявить способность шимпанзе к очень быстрому образованию зрительно-двигательных условных связей. Еще более важным является установление способности этой обезьяны к отождествлению, т. е. к ассоциации по сходству (при замене отождествляемого признака по цвету, величине, форме). Эти сложные ассоциации по сходству устанавливались подчас мгновенно, без специальной тренировки. Обезьяна оказалась способной к отвлечению, абстрагированию одного признака предмета из

---

[1] С. Рубинштейн. „Основы общей психологии", 1940, стр. 104.

[2] Н. Ладыгина-Котс. „Исследование познавательных способностей шимпанзе". М. 1923.

группы других (например, отвлечение признака цвета от признака формы и величины).

Из опытов Ладыгиной-Котс следует с несомненностью, что шимпанзе обладает некоторыми элементарными познавательными способностями, в частности — первичной абстракцией.

Характерно, однако, что интеллектуальные действия у шимпанзе еще не выделились как самостоятельный психический процесс, они вплетены в систему движений и восприятий, теснейшим образом переплетены с чувствованиями. У обезьян высокой степени развития, по сравнению с другими животными, достигает эмоциональная жизнь (переживание потребностей и их удовлетворение). Но эмоциональная обусловленность интеллектуальных действий антропоидов делает эти действия не очень устойчивыми, зыбкими.

Тем не менее, обозревая весь путь истории умственного развития животных на основе развития материальной жизни организмов и их приспособления к среде, мы можем установить, что эта история и явилась предисторией человеческого сознания. Будучи продуктом развития органической материи, психические процессы неизмеримо повышали приспособляемость животных, активность их жизнедеятельности. Рост и усложнение корковой деятельности животных способствовали возникновению и развитию внутреннего плана приспособительных действий. Мы уже видели у шимпанзе, что действие как бы внутренне подготавливается, частично как бы переносится во внутренний план. Так, в процессе двигательного развития и эволюции чувствительности возникают элементы внутренних образов — представлений, памяти и мыслительных процессов.

Качественное различие человека и обезьяны

Естествознание доказало животное происхождение организма человека. Со времени Дарвина общность человека с высшими млекопитающими в органическом отношении представляется бесспорной. На это указывают данные сравнения строения всех систем и органов тела человека и обезьяны, начиная с внутренних органов и кончая головным мозгом. На это указывает ход зародышевого развития человека, до самых последних месяцев совпадающий с зародышевым развитием высших млекопитающих, особенно человекообразных обезьян. На это указывает, наконец, сравнительная физиология, устанавливая общность функций организма человека и

высших животных, вплоть до общности законов высшей нервной деятельности в пределах «первой сигнальной системы».

По сравнению с этим коренным выводом естествознания, полностью устранявшим какое-либо представление о «сотворении» человека высшими силами, вопрос о том, какой именно животный вид был предком человека, является частным вопросом.

Можно думать, что современные нам антропоиды не являются нашими предками, они — одно из разветвлений общего с нами животного предка — «пра-обезьян». Но поскольку в современной истории жизни антропоиды представляются ближайшими «родственниками» человека, к их изучению было привлечено особенное внимание. Первоначально казалось, что, подобно анатомии и физиологии, психологии также легко удастся установить общность психического развития и уничтожить пропасть, лежащую между животными и человеком в психологическом отношении. Основанием для такого предположения могло служить нахождение у обезьян сходного с человеком строения головного мозга, наличие в поведении известной внутренней направленности и «разумности». К этому же предположению толкали и факты употребления обезьянами вещей наподобие орудий.

Однако тщательные исследования показали, что эти предположения, стирающие грань между сознанием человека и психикой обезьян, ложны. Употребляя вещи в известных приспособительных действиях, обезьяна никогда не в состоянии подняться от потребления готовых продуктов природы к производству орудий производства. Не владея процессом труда, обезьяна не воздействует на природу, но приспосабливается к ней, хотя эти приспособления неизмеримо более сложны и субъективны, нежели поведение всех остальных млекопитающих.

Более тонкое изучение строения коры головного мозга также привело к отрицанию предположений о тождественности человека и обезьяны.

В эволюции мозговой коры человека центр тяжести переносится на лобные и теменные области, регулирующие самые сложные нервно-психические функции. Затылочная область в коре человека занимает всего 12% от общей площади, в то время как у орангутанга она занимает 21,5% всей поверхности больших полушарий (исследования Филимонова). Между обоими полушариями головного мозга у обезьян нет такой асимметрии, несоответствия, какое имеет место у человека

в связи с преимущественным развитием левого полушария. У обезьян отсутствуют речь и пластические движения руки, являющейся у человека органом труда. Именно локализация этих функций в коре головного мозга человека преобразовала все строение больших полушарий и явилась основой новой, «второй сигнальной системы».

Таким образом, даже в неврологическом отношении между человеком и обезьяной оказываются очень значительные различия. В психологическом отношении это различие превращается в полную противоположность. Психика обезьян — бессознательна и, несмотря на сложное интеллектуальное строение ее поведения, внутренние побуждения продолжают оставаться в своей основе инстинктивными. Существуя биологически, т. е. приспосабливаясь к природе, обезьяна продолжает зависеть от природных условий. Отсюда полная зависимость ее умственной деятельности от условий наглядной обстановки, среды.

Умственные операции обезьяны целиком определяются ее полем зрения и мышечно-суставными ощущениями. Настоящая абстракция, отвлеченное мышление полностью чуждо обезьяне. Воспринимая внешние явления среды, даже устанавливая элементарные связи между ними, обезьяна неспособна понять связи внутренние, существенные, выражающие сущность воспринимаемых явлений. Несмотря на большую сложность, чувствования обезьяны шаблонны и в своей основе инстинктивны. Обезьяна лишена абстрактного мышления, творческого воображения, логической памяти, произвольного внимания, воли и речи — всего мощного аппарата человеческого сознания. Индивидуальный опыт обезьяны неустойчив.

Нечего говорить о том, насколько внутренне противоположны бессознательная психика обезьяны и сознательная психика человека, при всем сходстве отдельных внешних черт их поведения.

Это внешнее сходство, на первый взгляд, разительно, например, в отношении созревания (детства) человека и человекообразной обезьяны.

Уже давно было обращено внимание на тот факт, что детство человекообразной обезьяны более сходно с детством человека, нежели с созреванием у низших обезьян. Детство шимпанзе характерно большой длительностью и постепенностью развития. Дитя шимпанзе или гориллы беспомощно в раннем возрасте, подобно человеческому дитяти. Готовых

инстинктивных действий, по сравнению с молодняком низших обезьян, у дитяти шимпанзе ничтожно мало. Больше действий вырабатывается путем научения и подражания взрослым, т. е. своеобразно воспитывается.

Низшие обезьяны с раннего возраста уже относительно приспособлены к жизни; дитя шимпанзе или орангутанга, напротив, поражает своей несамостоятельностью и беззащитностью. В зрелом возрасте, однако, наблюдается обратная картина: более приспособляющимся и активным является уже антропоид, а не обыкновенная обезьяна.

Однако для достижения этой зрелости антропоиду необходимо 3—10 лет, в течение которых формируется индивидуально-приспособительный аппарат его поведения.

Уже один этот факт, казалось бы, свидетельствовал о том, что шимпанзе, по выражению американского ученого Иеркса, «почти человек!».

Впервые научно этот вопрос о сравнении детства человека и высших обезьян был изучен советским ученым Н. Ладыгиной-Котс. Ее труд «Дитя человека и дитя шимпанзе» (1935 г.) написан на основе наблюдения автором за развитием дитяти (самца) шимпанзе и собственного ребенка до 4 лет. Воспитывавшийся в семье Ладыгиной-Котс детеныш шимпанзе обнаружил много сходных с ребенком черт в отношении инстинктивных, эмоциональных, игровых проявлений, а также элементарного научения.

К таким проявлениям относятся: хождение на четвереньках, обнюхивание новых предметов, особенно употребляемых в пищу, ощупывание губами и языком, кусание, позы угрозы, волнения, страха, радости, общей возбудимости, развлечение острыми и колющими предметами, выразительные движения, особенно жестикуляция. стремление к противодействию и т. д.

Однако, если то, что позже возникает у дитяти обезьяны, раньше уже было пройдено ребенком, то собственно человеческие черты поведения ребенка не встречаются у шимпанзе даже в более позднем возрасте. К этим чертам относятся: вертикальная походка и ношение в руках, членораздельная речь, смех, пение, моральные чувства, творческие, конструктивные и изобразительные игры, счет, рисование, обиходные навыки, правила поведения и т. д.

Характерно, что дитя шимпанзе, обладая зачатками некоторых специфических человеческих свойств, не может их развить в жизни и не испытывает в этом потребности.

Например, шимпанзе может пройти 2-3 шага вертикальной походкой, привстает, когда идет по открытому месту и озирается при этом, но никогда не упражняется в этом вертикальном положении. То же имеет место с функцией ношения предметов в руке: если шимпанзе несет с собой какую-либо вещь, то берет ее в ногу и волочит эту вещь за собой, затрудняя свое движение.

И вертикальная походка, и функция ношения, и употребление вещей в поведении шимпанзе случайны, бессистемны, не являются главной линией развития. Совершенно недоступно шимпанзе усвоение звукового языка, несмотря на наличие известных голосовых предпосылок.

Подводя итоги своему исследованию, Ладыгина-Котс указывает, что: 1) по развитости своих органов чувств (особенно зрения и обоняния) дитя шимпанзе превосходит даже зрелого человека; 2) по силе своих рук и зубов дитя шимпанзе превосходит физически-развитого юношу 16-18 лет; 3) по развитию инстинктов и чувствований дитя шимпанзе находится на уровне отрока 7-8 лет; 4) по некоторым видам игры (разрушительным и подвижным) дитя шимпанзе идет почти на одном уровне со своим сверстником-ребенком; 5) по конструктивным играм шимпанзе уже отстает от сверстника-человека и может быть приравнен к дитяти от 1 до 1½ лет; 6) по условно-рефлекторной деятельности — может быть приравнен к ребенку от 6 месяцев до 1½—2 лет; 7) по способу общения мимикой и жестами дитя шимпанзе сопоставимо с ребенком от 9 месяцев до 1½ лет; 8) по некоторым звукам (связанным с физиологическим состоянием: храпу, кряхтению, кашлю и т. д.) оно сопоставимо с дитятей от первого дня рождения до 2-3 месяцев.

На основании своего исследования Ладыгина-Котс противопоставляет изречению Иеркса, что шимпанзе «почти человек», собственное изречение: «никоим образом не человек».

Историческая природа сознания

Философский материализм учит, что способ бытия, материальной жизни определяет и психические процессы, т. е. способ отражения этого бытия.

Бытие, жизнь человека коренным образом отличается от жизни животных. Бытие человека общественное, историческое, способ жизни — не приспособление готовых продуктов природы, а производительная деятельность — труд.

С трудом связано происхождение самого человека, переход от биологического существования к новой, исторической жизни. Труд «первое основное условие человеческого существования, — и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека».[1]

Труд обусловил преобразование физической организации человека: вертикальное положение, развитие многообразных функций руки, являющейся не только органом труда, но и его продуктом. Воздействие руки и вертикального положения тела на общее развитие человеческого организма было огромно. Изменение способа питания, особенно в связи с применением в обиходе огня и переработки продуктов питания, имело важное значение в изменении химизма тела, в частности — мозга.

Энгельс указывает, что «Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий мозг... С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий — органов чувств. Как постепенное развитие языка неизменно сопровождается соответствующим уточнением органа слуха, точно так же развитие мозга сопровождается усовершенствованием всех чувств вообще. Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются известными признаками различных вещей. И чувство осязания, которым обезьяна обладает в грубой, неразвитой форме, развилось у человека рядом с развитием самой руки, при посредстве труда. Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию».[2]

Такова картина тех превращений животного предка человека в человека, которая связана с возникновением новой формы бытия — общественного бытия, определяющего и общественное сознание людей.

---

[1] Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 452.
[2] Там же, стр. 456.

Воздействуя на природу посредством труда, человек в ходе исторического развития создал новую, историческую природу, преобразовав окружающую среду. Промышленность, земледелие, животноводство, все формы производства материальной жизни представляют собой переработанные силы природы, поставленные на службу человеку. История труда в его отношении к природе есть история преобразования природы человеком.

В ходе этого преобразования внешней действительности, переработки и переделки внешнего мира изменялось реальное положение человека в природе. Посредством общественно-трудовой практики человек начал постепенно выделять себя из природы, осознавать свое влияние на нее. Осознание действительности связано с этим процессом выделения человека из природы. Как и самое практическое отношение человека к природе — отражение природы в голове человека приобрело новый, активный характер. Человек отражает не отвлеченную природу, оторванную от человека, но природу в процессе ее изменения человеческим трудом. Человеческое отражение внешней действительности природы активно, потому что активна человеческая трудовая практика, преобразующая эту действительность.

Именно поэтому психические процессы человека, порожденные историческим выделением его из природы, становятся сознательными.

В русском языке очень точно обозначена эта природа сознания («со-знания»). Активная переработка знаний, т. е. отражения внешней действительности, установление известного отношения к этим знаниям, применение уже познанных законов природы для изменения этих законов практикой создает активность (действенность) самого сознания. Вот почему «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».[1] Многообразные процессы сознания отражают явления действительности, их внутренние связи и законы, и на основе этого отражения создают новую действительность в процессе деятельности.

И соответствие осознания действительности тому, что есть в этой действительности, и созидание новой действительности (мыслительными операциями, творческим воображением, наме-

---

[1] В. И. Ленин. „Философские тетради", 1934, стр. 203.

рениями и волей) возможны лишь в единстве сознания с практической деятельностью.

Сознание не только раскрывается в деятельности, как обычно это полагают,—сознание потому и раскрывается в деятельности, что оно в деятельности формируется.[1]

Мера активности сознания и истинности его содержания (соответствие законам действительности) находится в прямой зависимости от активности самой деятельности и ее преобразующего влияния на окружающее.

Мысли, оторванные от действительности и не осуществляющиеся в деятельности, остаются мертвым продуктом сознания, лишь тормозящим его развитие. Нельзя развивать сознание человека только знаниями, оставляя в стороне его деятельность. Именно в деятельности закрепляются и проверяются знания, здесь эти знания переживаются, т. е. лишь в деятельности происходит осознание знаний. Сознательность в усвоении знаний—это значит самостоятельность в работе над ними и творческое развитие этих знаний в новых условиях и на новой ступени.

Единство сознания и деятельности определяет не только действенность процесса осознания бытия. Это единство определяет в такой же мере сознательность человеческой деятельности. Это взаимопроникновение сознания и деятельности имеет одним из своих выражений целенаправленный, планомерный характер человеческого действия. Ясность цели, предваряющей систему последующих действий, определяет производительность действий и всего жизненного пути человека. Однако ясность целей достигается человеком тогда, когда он овладевает передовым общественным мировоззрением, переустраивающим мир на новых, научных и справедливых началах.

Таким образом, сознание и сознательность не могут быть одинаковы у людей разных исторических эпох, народов, классов. Сознание не только исторически возникает на основе общественного бытия и трудовой деятельности, но оно изменяется вместе с изменением способа производства. «На различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства, или, говоря грубее, — ведут различ-

---

[1] Именно с этой точки зрения изложена вся система психологии в труде С. Л. Рубинштейна „Основы общей психологии“, удостоенном Сталинской премии, Ленинград, 1940 г.

ный образ жизни. При первобытной общине существует один способ производства, при рабстве существует другой способ производства, при феодализме — третий способ производства и т. д. Сообразно с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, их политические убеждения — бывают различными». [1]

Следовательно, с изменением исторического образа жизни изменяется и сознание людей. Однако этот процесс не всегда идет параллельно, и развитие сознания в некоторых условиях отстает от развития способа жизни. В этих-то случаях ранее существовавшая форма сознания превращается в пережиток прошлого, в устарелые предрассудки и суеверие. В условиях классового общества, основанного на эксплоатации и частной собственности, господствующие классы стремятся задержать прогрессивное развитие общества к новому способу производства и всеми силами задерживают новый рост сознания и сознательности народа, закрепляя пережитки сознания.

История Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в нашей стране есть история не только нового, прогрессивного и совершенного бесклассового общества, свободного от эксплоатации труда, но, на этой основе, и история нового сознания. Непревзойденная сила и величие этого нового сознания людей нашей социалистической родины перед всем миром раскрылись в Великой Отечественной войне Советского Союза и, в частности, в истории героической обороны города Ленина.

Великая Отечественная война советского народа против германских фашистских захватчиков раскрыла не только величие нового сознания наших людей, но и полностью раскрыла низкую и подлую природу фашистов.

Каждый акт Чрезвычайной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний и преступлений раскрывает не только политику, но и «психологию» фашистов — современных людоедов. Было бы бесполезным трудом искать что-либо человеческое в действиях этих людей, воспитанных Гитлером лишь для человекоубийства. Известно, что Гитлер «освободил» этих современных варваров «от унижающей химеры, которая называется совестью», так как «совесть, как и образование, калечит человека». Вместе с ликвидацией совести

---

[1] И. В. Сталин. „Вопросы ленинизма", XI изд., стр. 5?1.

в своем фашистском поголовье Гитлер ликвидировал и самое сознание, т. е. человеческое в психической деятельности человека. Задолго до второй мировой войны, по приказу Гитлера, был объявлен поход против проблемы сознания в немецкой философии и психологии. Сознание и сознательность — признаки человеческой психологии и основы нравственности — были изгнаны не только из книжек и теории, но и из обыденной жизни Германии. «Расовые» инстинкты арийских варваров призваны были возвратить немцев к тевтонским временам и противопоставить сознанию, морали, разуму всего человечества. Под пестрыми лохмотьями расовой лженауки фашизма собраны вместе самые отжившие суеверия и самые отвратительные отбросы кризиса буржуазной науки. Очередной фашистский миф об уничтожении сознания погребен на полях Великой Отечественной войны героической Красной Армией, носительницей самого передового и человечного сознания. Разгром немецкого фашизма Красной Армией и ее союзниками возвращает человечеству человечность и свободное обладание сознанием, которое пытался зверски искоренять фашизм.

Зарубежная передовая печать свидетельствует об огромном интересе народов мира к моральным сдвигам в жизни нашей страны, к тому новому сознанию, родиной которого является наше социалистическое отечество. В этом новом сознании социалистической личности, ставшем могучей нравственной силой, передовые люди всего человечества видят прообраз будущего развития сознания всех людей.

Общественно-материальной основой этого нового сознания является социалистический способ производства, — освобождение трудовой деятельности от эксплоатации. Свободный от эксплоатации труд превращает деятельность человека в действительно активную, творческую. Социалистическое отношение к труду — основному источнику материального и духовного развития человека — есть один из самых главных сдвигов в сознании советских людей, в их психологии.

Социализм освободил не только деятельность (труд) людей, но и непосредственно само сознание от тысячелетних предрассудков и суеверий. Высшее достижение человеческой культуры и науки — марксистско-ленинская теория — вооружает индивидуальное сознание каждого советского человека истинным научным знанием, отражающим действительные законы природы и общества.

Марксистско-ленинское мировоззрение является содержа-

нием не только общественного, но и индивидуального сознания каждого гражданина нашей Родины. В этом причина коренной перестройки мышления личности, познавательной силы мыслительной деятельности нашего человека. Истинность, правдивость впечатлений и мыслей, отражающих действительный ход истории и действительную сущность природы, определяются массовым усвоением начал марксистско-ленинского философского учения. Никогда и нигде в мире не было и нет еще такого положения, когда весь народ в целом, каждый человек из народа получал бы доступ к научному знанию и философии. Лишь в нашей стране наука и философия стали массовым достоянием, обеспечивая максимальный, беспредельный рост сознания и сознательности каждого советского человека.

В классовом обществе, основанном на эксплоатации человека человеком и господстве частной собственности, неизбежно искусственное задерживание господствующими классами умственного роста народа и личности. В этих условиях суеверие и предрассудки, различные пережитки сознания не только не преодолеваются, но нарочито распространяются как средство задержать осознание массами действительного положения вещей. В социалистическом обществе, напротив, борьба с суевериями и предрассудками, с пережитками сознания, препятствующими прогрессивному развитию сознания, является важнейшей задачей просвещения. Народность просвещения, вооружение каждого человека передовой культурой, передовыми формами сознания — обеспечивают все возрастающее умножение умственных и нравственных сил человека.

Марксистско-ленинское мировоззрение и социалистическая практика преобразовали не только ум человека, но и его чувства и волю. Освобожденная от эксплоатации и извращающего влияния конкуренции трудовая деятельность человека в нашей стране стала источником нравственного роста человека. «Труд из дела зазорного стал делом чести, делом доблести и геройства». (Сталин.) В социалистическом отношении к труду созревают высшие нравственные чувства, закаляется воля, образуется характер. В «Рассказе о моей жизни» Алексея Стаханова можно проследить столь типичное для нашего времени великое воздействие освобожденного от кабалы труда. Чудесное превращение вчерашнего «темного» крестьянина в рабочего социалистического предприятия,

а затем в славного героя социалистического труда и государственного деятеля — стало возможным лишь в стране социализма. На основе социалистической организации труда и нового уклада жизни получили широкие возможности развития скрытые силы людей, их задатки и потребности. Массовый расцвет талантов и характеров является следствием социалистического переустройства общественной жизни. Всемерное поощрение инициативы, настойчивости и решительности людей в производственном, техническом, научном, художественном новаторстве, усиление ответственности за действия человека и его собственную судьбу — год за годом поднимали волю наших людей. Система большевистского воспитания сознательной дисциплины, формирование личности в коллективе — создали новые типы волевого развития с предельной непоколебимостью, несгибаемостью воли и характера.

Наша страна, преобразованная партией Ленина—Сталина в социалистическое отечество трудящихся, стала впервые в истории действительной Родиной для каждого человека — ее гражданина. Советский патриотизм, сознание долга перед своей Родиной есть высшая форма новых нравственных чувств, созданных в нашей стране всем ходом социалистического строительства.

Германский фашизм бросил на нашу страну огромную армию, невиданную массу военной техники. Гитлер рассчитывал победить численным превосходством своих танков, самолетов, автоматов и «превосходством» своего лишенного совести солдата-разбойника над солдатом свободной советской страны. В великой схватке двух непримиримых сил сказалось превосходство советского человека, его нравственных сил и его сознательной деятельности. Это превосходство обеспечило разгром гитлеровской разбойничьей армии. В великих победах Красной Армии нашла свое ярчайшее выражение сила передового социалистического мировоззрения, воспитанного в советском народе партией Ленина — Сталина.

Общественное и индивидуальное сознание

Человек по своей сущности, внутренней природе и законам развития — общественное существо. В процессе своего общественного развития отдельный человек становится личностью, самостоятельным общественным существом. Именно благодаря обществу и его воспитанию, своей деятельности в обществе отдельный человек приобретает свои особенные, своеобразные черты

сознания. Отдельное животное всегда лишь особь (индивид), отдельный человек не только особь человеческого рода по своей физической организации, но, прежде всего, личность (индивидуальность).

Переход от индивида к индивидуальности знаменует собой неисчерпаемые возможности постоянного личного роста в общественной деятельности человека. Именно благодаря своей общественной сущности отдельный человек становится относительно независим от видовой жизни организма (наследственности и физической организации) и освобождается от инстинктивных форм поведения. Сознательный характер человеческой общественной деятельности впервые в истории жизни делает индивидуальное развитие самостоятельной и активной формой развития психических процессов. Однако «личность», «самостоятельность», «индивидуальное развитие» могут быть правильно поняты лишь на основе марксистско-ленинского учения о законах общественного развития. Оторвать личность от класса и народа, общественного строя и истории, оторвать индивидуальное развитие сознания от развития общественного сознания, отражающего общественное бытие, — значит извратить, исказить действительное существо вопроса.

Общественное бытие определяет и идеологию (общественное сознание) и индивидуальное сознание отдельной личности гражданина. Общественное бытие отражается в сознании отдельной личности и непосредственно в личной деятельности и опосредственно — через усвоение накопленного человечеством мыслительного материала и общественных идей (мировоззрения). Это опосредственное воздействие общества на развитие индивидуального сознания имеет решающее значение. На основе многолетнего воспитания и обучения с ранних лет человек овладевает языком, историей и традициями своего класса, своего народа, итогами познания людей, природы и общества. Год за годом в индивидуальном сознании формируются мировоззрение, умственные и нравственные установки на действительность и свою роль в ней. В процессе овладения мировоззрением, т. е. общественными идеями своего класса и времени, создается известная готовность к самостоятельной гражданской деятельности и непосредственному отражению общественного бытия в личном сознании.

Таким образом, индивидуальное сознание зависит от идеологии, от характера общественных идей. Однако обществен-

ные идеи бывают различные. В одном случае общественные идеи поднимают индивидуальное сознание и деятельность на уровень нравственного подвига, в другом — бросают на преступления, изуверство и нравственное опустошение.

Лучшей иллюстрацией этого положения может служить сравнение Советского Союза и Германии. Общественные идеи, которыми проникнута вся жизнь, все воспитание человека в Советском Союзе, вырастили в нашей стране поколения людей бесстрашных и благородных, честных и культурных. А в Германии, где в течение многих десятилетий систематически насаждались реакционные, шовинистические идеи, выросло поколение убийц и грабителей, людей без совести и чести.

«Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества». [1]

Источник силы индивидуального сознания и воли заключается в передовой сущности того общественного мировоззрения, которое стало его внутренним достоянием, совестью. Напротив, источником слабости индивидуального сознания и, в конечном счете, поражения личности и ее класса — являются реакционные общественные идеи, тормозящие прогрессивное развитие человечества и народа.

Таким образом, сила индивидуального сознания определяется сущностью общественных идей, лежащих в ее основе.

Двадцать семь лет ленинско-сталинского воспитания советского народа и возрожденных им передовых традиций русской культуры явились источником невиданного расцвета нравственной силы сознания каждого советского человека на фронте и в тылу. Источник силы индивидуального сознания— в силе учения Ленина—Сталина — в большевистской теории, ставшей достоянием всех народных масс нашей родины. Товарищ Сталин учит нас, что «Сила и жизненность мар-

---

[1] И. В. Сталин. „Вопросы ленинизма“, XI изд., стр. 546.

ксизма-ленинизма состоит в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу». [1]

Марксистско-ленинское мировоззрение стало внутренней движущей силой индивидуального сознания советского человека, определяющей особенности познавательного и нравственного развития нашего индивидуального сознания.

Есть еще один вопрос, раскрывающий ведущую роль общественного сознания (идеологии: философии, науки, искусства, морали и т. д.) в индивидуальном сознании, поставленный еще в XVIII веке великим русским мыслителем Радищевым. Великий материалист Радищев доказывал зависимость сознания от бытия внешнего мира и физической жизни человека, поэтому он полагал, вопреки господствовавшему идеализму, что психика смертна так же, как смертно человеческое тело. Радищев, будучи материалистом, однако счел возможным утверждать, что в человеческом обществе сознание может приобрести черты бессмертия. Все новое, что приобретает своим опытом отдельное животное, — его опыт, привычки, знания — погибает вместе с его смертью. Благодаря общественной жизни, «соучастию людей», преемственной связи поколений через устные предания и литературу, памятники и творения искусства, научные знания — мысли и действия человека могут пережить самого человека, приобрести черты известного бессмертия. Поступок, учение и слова человека могут пережить самого человека на сотни и тысячи лет. Со смертью человека прекращается вся его жизнь, в том числе, разумеется, и его сознание. Однако **продукты** человеческого сознания (в произведениях труда, техники, искусства, науки, в преданиях народа и литературе), вошедшие в сознание целого народа и человечества, продолжают жить. Они живут и постоянно переживаются сменяющимися поколениями народа и человечества. Вклад отдельного человека и его сознания в общее достояние народа и человечества возможен лишь благодаря языку, как одной из важнейших форм народного, общественного сознания. Посредством языка индиви-

---

[1] И. В. Сталин. „Вопросы ленинизма", XI изд., стр. 548.

дуальное сознание овладевает сознанием общественным; посредством языка же продукты индивидуального сознания превращаются в достояние всего общественного сознания народа. Уже эта постановка вопроса свидетельствует о том, что индивидуальное сознание может стать активной силой, может участвовать в дальнейшем развитии общественного производства и общественного сознания.

В Сталинской конституции нашей страны уделено огромное внимание правам и обязанностям каждого советского гражданина. В нашей многомиллионной стране, как нигде в мире, высока ценность отдельной личности. Индивидуальная доля в укреплении обороны и социалистической собственности, в развитии культуры и хозяйства увеличивается с каждым годом роста нашего социалистического государства. Мужество и воинское искусство каждого отдельного воина — от генерала до бойца — в героической Красной Армии играет важную роль в общем победоносном ходе Великой отечественной войны. Индивидуальное сознание, будучи общественно-историческим по своей сущности, характеризуется своеобразными закономерностями, которые и изучает психологическая наука.

Сознание личности предметно в том смысле, что его содержанием является отображаемый внешний, материальный мир. Эти объективные связи сознания формируются в практической деятельности и являются определяющими в отношении внутренних связей в самом сознании. Внутренние связи отражают в сознании жизненный путь самой личности, ее реальное положение в жизни и внутреннее строение личности. Сознание в этом смысле обращено и внутрь, на самый процесс осознания. Так, мы отделяем мысль или восприятия от предметов, в них отраженных; потребности и эмоции — от жизненных положений, их определивших. Конечно, эти мысли или восприятия есть лишь образы действительных вещей, но то, ка́к будут осмысливаться или восприниматься эти вещи, зависит уже не только от вещей, но и от жизненных установок самой личности, ее мировоззрения и осознания жизни в целом, в том числе и собственной.[1]

Познавая предметы материального мира в процессе деятельности, человек осознает самого себя в них, в этих пред-

[1] Это положение подробно разработано психологическими исследованиями акад. Д. Н. Узнадзе.

метах деятельности. Внутренний мир собственной индивидуальности раскрывается перед человеком в его самостоятельной деятельности, в работе над предметом.

Именно поэтому работа над самим собой, над развитием характера и умственных способностей неразрывно связана с работой человека над развитием культуры труда и действительно научного мировоззрения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОЩУЩЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Роль чувственных образов в осознании внешнего мира

Для того, чтобы понять психологию человеческого ума, нужно начать с изучения чувственных образов. Ощущения и восприятия, являющиеся чувственными образами, составляют начальный, исходный момент в процессе познания человеком внешнего мира.

Ощущения и восприятия называются чувственными образами (в отличие от представлений, см. главу IV) потому, что они возникают лишь при прямом, непосредственном воздействии предметов внешнего мира на наши органы чувств. Непосредственное воздействие внешнего мира и вызванное им возбуждение органов чувств являются общими условиями как для ощущения, так и для восприятия. Самым первичным звеном познания являются именно ощущения.

Согласно классическому определению В. И. Ленина, «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них».[1] В. И. Ленин указывает далее, что «Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии..., но который не может устареть, как не может устареть вопрос о том, является ли источником человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние. Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объектив-

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., III изд., т. XIII, стр. 105.

ную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания, — это одно и то же».[1]

Чувственное познание является исходной, начальной, но не единственной формой познавательной деятельности. Познание приближается к истине лишь в общем процессе познавательной деятельности, включающем чувственные образы («живое созерцание») и переход от них к абстрактному мышлению, проверку познанного на практике. Именно поэтому В. И. Ленин подчеркивал, что диалектичен «не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли».[2]

Согласно ленинской теории отражение ощущения есть «результат воздействия материи на наши органы чувств. Объективная действительность, материя, воздействуя на органы чувств, порождает ощущение, как первичный факт сознания». Ленин подчеркивает эту первичность ощущения, как факта сознания, указывая, что «иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем».[3]

В этом и заключается огромное познавательное значение ощущений для всего человеческого сознания (как для восприятия, так и для мысли, как для чувства, так и для волевого действия). Ощущение отражает отдельные свойства предмета или явления объективной действительности. Известно, что нет какого-либо одного универсального, общего ощущения. Зрительные ощущения отражают только оптические свойства предмета (свет, цвет). Другие свойства предмета (механические, звуковые, химические и т. д.) посредством зрения не отражаются. Иначе говоря, каждое ощущение всегда конкретно, определенно, оно соотнесено к определенному свойству предмета или явления: оптическому, акустическому, механическому, тепловому, химическому. Эта соотнесенность создалась в процессе эволюции органов чувств, приспособленных к воздействиям определенных форм движения материи (механической, световой, химической и т. д.).

Воздействие отдельного свойства предмета внешнего мира на орган чувств носит название раздражения. Воздействуя на орган чувств (глаз, ухо, кожу и т. д.), раздражение возбуждает деятельность органа чувств, а тем самым и чувстви-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., III изд., т. XIII, стр. 105.
[2] В. И. Ленин. „Философские тетради“, 1934 г., стр. 289.
[3] В. И. Ленин. Собр. соч., III изд., т. XIII, стр. 247.

тельных проводников (от органа чувств к большим полушариям головного мозга) и высших, мозговых центров ощущений.

Пороги ощущений

Таким образом, ощущения зависят от раздражения, т. е. от физико-химических воздействий внешней среды на органы чувств. Вместе с тем ощущения зависят и от особенностей строения органа чувств и степени возбудимости чувствительного прибора.

Следовательно, ощущения, т. е. психический процесс, зависят от физических условий и от физиологических особенностей деятельности самого органа чувств, его чувствительности. С этой сложной зависимостью ощущения от физического воздействия и от физиологического состояния органа чувств и всего чувствительного прибора мы сталкиваемся уже в явлении так называемых порогов ощущений.

Известно, что далеко не все воздействия внешнего мира на наш организм нами ощущаются, распознаются. Многие из этих воздействий являются либо бесконечно малыми, либо бесконечно большими величинами для нашего ощущения. Так, известно, что человеческое ухо не воспринимает звуков любой высоты, оно ограничено определенными пределами: от 16-20 герц до 15 000-22 000 герц, причем наиболее чувствительно ухо к средним высотам (от 1000 до 3000 герц). То же положение относится и к зрению. Зрительные ощущения отражают воздействия на оптическую систему глаза света, т. е. электромагнитных волн, имеющих длину от 390 до 800 миллимикронов. и т. д.

Таким образом, ощущения зависят прежде всего от величины и качества раздражения. Определенные качество и величина раздражения и называются порогом ощущения. Различаются два порога ощущений: нижний и верхний. Нижним порогом ощущения называется та минимальная величина раздражения, которая вызывает едва заметное ощущение. Нижние пороги ощущений различны в деятельности разных органов чувств.

Но и в пределах одного вида ощущений нижние пороги неоднородны. Так, например, едва заметное ощущение прикосновения (нижний порог кожной чувствительности) в чувствительнейших местах кожи: на лбу, висках и передней части руки — возникает уже при давлении тяжестей в 2 миллиграмма, в то время как на местах менее чувствительных

(например ногтях, пятке) нижний порог повышается до давления тяжестью до 1 грамма.

Во вкусовых ощущениях мы также видим неоднородность минимальных величин, вызывающих едва заметные вкусовые ощущения. Например горький вкус распознается при значительно более слабых растворах, нежели, например, сладкий или соленый, и так далее.

Способность к распознаванию внешних и внутренних раздражений называется чувствительностью. Чувствительность различна у разных людей и зависит от функционального состояния нервной системы и органа чувств и степени его упражненности.

Чувствительность определяется по характеристике нижнего порога ощущения. Если, например, один человек впервые ощущает вкус соли при растворе NaCl в 0,25, а другой человек испытывает едва заметное ощущение соленого вкуса лишь при концентрации NaCl в 1,25, то очевидно, что в первом случае, где нижний порог ниже, мы имеем повышенную чувствительность к соленому, а во втором случае, где нижний порог выше, мы имеем пониженную чувствительность.

Таким образом, чувствительность можно определить как величину, обратно пропорциональную порогу ощущения.

Сверхмощные для человеческих органов чувств раздражения не различаются и не усиливают уже имеющую максимальную силу ощущения. Максимальная величина раздражения, возможная для данного органа чувств, называется верхним порогом ощущения. За пределом верхнего порога ощущения максимальнейшие раздражения, воздействующие на любой орган чувств, вызывают лишь общее ощущение боли. Так, например, очень сильные звуки уже перестают нами различаться по своей высоте, громкости, тембру и т. д., но оказывают механическое давление на слуховой аппарат, вызывая в нем болезненные ощущения. Так, очень сильный поток света может вызвать оборонительную реакцию (закрывание век) или на мгновение «ослепить», порождая болезненные ощущения рези, жжения, покалывания в глазах и т. д.

В обычной жизни нам приходится редко ощущать какое-либо одно раздражение. Значительно чаще мы имеем дело одновременно или последовательно с двумя или несколькими раздражениями. Это сопоставление в сознании двух или нескольких раздражителей (в пределах одного и того же органа

чувств) носит название различения. Различение — сложный процесс, и эта сложность особенно возрастает тогда, когда сопоставляются раздражители, мало отличные друг от друга. И в процессе различения мы сталкиваемся с определенным отношением ощущений к раздражениям, с так называемым порогом различения или разностным порогом.

Разностным порогом называется ощущение едва заметных различий (разностей) между раздражителями. Разностная чувствительность является величиной, обратно пропорциональной порогу различения.

Опыты показали, что, например, едва заметное увеличение веса ощущается при всяких грузах в том случае, если вес их увеличивается на определенную часть первоначальной, исходной величины. Так, если на руке лежит груз в 100 граммов, то, для того, чтобы возникло едва заметное ощущение увеличения веса, нужно прибавить 3,3 грамма; при исходном весе груза, находящегося на руке, в 200 граммов, необходима прибавка на 6,6 грамма для возникновения нового ощущения и т. д. Иначе говоря, для этого вида различения такая постоянная прибавка раздражения равна $^1/_{30}$ исходного веса, которая и вызывает ощущение едва заметного различия.

В зрительных ощущениях разностный порог имеет другую величину, именно $^1/_{100}$ к исходной величине раздражения. Такая прибавка создает ощущения изменения в раздражениях, т. е. едва заметный прирост ощущений.

Разберем для ясности пример из жизни. Мы легко замечаем разность в освещении комнаты, если к 200 люксам присоединить еще 100. Но если к освещению в 1000 люксов прибавить еще только 1 люкс, то надбавка эта даже не будет нами воспринята, так как она равняется всего $^1/_{1000}$ части имеющейся величины освещения, т. е. значительно меньше $^1/_{100}$ величины, необходимой для едва заметного ощущения прироста раздражения. Поэтому, сидя в театре, мы можем и не заметить изменения в освещении, если погаснут или, напротив, будут вновь зажжены лампы величины меньшей сравнительно с необходимой прибавкой для зрительного различения.

Существование известных границ или порогов ощущения вовсе не означает ограниченность нашего познания в целом. Энгельс справедливо указывал, что «Специальное устройство

человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания. К нашему глазу присоединяются не только другие чувства, но и деятельность нашего мышления».[1]

Виды ощущений

В обыденной жизни различают пять основных видов ощущений: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание.

Однако современная наука располагает более точными знаниями и указывает на значительно большее разнообразие ощущений, посредством которых отражается действительность.

Есть все основания значительно расширить знания о действительном разнообразии органов чувств и соответствующих им видов ощущений.

Основными видами ощущений являются: 1) зрительные, 2) слуховые, 3) обонятельные, 4) вкусовые, 5) тактильные (ощущения прикосновения и боли), 6) температурные (ощущения тепла и холода), 7) болевые, 8) мышечно-суставные, 9) ощущения равновесия или положения тела (статические) и 10) органические или внутренностные.

Среди всех видов ощущений и соответствующих им органов чувств можно выделить, согласно учению Шеррингтона, три основных группы органов чувств или рецепторов.

Первая группа рецепторов включает в себя все так называемые внешние органы чувств. Деятельность этих органов чувств направлена на распознавание внешних раздражений, воздействий внешнего мира. Внешние органы чувств называются экстроцепторами. К ним относятся: зрение, слух, обоняние, вкус, тактильные, температурные, болевые ощущения. Деятельность внешних органов чувств имеет первостепенное значение для общего процесса отображения в сознании объективной действительности.

Вторая группа рецепторов состоит из органов чувств, отражающих движения и положения тела в пространстве, и носит название проприоцепторов. В эту группу входят: мышечно-суставные ощущения движения и ощущения положения тела.

Третья группа рецепторов, отражающих материальную деятельность самого организма, работу его внутренних органов, носит название интерецепторов (т. е. внутренних органов чувств).

---

[1] Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 493.

Таким образом, можно объединить различные виды ощущений в три основных вида в зависимости от того, что они отражают: внешний мир, положение и движение тела в этом внешнем мире или, наконец, деятельность внутренних органов самого тела.

Однако такое объединение относительно. Так, температурные ощущения являются «внешними». Вместе с тем они, отражая соотношение температуры тела к температуре окружающей среды, являются в известной мере и внутренними. Новейшие исследования показали, что совмещение внешнего и внутреннего моментов характерно даже для вкуса. Вкусовые ощущения отражают не только химические качества потребляемого продукта, но и внутреннее состояние организма (степень сытости, голодание, изменение углеводного и минерального обмена и т. д.). Известно, что при заболеваниях внутренних органов изменяется чувствительность вкусового аппарата к сладкому, горькому, кислому, соленому.

Интересны экспериментальные данные Н. К. Гусева об изменении вкусовой чувствительности в связи с голоданием. По этим данным с голоданием резко повышается чувствительность к сладкому и в меньшей степени к соленому. Чувствительность к горькому и кислому становится, наоборот, менее острой. Такое изменение связано с особой ролью в общей деятельности организма — углеводного и минерального обмена, влияющего непосредственно на потребность в сахаре и соли, на чувствительность к сладкому и соленому. Из этой работы вытекает еще более важный вывод о том, что орган вкуса не является только органом внешнего распознавания, но вместе с тем одновременно отражает и внутренние изменения общих функций организма.[1]

Общеизвестно изменение вкусовой чувствительности у беременных женщин, у которых имеется такая глубокая временная перестройка всех функций организма. Наше исследование совместно с А. И. Торновой показало, что у беременных женщин особенно значительно повышается органическая внутренностная чувствительность и изменяется самое отношение к своему телу, как источнику жизни будущего ребенка. Соб-

---

[1] Н. К. Гусев. „Изменение вкусовой чувствительности в связи с динамикой потребности в пище". Сборник „Исследования по проблеме чувствительности" под ред. В. Осипова и Б. Ананьева. Ленинград, 1940.

ственное тело становится в этом случае предметом деятельности и познания, чем и объясняется это повышение органической чувствительности.

Рецептор и анализатор

Великий русский ученый Сеченов рассматривал органы чувств как аналитические снаряды головного мозга, т. е. как орудия его деятельности, анализирующие, расчленяющие раздражения внешнего или внутреннего материального мира. Новейшие исследования полностью подтвердили это положение и дали основание другому великому русскому ученому — Павлову выдвинуть понятие анализатора. Анализатором называется вся система чувствительных приборов, включающая в себя: а) рецептор (концевые чувствительные приборы), б) чувствительные проводники, проводящие возбуждение от рецептора к большим полушариям головного мозга, и в) мозговой центр в больших полушариях головного мозга и особенно в их корковой поверхности.

Начинаясь в органах чувств, возбуждение завершается в корковых центрах, продуктом деятельности которых являются высшие формы различения. Вот почему без преувеличения можно сказать, что мы видим не только глазом, но вместе с тем и мозгом (особенно затылочными зонами коры), слышим не только ухом, но и мозгом (особенно височной областью, регулирующей слуховые функции) и т. д.

В силу того, что чувствительная система (органы чувств, чувствительные пути, корковый центр) едина, поражение одного из этих звеньев вызывает общее нарушение чувствительности данного рода. Так, например, слепота может возникнуть как при поражении самого глаза, так и при поражении затылочных областей коры головного мозга. Известно явление так называемой душевной или корковой слепоты, когда больной теряет способность зрительно узнавать предметы и вообще видеть окружающее, несмотря на сохранность рецептора зрения. Такое же явление известно и в отношении речевого слуха. При поражении левой височной извилины больной теряет способность распознавать звуки речи, несмотря на нормальное состояние самого уха, и т. д.

Современная наука показывает, что чем сложнее орган чувств, тем бо́льшую роль в его деятельности играет различительная деятельность коры головного мозга, т. е. центральных звеньев анализатора. Это положение особенно относится к высшим органам чувств: зрению и слуху.

Именно эти ощущения, равно как осязательное восприятие рукой, вооруженной орудием, осуществляют пространственное различение, распознавание качеств предмета на расстоянии без непосредственного соприкосновения с предметом. В умственной деятельности ведущая роль принадлежит именно этим ощущениям, отражающим пространственное существование предметов и их свойств.

Характерно, что зрение и осязание рукой (активное осязание), слух и обоняние являются функцией парных органов. Восприятие глубины, точное распознавание удаленности, величины, формы предмета — достигаются зрением посредством обоих глаз, так называемым бинокулярным зрением. Бинокулярное зрение умножает границы поля зрения сравнительно с разновременным действием каждого глаза в отдельности. Вместе с тем, возбуждения, возникающие в сетчатой оболочке отдельного глаза, сливаются в один цельный образ. Уже эти факты наталкивают на мысль о зависимости работы обоих глаз от взаимодействия обоих полушарий головного мозга, хотя зависимость эта более сложная, нежели перекрещивающаяся связь коры головного мозга с двигательными органами.

То же следует сказать и в отношении слуховых ощущений. Распознавание высоты, громкости, тембра при неподвижном положении источника звука возможно посредством деятельности одного уха. Взаимодействие обоих слуховых приборов повышает точность и скорость распознавания. Что же касается правильного отражения направления звука, определения меняющегося местоположения источника звука, то оно возможно лишь посредством совместной работы обоих приборов слуха, так называемого бинаурального слуха. В явлении бинаурального слуха, равно как и бинокулярного зрения, исключительное значение имеет взаимодействие симметрично расположенных отделов обоих полушарий головного мозга.

Материальным механизмом процессов ощущения является различительная деятельность коры головного мозга. Различительная (аналитическая) деятельность коры головного мозга имеет все возрастающее значение для развития ощущений человека. Серьезным доказательством этого положения является уже тот факт, что развитие ощущений детей не прекращается с созреванием органов чувств. Острота зрения и слуха, совершенство цветного зрения, пространственного различения и т. д. возрастают с годами. Обучение

и воспитание не только развивают наличный уровень чувствительности, но создают новые различительные способности (например замещение отсутствующего абсолютного слуха у музыканта комбинацией новых различительных звуковысотных способностей). Есть все основания считать, что совершенствование чувственного различения происходит не за счет «периферии» — органа чувств, а за счет корковой различительной деятельности.

Доказательством этого же положения, но от обратного, являются и некоторые органические заболевания головного мозга — агнозии, или расстройство различения и узнавания вещей. Основными видами агнозий являются: зрительная, слуховая, осязательная. В основе зрительной агнозии или центральной слепоты лежит поражение функций затылочной области больших полушарий; очагом поражения при слуховой агнозии является нарушение функций височной области (главным образом, левого полушария); нарушение осязательного узнавания и различения связано с очагом заболевания в теменной области. При этих заболеваниях самые органы чувств (глаза, уши, чувствительный аппарат руки) сохранены и могут функционировать нормально. Однако, вследствие поражения центральных звеньев анализатора, человек теряет различительные способности.

Вот, например, больной О., потерявший почти полностью зрение вследствие контузии мозга. Двигательный и чувствительный аппарат самих глаз сохранен, однако больной ничего не видит, кроме грубых переходов света и темноты. Первоначально была полная слепота на цвета, формы и величины предметов. Исследование биотоков коры головного мозга показало в этом случае, что вся кора характеризуется нормальной биоэлектрической деятельностью за исключением затылочной области, где нет соответствия в биотоках между симметричными участками обоих полушарий, а на левой стороне мозга их ритм нарушается. После надлежащего лечения больного (особенно электролечения) мы начали восстанавливать нарушенные корковые различительные способности психологическими средствами (системой специальных упражнений). Благодаря совокупности лекарственных, физиотерапевтических и этих воспитывающих зрение средств больной стал видеть, узнавать предметы и их изображения, стал возвращаться к нормальному состоянию.

Интересен самый процесс восстановления: цветоразличение восстанавливалось постепенно, начиная раньше всего с различения красного цвета и кончая позже всего сине-фиолетовым. Когда больной уже воспринимал вещи, он видел их лишь как двухмерные изображения: глубины и рельефности вещи в его восприятии были лишены. Наибольшие трудности больному доставляло чтение и списывание. Напротив, письмо с закрытыми глазами осуществлялось им прекрасно. В результате трех месяцев лечения больной был излечен от зрительной агнозии. Способность коры к замещению нарушенных функций и к образованию новых различительных способностей обеспечили возвращение зрения больному с тяжелым органическим заболеванием мозга.

Приведем другой пример, касающийся расстройства слухового различения и узнавания. Больной Ж. получил пулевое ранение в левую височную область. Одним из самых тяжелых проявлений развившейся органической болезни мозга явилась здесь глухота и утрата способности понимания речи. Слуховой же аппарат находился в нормальном состоянии. В этом случае мы имели дело со слуховой агнозией и органическим заболеванием речи. Наше первичное исследование показало, что полностью было нарушено пространственное различение звуков: больной не мог определять местонахождение источника даже очень громких звуков. Звук, если и воспринимался, то не соотносился к предмету («тикание» часов воспринимается как шуршание бумаги, человеческий голос — как звук сирены и т. д.). Больной не узнавал ни одной песни, музыкальное произведение не отличалось им от простого шума, речь воспринималась как бессвязный поток. У больного были поражены самые первичные функции речевого слуха. Сходные по высоте звуки речи отождествлялись им, поэтому он слышал вместо «я» — «а», вместо «ё» — «о», вместо «д» — «т» и т. д. Отсюда и полное искажение воспринимаемых слов, приобретавших иной смысл (например вместо «папа» — «баба») или вовсе обессмысливавшихся (например вместо «сцена» — «иссена»).

Включение в общую систему лечения специальных психологических приемов восстановления речевого слуха и понимания речи почти полностью устранило явления глухоты центрального происхождения. И в этом случае на практике подтвердилась исключительная пластичность коры головного

мозга и способность ее к образованию новых различительных способностей.

Высшие функции зрения, слуха, осязания и других ощущений непосредственно осуществляются аналитической работой коры головного мозга. Вместе с тем, именно эти высшие функции, характерные для человека, связаны с обобщающей (синтетической) работой больших полушарий, обусловливающей деятельность мышления. Так, например, расстройства речевого слуха были связаны в последнем случае с нарушением мышления (понимания речи). Расстройства цветного зрения, глазомера, узнавания вещей и т. д. были связаны в первом случае с нарушением постоянства зрительных форм и связей между видимыми явлениями («зрительного мышления» по Сеченову). Эти факты мозговой патологии проливают свет и на некоторые важные особенности нормальной чувствительности например, сдвиги в ней под влиянием мыслительных процессов и практических действий.

Сдвиги в порогах и повышение чувствительности

Современная психология устанавливает, что ощущение не есть «зеркально-мертвенное отражение», но сложный развивающийся процесс отображения. Более или менее полное отражение в ощущениях достигается не сразу; об этом свидетельствуют хорошо известные случаи «обманов чувств» (иллюзии зрения, осязания и т. д.). В процессе различения возможны первоначально и некоторые противоречия, несовпадение образа с самим предметом. Без предварительного приспособления органа чувств к условиям восприятия различительная способность будет вообще низкой.

Известно, что различать что-либо в темноте мы можем лишь спустя некоторое время после приспособления глаза к этим затрудненным условиям различения. Опыты показывают, что в течение первых 5-10 минут чувствительность нарастает сравнительно медленно, затем в период от 10 до 30 минут возрастает особенно сильно, затем темп ее прироста снижается.

Вопрос о приспособлении глаза к темноте и ночном зрении приобрел особенно важное значение в связи с задачами ночного боя и ночной разведки, противовоздушной маскировки и т. д. Над этой проблемой ночного зрения и повышения его чувствительности много и успешно работают советские ученые. Установлен ряд физиологических условий повышения

чувствительности ночного зрения. Для нас важен психологический путь повышения чувствительности ночного зрения. Согласно проф. Г. Х. Кекчееву,[1] важнейшим путем является напряжение внимания, которое само по себе, без дополнительных воздействий, повышает эту чувствительность в $1\frac{1}{2}$ раза (опыты Семеновской).

Большую роль в ночном различении имеет приблизительная ориентировка в данном пространстве, осмысливание самой задачи различения в данных условиях, определяющие напряжение внимания и т. д.

При переходе от темноты к свету наблюдается иная закономерность — чувствительность глаза быстро снижается.

Как видим, ощущение не остается одним и тем же, оно изменяется в сторону большей или меньшей остроты и правильности распознавания.

Нужно иметь при этом в виду, что в результате длительного воздействия одного и того же раздражения имеет место последействие, образование последовательных образов. После фиксации в темной комнате электрического засвета, длившегося всего 2-3 секунды, или предмета, им на эти мгновения освещенного, можно продолжать «видеть» ясный образ предмета или света, сменяющийся затем отрицательным последовательным образом.

Все это показывает сложность ощущения как живого, деятельного процесса. Еще более подчеркивает эту сложность взаимодействие ощущения, изученное советскими учеными (особенно проф. С. В. Кравковым). Установлено, например, что цветочувствительность изменяется при одновременном воздействии на человека звука: чувствительность к красно-оранжевым цветам понижается, к зелено-синим цветам — повышается. Опыты проф. К. Х. Кекчеева показали относительное действие побочных раздражений на повышение чувствительности ночного зрения. Так, обтирание лица, затылка, рук холодной водой в теплое время года, равно как и медленное разжевывание таблеток со слабыми вкусовыми (кислосладкими) раздражителями повышает чувствительность ночного зрения. Таким образом, возможно сдвигать, изменять чувствительность одного органа чувств посредством возбуждения деятельности других органов чувств, при условии, если «побочные» раздражения будут слабее основных. Нам труднее

[1] См. его работы „Ночное зрение“ и „Психофизиология военной маскировки и разведки“. М. 1943.

слушать, не видя источника музыки или речи (зрительное восприятие как бы усиливает эффект слухового).

Подобное положение и во взаимоотношении вкуса и обоняния: сильные запахи понижают вкусовую чувствительность, слабые запахи, напротив, повышают вкусовую чувствительность. Вероятно, домашние хозяйки, приготовляющие обед, обладают меньшим аппетитом не только потому, что им сбивают аппетит мелкие пробы пищи во время изготовления, но и потому, что они, вместе с тем, как бы «насыщаются» запахами, которые снижают их вкусовую чувствительность.

Изучая закономерности взаимодействия ощущений, психология ищет пути повышения чувствительности, исходя из цельности чувствительных систем человека, единства в отражении природы. Взаимодействие ощущений, правильно организованное, т. е. не сбивающее, а повышающее чувствительность, важно не только для повышения качества наблюдения (например в научном исследовании, в боевой разведке), но и для культуры памяти. Одно из самых главных правил запоминания: закрепить один и тот же материал посредством разных взаимоукрепляющих ощущений: зрения, слуха, ощущений движений.

В познавательной деятельности человека, особенно в распознавании формы, поверхности, величины вещей, первостепенное значение имеет взаимодействие зрения и осязания, включающего мышечно-суставное чувство — ощущение движения. Известно, что благодаря осязанию в процессе движений уточняется зрительное восприятие предмета и его пространственных качеств: формы, величины, положения. С другой стороны, и само осязание у зрячего человека выступает в форме цельного образа благодаря переводу осязательных впечатлений на зрительную схему. Так, зарисовка осязаемых, но невидимых, скрытых от глаза, вещей постепенно уточняет осязательный образ и приводит к верному отражению формы.

Вопрос о сдвигах чувствительности, повышения ее уровня имеет исключительное теоретическое и практическое значение. Практическое значение этого вопроса заключается в возможности расширения границ чувственного различения, увеличения их точности и соответствия действительности.

Среди средств, повышающих чувствительность, должно быть отмечено не только взаимодействие ощущений, но и взаимодействие ощущений с мышлением и практической деятельностью. При определенной организации чувственного

распознавания мыслительные процессы и представления повышают чувствительность как зрения и слуха, так и осязания, вкуса и обоняния человека. Физиологической основой этого влияния высших умственных процессов на сдвиги чувствительности является воздействие второй сигнальной системы (речевой) на первую сигнальную систему. Поэтому представление о каком-либо физическом действии среды, вызываемое словом, его обозначающим, дает сдвиги такие же, как при действии этих физических раздражителей. Так, например, в опытах Добряковой по изучению электрической чувствительности глаза установлено, что слово «свет» само по себе, без действующего в данный момент света, повышало чувствительность, слово «темнота» понижало ее, как при обычном действии темноты. Подобные же факты отмечались, как указывал Гусев, в исследовании сдвигов вкусовой чувствительности под влиянием представлений о предстоящих вкусовых раздражениях.

Обычно вкусовая чувствительность не бывает обостренной у большинства людей. Однако у дегустаторов, являющихся специалистами по опробованию пищи, вкусовая чувствительность весьма повышена по сравнению с обычным уровнем. Естественно, напрашивается предположение, что дегустаторами становятся люди с повышенной вкусовой восприимчивостью. Однако исследование показало, что эта повышенная вкусовая чувствительность (различение малых вкусовых разностей) дегустаторов вовсе не является врожденным качеством органа вкуса этих людей. Эта повышенная различительная способность является продуктом практической деятельности, специализированной на чувственном распознавании (в данном случае пищи). Для дегустатора пища является уже не только предметом потребления, но и предметом производства, предметом для анализа, — отсюда и постепенное увеличение у дегустатора вкусовой чувствительности.

В том, что уровень и характер чувствительности зависят от вида деятельности и направленности мышления, убеждает нас изучение различий в чувствительности к высоте звука у музыкантов. Из ряда советских работ (Б. М. Теплова, В. И. Кауфмана) следует, что понижение или повышение звуковысотной чувствительности у музыкантов зависит от их воспитания и практической деятельности. Так, например, Кауфман экспериментально доказал, что в типичных случаях слух пианистов малочувствителен к малым разностям

высоты звука (менее $1/4$ тона), в большинстве случаев не устанавливая разницы между высотой этих звуков или устанавливая неверно. У инструменталистов (скрипачей, виолончелистов), напротив, отмечается значительное повышение этой разностной звуковысотной чувствительности.

Быть может повышенная звуковысотная чувствительность прирожденна? Это предположение разбивается научными данными, показывающими, что в начале обучения музыке резкого различия нет между пианистами и инструменталистами. Экспериментальные данные позволили В. Кауфману выдвинуть положение о том, что «способность к различению высоты звука не есть способность врожденная и физиологически неизменная... но, наоборот, представляет собой функцию музыкальной деятельности».

Пианисты и скрипачи не только слушают, воспринимают высоту звука различно. Их отношение к звуку и на практике совершенно различное. Известно, что пианисты оперируют с темперированным строем (уже настроенной высотой), в котором нет этих малых высотных разностей. Скрипачам, виолончелистам и т. д., напротив, приходится оперировать с натуральным строем, самим добывать, настраивать высоту звука. Теперь мы уже знаем, что, поскольку здесь высота звука производится, возникает благодаря самой деятельности, постольку здесь и имеет место значительно большая тонкость различения малых интервалов.

Итак, чувствительность возможно постоянно повышать, обострять, приближая человека к более точному распознаванию свойств отдельных явлений и предметов. В результате мыслительной деятельности формируется своеобразная «техника ощущений, повышающая чувствительность. Чувствительность органа чувств может быть повышена, а ее отсутствие может быть замещено мыслительной и инструментальной техникой ощущений, как, например, у слепоглухонемых (исследования А. Ярмоленко). Особенно нужно иметь в виду, что правильная организация познавательной деятельности в целом способствует повышению чувствительности. Поэтому, воспитание и самовоспитание наблюдательности является главнейшим средством постоянного роста, повышения уровня деятельности всех чувствительных систем человека.

Восприятие

Восприятие основывается на ощущениях, возникает из них, но обладает, вместе с тем, известными особенностями, не сводимыми к отдельным ощущениям.

Восприятие отражает предмет как целое, в единстве всех его свойств, — поэтому восприятие и определяется как целостный образ предмета, включающего в себе ощущения (образы отдельных свойств предмета).

Предметность восприятия имеет исключительно важное познавательное значение, особенно для мыслительных процессов. Органы восприятия не совпадают полностью с органами ощущений. Совпадение имеет место лишь в зрении и слухе, наиболее специализированных и тонко-развитых органах чувств человека. Зрение дает полный образ предмета, в первую очередь его форму, величину, цвет, пространственное положение. Такое человеческое зрение развилось исторически на основе практического оперирования с формами, величинами и количествами предметов в общественном производстве, технике, искусстве, на основе исторического развития практики измерения пространства.

Слух не дает знаний о предмете как целом, но на основе развития речи слух человека приобрел значение речевого, а также музыкального органа. Это значит, что слуховой образ чаще всего выступает как образ обозначенного словом предмета или действия. На основе речи и музыки слуховые ощущения у человека могли подняться на ступень восприятия, т. е. стать предметным образом.

Третьим органом восприятия (помимо зрительного и слухового органов) является рука, как созданный в истории человеческого труда новый орган восприятия — осязания.

Ряд исследований советского психолога Л. Шифмана показали отличие осязания как предметного восприятия от кожных и мышечно-суставных ощущений. Температура, поверхность вещи, ее вес непосредственно ощущаются, но форма и строение вещи в целом воспринимаются при соприкосновении лишь активным осязанием руки, что показано на слепоглухих исследованиями Ф. Розенфельд.

В восприятии мы имеем дальнейшую ступень развития чувственного познания — отражение мира в его предметных, цельных образованиях.

Однако восприятие предмета возможно лишь при условии выделения предмета из окружающей среды (фона, на котором

он находится). Возможно даже такое положение, когда предмет, не выделенный нами из окружающего его фона, может быть для нас полностью незаметным. Этим психо-физиологическим законом пользуются широко в военной маскировке. Если по форме, цвету, светлоте маскируемый предмет, например, орудие, подравнять к форме, цвету и светлоте местности, то он будет либо вовсе незаметен, либо его заметность будет сильно снижена для наблюдения с дальних расстояний. Этот принцип применения к местности, или имитации, полностью оправдывает себя в боевой практике. Как видим, используя возможные ошибки восприятия при нарушении соотношения предмета и фона, военная маскировка намеренно вводит противника в заблуждение.

Другой задачей военной маскировки является затруднить восприятие, ввести противника в заблуждение, не дать ему возможности узнать маскируемый предмет, который в то же время и невозможно скрыть. Для этого достаточно «разбить» единую форму предмета при помощи разноцветной окраски. Этой цели и служит так называемый камуфляж или принцип деформации, «разбивки» целой формы.

На дальних расстояниях эти предметы перестают видеться цельными, предметность восприятия устраняется, а с ней и правильность самого отражения.

Правильность отражения восприятия прямо пропорциональна его предметности. Поэтому, если мы стремимся обеспечить наилучшие условия для правильного восприятия предмета, необходимо выделять предмет из фона (на плакатах и в наглядных пособиях, в живописи, архитектуре, скульптуре). Образование предметности восприятия, как наиболее общего его свойства, облегчается надлежащим подчеркиванием в изображении единства, цельной связанности предмета.

Предметность восприятия определяет и такое важнейшее его качество, как постоянство формы или цвета предмета при изменении условий его восприятия (например освещенности).

Так, уголь нами воспринимается черным и при ярком освещении и в сумерках, хотя степень отражения света меняется; мел всегда нами воспринимается белым, независимо от изменений в освещении, и т. д. Подобное же положение имеет место с формами. В процессе восприятия мы ориентируемся на предмет, благодаря чему именно образ предмета

фиксируется в нашем сознании, приобретает характер известного постоянного знания, несмотря на преходящий, изменяющийся характер условий его восприятия.

Восприятие становится постоянным по мере того, как оно все более и более опирается на знание о предмете, на опыт его распознавания. Напротив, новые, непознанные нами предметы, которых мы не только не видели сами, но и о которых мы вообще ничего не читали, не слышали, первоначально отражаются в виде зыбких, неустойчивых образов, весьма зависимых от условий восприятия.

Для восприятия, как процесса, характерно единство его с мышлением и памятью. Осмысливание, понимание тех чувственных впечатлений, которые человек получает от внешнего мира, и практическая проверка их соответствия внешнему миру делают наши чувственные восприятия, по выражению Энгельса, «научно проверенными».

Восприятие и наблюдение

История науки представляет собой блестящее доказательство единства чувственных восприятий и мышления на основе практики. Наблюдение и эксперимент составляют главнейшие методы естествознания, но без правильного теоретического освещения, без правильного понимания добываемых ими результатов как наблюдение, так и эксперимент не способны разрешить научные проблемы. Все великие естествоиспытатели, знатоки природы, открывавшие сокровеннейшие ее тайны, были великими наблюдателями жизни природы именно потому, что они были ее активными испытателями и теоретиками своей науки. Чарльз Дарвин, замечательный «миллионер фактов», по праву считается одним из самых величайших наблюдателей природы всех времен, вместе с тем именно Дарвин явился тем обобщающим научным умом, которому естествознание обязано научно разработанной эволюционной теорией.

«Факты — это воздух ученого» — так гениальный физиолог И. П. Павлов охарактеризовал значение факта, явления природы для науки. Как известно, на фасаде Биологической станции в Павлово (б. Колтуши) так и начертано: «Наблюдательность, наблюдательность и наблюдательность».

Плохой наблюдатель, не умеющий внимательно рассматривать и распознавать своими ощущениями и мышлением те или иные явления, факты природы, — не может быть хорошим натуралистом.

В астрономии играет роль ничтожная на обычный взгляд доля секунды в скорости зрительного восприятия при прохождении небесного светила через определенный меридиан. Тонкое и точное зрение, вооруженное знаниями и техникой, необходимо любому испытателю природы: ботанику, зоологу, физику, химику и т. д.

Наблюдение относится не только к зрительному распознаванию, но и ко всем органам чувства. Наблюдать — это также значит уметь распознавать быстро, правильно и точно все внешние проявления предмета, в том числе и издаваемые им звуки, распространяемые им запахи, присущие ему вкусовые качества, вообще все физико-химические свойства предмета, отражаемые в ощущениях и восприятиях.

Не только зрение и слух, но и осязание, обоняние, вкус, мускульное чувство и т. д. требуют особого воспитания для повышения их восприимчивости к внешним раздражениям.

Единство чувственных образов предмета (ощущения и восприятия) и мышления является необходимым условием правильного, продуктивного и творческого научного наблюдения.

Великолепным доказательством того, что наблюдение есть известная целенаправленная деятельность, организующая чувственные восприятия в соответствии с известными интеллектуальными задачами, — является художественное творчество.

Зрители поражаются мастерством живописца, удачно изобразившего в своем пейзаже знакомую природу, особенно поражает в таких случаях, например при восприятии картин Левитана, тонкость выразительных средств художника, сумевшего подметить типичное, уловить самое существенное, выделить наиболее значительную черту русского пейзажа. Среди зрителей, любующихся картинами Айвазовского, многие видели море, любовались им в натуре, но картины Айвазовского воссоздают перед ними поразительно мощную и грозную красоту моря или его тихое спокойствие подчеркиванием какой-либо типичной для шторма или штиля динамики красок, колорита, светотеней и т. д.

Н. Г. Чернышевский считал, что искусство тем больше достигает эстетической цели, чем тоньше и глубже оно отражает действительность, жизнь, чем больше искусство основывается на живом наблюдении окружающей действительности. Успехи реалистического искусства вполне подтвердили

эстетическую теорию Чернышевского. Великие писатели-реалисты были замечательными знатоками человеческой жизни и общественных отношений, тонкими и меткими наблюдателями жизни людей.

Эта способность «присматриваться» к явлениям жизни, «подмечать» в них типичные для целого ряда явлений черты, видеть внутренние стороны явлений и составляет наблюдательность — качество, совершенно необходимое в любой познавательной деятельности и в искусстве.

Можно видеть, но не увидеть существенного, можно слушать, но не услышать самого важного, можно читать, но не вычитать нужного. Для выделения и восприятия важного, нужного, существенного и требуется наблюдательность, вырабатываемая в длительном развитии личности посредством «живого созерцания» и мышления.

Для того, чтобы увидеть, нужно обладать не только зрением, но и тем, что в жизни называют «точкой зрения», то-есть известным пониманием наблюдаемого и установкой на познание. Для того, чтобы услышать или правильно распознать качества предмета обонянием и вкусом, осязанием и т. д., необходимы не только эти чувственные впечатления, но и мышление, определяющее возможность бесконечного роста наших способностей отражать действительность.

Наблюдение определяется, прежде всего, предметом, который наблюдается человеком, его объективной логикой. Именно поэтому процесс наблюдения в ботанике или астрономии, живописи или литературе весьма различен. В этих случаях различается не только конкретное содержание метода наблюдения в зависимости от предмета наблюдения, но и его техника, а поэтому и определяемая ими деятельность наблюдателя.

Сравните поведение астронома-наблюдателя у телескопа или специалиста по физиологической оптике, изучающего процесс приспособления глаза к темноте, живописца и писателя, любующихся небом, — насколько разнятся их цели, приемы, техника, стиль поведения, не говоря уже о знаниях и точке зрения на наблюдаемое.

Нельзя, однако, думать, что организованность и целенаправленность относятся лишь к восприятиям и мыслям; в такой же мере эти качества относятся и к самой объективной деятельности человека.

Когда инженер или мастер «выстукивают» мотор, они не только напрягают свой слух определенным образом и стараются при этом истолковать наблюдаемый ритм оборотов, но и приспосабливают для этой цели надлежащим образом свое тело, выбирают наиболее выгодное положение, возможно производят при этом подсобные действия и т. д.

Когда художник снимает натуру, он не только направляет свое зрение на нее, но и старается избрать наиболее эффективный угол зрения, рационально расположить около себя кисти, краски и т. д.

В научных исследованиях в эту организацию деятельности наблюдателя включается и управление специальной и так называемой регистрирующей аппаратурой (например, для записи пульса, дыхания, кровяного давления, движений в физиологии и психологии). На помощь наблюдателю в науке приходят и такие технические средства, как электросигнализация, фотография, кинематография.

В зависимости от характера познавательной деятельности, задачи и техники исследования, методика наблюдения изменяется соответствующим образом. Несмотря на эти изменения, в различных формах наблюдения существуют известные общие черты, на кратком описании которых мы здесь и остановимся.

Непрерывное, бесконечное и разнообразное действие внешнего мира на органы чувств и многообразие отправлений самого человеческого тела определяют непрерывную и многообразную деятельность ощущений и восприятий человека. Возможно такое положение, когда протекание ощущений и восприятий носит непроизвольный характер, как бы целиком поддаваясь эмоциональному возбуждению или угнетению. При этом положении человек может видеть и слышать очень многое, но не увидеть и не услышать самого важного, существенного. Можно много смотреть вокруг себя, слушать «по сторонам», быть любопытным и подвижным человеком, но плохо знать окружающую жизнь, не разбираться в ее действительных отношениях, не уметь распознавать ее главнейшие проявления.

Для распознавания этих главнейших проявлений окружающей жизни общества и природы вредно всякое беспорядочное и поверхностное восприятие. Сколько бы ни было таких восприятий (беспорядочных и поверхностных), они

в своей общей сумме будут значить меньше одного организованного, проницательного, глубокого.

Таким образом, не само по себе количество впечатлений, а их качество, то есть способ их организации, является важнейшим моментом наблюдений. Лишь при этих условиях количество восприятий приобретает действительно важное значение. Для того, чтобы не «раствориться» в наблюдаемых внешних положениях, человек должен выделить себя из этих положений, противопоставить мощному потоку внешних воздействий, возбуждающих впечатления, свою линию поведения, определяемую известной целью.

Иначе говоря, наблюдение не есть любая совокупность внешних впечатлений человека, но лишь определенная произвольная деятельность человека, направленная на восприятие и понимание определенных явлений жизни.

Следовательно, для того, чтобы наблюдать, необходимо стремиться воспринимать не все находящееся в поле зрения, слуха и других органов чувств, но лишь необходимое с точки зрения поставленных целей и задач. Иначе говоря, деятельность наблюдателя прежде всего заключается в такой организации поля зрения, при которой предметы и явления внешнего мира воспринимаются избирательно.

Впечатления, получаемые в процессе наблюдения как от внешнего мира, так и от отправления самого организма, возникают в результате определенной целенаправленной и избирательной деятельности. Поэтому впечатления в процессе наблюдения выступают в качественно ином виде, нежели при обычном восприятии, — это качественное своеобразие впечатлений при наблюдении определяется «точкой зрения», мыслительной задачей или вопросом, проблемой, которой подчинена вся организация наблюдения.

При обычном восприятии получаемые впечатления так же осмысливаются, как и в процессе наблюдения; разница заключается лишь в том, что при наблюдении это осмысливание идет в определенном направлении, составляет последовательную цепь размышления, направленного на решение определенной мыслительной задачи и притом преднамеренно. Между тем при восприятии в повседневной жизни у нас часто и не бывает намерения специально воспринимать и специально обдумывать какой-либо ряд явлений с точки зрения некоторой общей мыслительной задачи.

Таким образом, характернейшей чертой наблюдения является организованное, произвольно направленное осмысливание в процессе восприятия и истолкование воспринимаемого в свете определенных познавательных вопросов и определенных взглядов на действительность.

Из этого положения вытекает огромная роль мировоззрения и мышления в воспитании способностей к наблюдению.

Как видим, наблюдение есть сложная деятельность, в которой восприятие и мышление даны в диалектическом единстве.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПАМЯТЬ

Чувственные образы и представления

Переход от ощущения к мысли не всегда бывает непосредственным и прямым.

Между ощущением-восприятием (чувственным образом) и абстрактным мышлением имеется переходное звено — представление.

Вследствие пластичности коры головного мозга, индивидуально приобретаемого характера ее деятельности, образы предметов, ранее бывших в опыте человека, воздействовавших в прошлом на его органы чувств, сохраняются в виде внутренних образов. Очень многое из того, что человек видел, слышал, осязал и т. д. в предшествующие моменты жизни, — не исчезает, но сохраняется. В состоянии деятельности эти внутренние образы включаются как составная часть в процессы памяти или мышления и их течение определяется мыслительной задачей и методом умственной работы. В состоянии покоя (пассивного отдыха, засыпания, неглубокого сна, пробуждения), напротив, эти внутренние образы приобретают самостоятельное значение и связываются друг с другом по признакам смежности, формального сходства и т. д.

Так, на различном уровне в различной системе деятельности, представления входят, с одной стороны, в память, воображение, мышление (образные их формы), а с другой, образуют самые примитивные образы — сновидения.

Каждому известен самый факт представлений. Образ знакомого человека возникает в нашем сознании не только тогда, когда он в поле нашего зрения или слуха, но и тогда, когда человека уже нет. Мы не были в городе, где родились, деся-

ток лет, но образ родных мест живо возникает перед нашим «умственным взором». Несколько дней назад мы слышали красивый романс, но еще сегодня он «звучит» в нашем «внутреннем слухе». Мы не можем вспомнить на слух мелодию песни, потерян уже и зрительный образ нот, но мы кладем пальцы на клавиатуру рояля и пальцы «сами» (своей «мышечной» памятью) находят эту мелодию и т. д.

Общим для всех этих фактов является то, что предмета или явления, образ которого воспроизводится, уже нет, однако отражение их как бы продолжает развиваться. Органы чувств наши ничем не раздражаются извне, а внутренние образы тем не менее возникают и проходят массами, целым потоком. Возможно даже такое положение, когда органы чувств наши чем-либо и возбуждаются, но образы, возникающие изнутри, оказываются сильнее образов чувственных. Нередко мы ловим себя на том, что, слушая кого-либо или смотря на что-либо, т. е. находясь под воздействием внешних предметов, мы «предаемся» посторонним для обстановки воспоминаниям или грезам с их живописными внутренними картинами.

Если же закрыть глаза и отвлечься от внешних раздражений, то мы начинаем как бы видеть внутренне развертывающиеся перед нами картины. Здесь и образ случайной дневной встречи и куски давнего разговора, сценка из какой-либо пьески и образ товарища детства и т. д. Все это походит на монтаж кадров из разных фильмов, мелькающих с большой скоростью и сменяющих друг друга внезапно. Характерно, что во всех этих случаях образы предметов не выносятся наружу, во внешнее пространство, даже если будем держать глаза открытыми.[1] Течение представлений развертывается во внутреннем пространстве, на каком-то постоянном темносером фоне. На этом фоне образы предметов выделяются формой, цветом, величиной, пространственным положением, объемом. Нередко один образ наслаивается или даже проходит как бы сквозь другой, не говоря уже о постоянном слиянии этих образов.

Есть ряд фактов, которые, казалось бы, свидетельствуют о том, что представления являются самостоятельной, активной

[1] Этим отличается нормальное течение представлений от галлюцинаций при душевных болезнях, когда внутренний образ „выводится наружу", помещается во внешнем пространстве и становится навязчивой устрашающей силой.

силой, не зависящей от деятельности органов чувств. Так, скажем, известно музыкальное, звуковое творчество у людей с полной глухотой (Бетховен, уже будучи глухим, создал девятую симфонию); яркие живописные образы возможны и у слепых (английский слепой писатель Мильтон, литературное произведение которого изобиловало живописными описаниями).

Все эти факты ложно истолковывались идеализмом для доказательства того, что сознание независимо от внешнего мира и деятельности органов чувств, что самодеятельность души «проявляется» уже в этих внутренних образах.

Как и в других вопросах психологии, идеализм был разбит и в этой проблеме.

Прежде всего оказалось, что представления являются в основе своей воспроизведенными (повторенными, но уже без наличного раздражения) ощущениями и восприятиями. Те или иные видоизменения в представлениях сравнительно с ощущениями не изменяют основного, т. е. того, что источником внутренних образов являются образы чувственные. Это, в свою очередь, означает, что и представления есть сложные образы действительности. В отличие от чувственных эти образы отражают не действительность текущего мгновения, в данный момент воздействующую на органы чувств, а прошлую жизнь и прошедшие уже внешние воздействия. Представления, таким образом, также есть вид отражения внешней действительности, но своеобразный, отличный в некотором отношении от чувственных образов.

Опыты показали, что в зрительных представлениях происходят существенные изменения сравнительно с зрительными восприятиями. Однако, это изменение относительно и далеко не только отрицательное: представление не только теряет что-то по сравнению с восприятиями, но что-то и приобретает. Что же именно? Опыты показали, что без специального упражнения в представлениях сохраняется преобладающий цвет предмета, его контуры и форма, относительная величина и местоположение.

Как видим, сохранение этих важнейших знаний о предмете уже обеспечивает познавательную ценность представлений и их относительное соответствие внешней действительности. Вместе с тем, с переходом от восприятий к представлениям ряд знаний о предмете исчезает, теряется. Это относится к яркости и насыщенности сохранившегося цвета,

к абсолютной характеристике его размеров и количества, составляющих его частей к объемности (предмет в представлении дан как плоскостное изображение) и, наконец, к фону, на котором предмет обычно воспринимался.

Воспринимать предмет вне фона невозможно даже при самом концентрированном на предмете внимании. Напротив, в представлениях предмет и цвет как бы отрываются от фона, могут быть воспроизведены либо без него (на темно-сером полотне «внутреннего поля»), либо на видоизмененном фоне. Исключениями является особый вид зрительных представлений — топографическое представление (о расположении предметов и местности, ранее воспринимавшейся).

Впрочем, исследования Ф. Н. Шемякина устанавливают, что топографические представления являются одновременно и зрительными и двигательными. Но и в топографических представлениях степень предметной обобщенности различна в мысленных «картах пути» и «картах обозрения».

Уже этот факт центрального значения в представлениях образа предмета, а не случайных и преходящих условий его восприятия, свидетельствует о развитии тенденции, которая характерна для восприятия, а именно — предметности образа. С этим связано то, что представление приобретает нового по сравнению с восприятием. Этим новым моментом является отвлечение от частностей предмета и его окружения, отражение самого общего в многообразии свойств и положений данного предмета. В каждом представлении, например представлении учителя об ученике, образ выступает в обобщенной форме. Несмотря на то, что учитель видел ученика сотни раз, на разных уроках, при различных обстоятельствах, учитель видит в своем уме не сотни разных образов этого ученика в разных преходящих обстоятельствах, а лишь несколько и даже один единый образ. В этом образе сохраняется наиболее типичное для представляемого в уме человека. Степень обобщенности может быть большей или меньшей, но обобщенность впечатлений всегда имеет место в представлении.

Следовательно, еще будучи наглядным образом, представление содержит в себе некоторый элемент абстракции (отвлечения предмета от преходящих обстоятельств и проявлений) и обобщения. Следовательно, именно в представлении нащупывается переход от ощущения к мышлению, от наглядного к абстрактному.

Прямая зависимость представлений от внутренней мозговой работы высших отделов коры подтверждается той особой ролью, которую играет речь в их механике. Речевые источники представлений, раскрывающие их общественно-исторический характер, имеют даже большее значение, нежели представления, прямо возникшие из наблюдения.

Мы представляем себе не только то, что мы сами видели, слышали, осязали, но и то, что было впечатлением других людей, но передается нам языком, устной или письменной речью.

Источником наших живописных представлений, например, о жизни в древней Ассирии или в Антарктике, являются, разумеется, не наши собственные впечатления, а впечатления и чувственный опыт многих поколений людей, обобщенные в языке, закрепленные в письменности и превратившиеся в определенные знания (географические, исторические и т. д.). Этот источник представлений специфически человеческий. Наглядные образы памяти и воображения создаются поэтому не только на непосредственной основе чувственного наблюдения, но и наглядного описания в словесных образах.

Однако, наглядные образы памяти (возникшие непосредственно из наблюдения) отличаются от словесных образов-представлений, поскольку они лишь постепенно становятся обобщающими; словесные образы, напротив, с самого начала обобщены и лишь постепенно становятся наглядными.

Развитие речи способствует не только расширению круга представлений, но и обеспечивает все возрастающую гибкость их смысловых связей в памяти и мышлении.

В состоянии деятельности, при решении жизненных задач чувственные представления осознаются, осмысливаются и обозначаются. В этом процессе сознательного регулирования хода представления, их отбора и направления важнейшую роль играет критический характер мысли и произвольный (волевой) характер поступков, с которыми связано течение представлений. Осознанность эмоций и потребностей, определяющих смену образов в течении представлений, связана с мышлением и волей личности. Поэтому в состоянии активной, сознательной деятельности представления организуются, координируются, входят в какие-либо сложные процессы сознания (память, воображение, мышление), не являясь самостоятельными обособленными образами.

Сновидные образы. (Сновидение как вид представлений)

Сознание предполагает деятельность личности, которая возможна лишь в состоянии бодрствования. Материальная действительность составляет источник деятельности человека и содержание его сознания. Отсюда объективно-предметное содержание сознания, отражающего явления и закономерности бытия. Ведущим в сознании являются знания, которые и определяют другую сторону сознания — переживание.

Главнейшее место знания занимают в состоянии бодрствования, активной деятельности — восприятия и ощущения зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса, т. е. деятельность внешних органов чувств. В деятельном состоянии внутренностные ощущения и боль как бы подавляются, осознаются сравнительно слабо. В переживании какого-либо успеха или неуспеха наших действий центром сознания редко является само переживание, но скорее моральная оценка и размышление, построение нового плана действий, иначе говоря, — сложные формы осознанных знаний и действий.

Однако это положение относится лишь к состояниям полного бодрствования. Уже в состоянии неполной деятельности (утомления, усталости, пассивного отдыха) отношения между знаниями и переживаниями в системе сознания изменяются: переживание приобретает большую роль. Внутриорганические и мышечно-суставные возбуждения в состоянии активной деятельности, подчас и не переживающиеся, с ослаблением тормозящей роли внешних органов чувств и действий, значительно усиливаются и начинают осознаваться. В таких состояниях еще бодрой, но неполной деятельности знания становятся менее связными, менее критическими и объективными, более случайными, субъективными. Только с большим усилием воли в этих случаях возможно преодолеть развертывание явлений, полная картина которых дана в состоянии сна.

В состоянии бодрствования, т. е. максимальной деятельности высших отделов головного мозга все органы чувств (среди них прежде всего — высшие внешние органы чувств) держат мозг в определенном напряжении, возбуждают его аналитическую и синтетическую деятельность. Это максимальная деятельность мозга распространяется на умственную деятельность и системы чувствительности, на двигательные органы, как на исходные проявления животной жизни — в пер-

вую очередь. Бодрствование прежде всего максимальная деятельность. В течение дня происходит непрерывная смена движений от простых (ходьба, сидение) до сложнейших (рабочие операции с орудиями труда).

Большую роль в активном поведении человека и его рабочих движениях имеет деятельное состояние двигательного аппарата глаза. Мышцы век пребывают в деятельном состоянии. Глаза открыты, зрительные оси глаз направлены и перемещаются в зависимости от перемещения объекта или изменений задачи самого человека. Следовательно, зрительно-двигательная координация, столь важная для работы, является типичным явлением бодрствования.

Если бодрствование есть типичная форма животной жизни, то сон — форма растительной жизни в животном организме.

Сон характеризуется замиранием движений, органов отношения к внешнему миру (двигательных органов, органов чувств), значительным расслаблением мускулатуры. Однако сон не есть полное прекращение деятельности организма, она приобретает иное выражение. Растительная жизнь животного (кровообращение, пищеварение, дыхание, обмен веществ), которая в состоянии бодрствования регулируется животными функциями, теряет свое обычное напряжение. Периферические кровеносные сосуды вследствие расслабления тонуса их стенок расширены, отсюда кровяное давление понижено, кровообращение замедлено во всем теле (в мозгу, в частности). Дыхание спящего человека замедлено, количество вдыхаемого кислорода и выдыхаемой углекислоты уменьшено. Для мозговой деятельности во время сна характерно преобладание накопления кислорода над его тратой, что имеет важное значение для восстановления (отдыха) функций. Вследствие того, что кровь разносится по телу медленнее и тело вентилируется легкими слабее, понижается деятельность всех органов. Меньше отделяется слизь и слюна в ротовой полости, отсюда «сухость во рту» и жажда по пробуждении. Ослаблено и отделение слез — глаза сухие и как бы «трутся» о внутреннюю поверхность глаз, создавая ощущение попадания чего-то постороннего в глаза и желание его удалить. Эти явления, составляющие лишь часть физиологии сна, определяются прежде всего главной, невродинамической основой сна у высших животных. Такой главной основой является периодически наступающее торможение нервной системы и особенно понижение работы высших отделов головного мозга.

Явления сна объясняются, прежде всего, полным или неполным выключением деятельности больших полушарий.

Как показал И. П. Павлов, главным «виновником сна» у высших животных и человека являются, прежде всего, большие полушария. Согласно его учению, продолжительное и изолированное раздражение определенного пункта больших полушарий ведет к сонливости и к сну. Сон является формой торможения, предохраняющей нервную систему от истощения вследствие раздражения. Этот процесс торможения распространяется все дальше и дальше на средний мозг, захватывая не только полушария, но и нижележащие отделы. При такой картине происхождения сна понятно, что торможение осуществляется постепенно и захватывает различные зоны мозга частями. Этим и объясняется изменчивая картина сна (смена фаз глубины) и сохранение в больших полушариях известных «сторожевых центров».

Как и всякое явление жизни, сон есть процесс. Хотя внешне спящий человек и характеризуется максимальной неподвижностью, однако эта неподвижность неодинакова в процессе сна. Так же как уже внутри бодрствования зреют предпосылки к сонливости (неполное бодрствование), так и с известного момента сна — созревают предпосылки к восстановленному, обновленному после сна бодрствованию.

Смена бодрствования и сна у человека монофазовая (резкое отграничение одного периода сна от периода бодрствования) в отличие от ряда животных, спящих и бодрствующих в течение суток периодически неоднократно. Монофазовость человека и животных в отношении сна объясняется, вероятно, преобладанием зрения и его приспособлением к периодическим колебаниям интенсивности света. Отсюда особая близость бодрствования со зрением и мышлением, которое у человека во многом носит зрительный характер. Напротив, наступление сна в первую очередь означает выключение зрительного органа — в первую очередь, засыпая, мы перестаем видеть, закрываем глаза. Таким образом, зрительный анализатор, наиболее истощенный в период бодрствования, не может быть тем «сторожевым центром», который сохраняет избирательную связь с внешним миром. Так как лишь часть периода сна характеризуется полной глубиной, то в остальные моменты колеблющейся глубины и поверхности сна имеется целая мозаика подобных сторожевых точек в коре и в подкорке, особенно связанных со слухом. Характерно при этом, что готов-

ность к слуховому ощущению сама находится в зависимости от основных потребностей и установок человека. Мать, спящая у постели ребенка, нечувствительна к громким звукам, но просыпается при малейшем движении ребенка. Мельник спит под грохот жерновов, но просыпается при звуках, обозначающих необходимость засыпки семян.

Можно думать, что функциональное состояние слухового анализатора в состоянии сна не является одним и тем же и изменяется в зависимости от распространения коркового торможения. То же можно сказать относительно кожного анализатора, который, очевидно, не заторможен полностью в начале сна. Вместе с тем, отдельные участки больших полушарий головного мозга, регулирующие внутренностную чувствительность (деятельность внутренних органов вообще), могут функционировать даже более деятельно. В состоянии сна, следовательно, имеется неполная и своеобразная мозговая деятельность отдельных районов больших полушарий, при более или менее общей заторможенности высшей нервной деятельности. Важно отметить, что торможение коры головного мозга при одновременных совозбуждениях нижележащих отделов является источником повышения чувствительности к внутренностным ощущениям, порождающим неопределенные, неосознаваемые переживания во сне.

И. П. Павлов высказал гениальное предположение о физиологическом происхождении сновидений, исходя из своей теории сна как формы торможения больших полушарий. Согласно этому предположению, сон есть торможение, распространяющееся вниз на подкорковую область. Утомление словесного отдела коры (в первую очередь лобного мозга) вызывает торможение этого отдела, который И. Павлов называет «второй сигнальной системой». В бодрственном состоянии вторая сигнальная система держит первую в определенном напряжении и подчинении. Когда же нет этого давления со стороны второй сигнальной системы, низшие отделы растормаживаются и появляются сновидения.

Однако, в силу торможения нервно-мышечной, двигательной системы, первая сигнальная система, в основном образующаяся из работы анализаторов, растормаживается лишь частично, не во вне, а внутри самого мозга. Этим и возможно объяснить относительное возбуждение во сне деятельности зрительных центров. В том, что в сновидной деятельности играет роль именно неполная возбудимость зрительных зон

больших полушарий, убеждает и тот факт, что у больных, страдающих расстройством зрительного узнавания или вообще получивших тяжелую травму затылочной области, сновидения отсутствуют, хотя бы до заболевания они имелись в изобилии. Этот факт прямо указывает на затылочный, зрительный очаг сновидений. Уже самое слово «сно-видение» обозначает зрительный характер переживаемых во сне образов. Большинство исследований указывает на то, что в переживаниях сонной жизни зрительные образы резко преобладают над остальными (слуховыми, осязательными, вкусовыми, обонятельными). Характерным, вместе с тем, является сочетание во сне зрительных образов с двигательными и внутренностными ощущениями. Насколько зрительный характер является общим для переживаний во сне, показывает и то, что всякие внешние раздражения (не световые) вызывают все-таки внутренний зрительный образ. Так, незначительный толчок спящего порождает образ падающего тела, раздражение языка спящего корицей — образ пламени (перевод на зрительный образ чувства жжения), свист над ухом — налет самолетов и т. д. Поскольку орган зрения в состоянии сна заторможен, эти зрительные образы полностью центрального происхождения. Этим и объясняется зависимость сновидений от жизненного опыта, от реальных впечатлений дня или прошлого, накопленного и переработанного первой сигнальной системой. Наиболее частые сны — повторение виденного. Первоначально, у ребенка, это буквальное повторение виденного (ребенок 4 лет рассказывает при пробуждении «дедушка был у нас», «я видела кроватку тети», «видела красивый сад, как у нас» и т. д.).

В дальнейшем это повторение виденного усложняется и преобразуется. Повторяется не одно какое-либо впечатление, но целая совокупность впечатлений, в свое время не связанных друг с другом. В силу сниженного различения и обобщения в корковой деятельности в сновидениях, напротив, сливаются самые разнородные впечатления от разных событий и времен. События накануне связываются с событиями более отдаленными. Происходит столь частое в сновидениях сгущение (два лица в одном и том же образе) или, напротив, расщепление образа (разные свойства одного и того же человека выступают как два разных человека). Спящий человек видит себя вдвойне — как действующее лицо и как наблюдающее). Имеет место смещение образов (выдвигается на передний

план неважное, важное становится на место неважного) в силу нечувствительности к качественным определениям заторможенного мозга.

Воспроизводя дневную жизнь человека, т. е. впечатление деятельности, сновидения нередко изменяют или даже искажают их до неузнаваемости. Так возможно перемещение образов в пространстве (перестановки: река Нева оказывается в Москве, эскимосы в пустыне Сахара) или во времени (мертвые «оживают», живые «умирают»). Возможно даже одновременное совмещение противоречий (человек одновременно и мертв и жив, раздевается и одевается, в одно и то же время стоит лето и идет густой снег). В сновидениях мы часто оказываемся нечувствительными к этим противоречиям, но зато по пробуждении мы справедливо расцениваем это, как путаницу и бессмыслицу. В сновидениях и отдельный образ может быть целым образованием, таков кошмарный устрашающий образ чудовища, от приближения которого мы просыпаемся. Образования (т. е. сочетание образов) могут быть и переносными, символическими: например голова — дом мыслей. Вечером шла речь о необходимости перестройки мыслей на правильный лад, чтобы «в доме все было в порядке». Ночью больной видит кошмар: к нему приходит управдом и говорит, что его голову будут перестраивать под дом. Идет перестройка, вызывающая сильную головную боль. Когда построен последний этаж, происходит налет вражеских самолетов, бомбежка и прямым попаданием «дом», т. е. голова, разваливается.

В случаях, подобных этому, обнаруживается уже не только сложность строения, но и направленность сновидений. В этом случае проявился подавляемый в деятельности страх, в других проявляются различные неудовлетворенные желания (сновидения «покорителя сердце» у застенчивого юноши, блестящей сдачи экзамена — у ленивого ученика). Но и в этих случаях сновидения продолжают быть реалистичными, связывая бессознательные переживания сна с жизнью в целом, с потребностями и влечениями человека.

Сновидения отличаются друг от друга прежде всего по уровню. К сновидениям более поверхностного легкого сна присоединяются мысли, они относительно критичны. На этом уровне даже возможна доработка имевшихся мыслей (например писатели и ученые на этом уровне сновидений как бы продолжают жить обычной своей творческой жизнью). В этих

сновидениях меньше странностей, они точнее обозначаются и лучше запоминаются по пробуждении.

В глубоком сне во много раз больше странностей, причудливых и противоречивых образований, нет критики, большая зависимость от внутренностных ощущений и примитивных влечений. Именно на этом уровне сна чаще всего бывают типичные «сны-падение» или «сны-полеты», кошмары, физиологический механизм которых уже вполне разъяснен. Характерно, что с углублением сна переживания во сне теряют свой чисто зрительный характер, становятся скорее мышечно-суставными и внутренностными, а речь во сне заменяется лепетом или криком. Мы не случайно упомянули о речи во сне, но на более поверхностных его фазах. Хотя большинство из нас редко говорит вслух во сне и редко слышит чужую речь во сне, однако речь принимает своеобразное участие почти во всех сновидениях — речь внутренняя (см. главу V).

В сновидениях мы обычно видим не отдельные предметы. а целые группы связанных и обозначаемых предметов. Уже в этом сказывается участие речи. В сновидениях мы беззвучно разговариваем и слушаем незвучащую речь других. Поэтому в сновидениях принимает участие не только зрительный образ, но и внутренняя речь. Именно их соотношение и порождает сновидение. На это предположение нас навел поразительный клинический факт, изученный нами (совместно с доктором Б. Р. Нанейшвили) на сотнях больных. Оказалось, что нарушается сновидная деятельность не только у больных, получивших травму или заболевание зрительных областей коры, но и у больных, страдающих органическим поражением речи (устной, внутренней, письменной). Подробное изучение этого вопроса убедило нас в том, что для сновидений необходимо сочетание зрительных представлений и внутренней речи. Поражение одного из этих составных звеньев (или зрительных представлений, или внутренней речи) вызывает расстройства сновидной деятельности. Так же, как по излечении от корковой слепоты больной начинает видеть сновидения, так же и при излечении от органических болезней речи к больному вновь начинает возвращаться свойственная ему способность и мера сновидений.

Как видим, сновидения являются продуктом работы мозга в особых условиях его общей заторможенности.

Они представляют собой факт пониженной и ослабленной корковой различительной деятельности. Зависимость

сновидений от деятельности организма и его жизни доказывается их содержанием, состоящим из элементов действительной жизни и понятных только в связи с ней. При научном понимании сновидения могут послужить своеобразным рассказом о пережитых впечатлениях человека, его установках и потребностях в прошлом и настоящем. Но, как видно из строения сновидений, — самого примитивного вида представлений, — от них меньше всего можно ожидать «предвидения».

Между тем, в обыденной жизни все еще имеет место предрассудок относительно «пророческих снов». Известно, что на заре развития человечества люди думали, что сновидения — это прогулка души по разным тайным местам, куда не допускается тело. Отсюда приписывание сновидениям магической силы «откровений» «вещания». Пережиток таких суеверных отношений к сновидениям тем сильнее, чем менее развито научное мировоззрение у человека и чем слабее его воля. Чувство беспомощности и страха способствует усвоению этих предрассудков. Научный анализ полностью устранил всякие попытки «обосновать» возможность вещих снов, т. е. «представлений-предвидений».

Представления и процессы памяти

В своем настоящем значении представления выступают там, где они формируются, т. е. в деятельности, в состоянии бодрствования. Здесь они играют познавательную роль, способствуя образованию процессов воображения, мышления и особенно памяти.

Представления образуются в нашем сознании как намеренно, т. е. произвольно, так и ненамеренно, т. е. непроизвольно, — это различие в способах очень существенно: ненамеренно образующиеся представления и есть запечатления.

Мы могли специально и не запоминать произведения в картинной галлерее, но затем некоторые из них воспроизвести в нашей памяти: особенно те из них, которые поразили нас своим мастерством, оригинальностью и т. д.

Мы не ставили себе специальную цель запомнить вид человека, ставшего жертвой уличной катастрофы, — наоборот, мы стараемся забыть это впечатление, — тем не менее образ чужого страдания и всей катастрофы как бы воспроизводится «сам собой».

В нашей памяти многое всплывает подобным образом — «само собой», без специального усилия с нашей стороны,

а нередко вопреки нашему усилию, несмотря на наше старание этот образ вытеснить из памяти.

Запечатление находит свое яркое выражение в тех явлениях «мелькания образов» и «игры представлений», о которых говорилось раньше.

Будучи зависимым от чувственных образов (ощущения и восприятия), запечатление всегда носит определенный чувственный характер, т. е. зрительный, слуховой, двигательный, обонятельно-вкусовой, болевой и т. д. Следовательно, запечатление является важным механизмом, позволяющим уяснить природу зрительной, слуховой, двигательной и других элементарных видов памяти.

Будучи зависимым от эмоциональной возбудимости человека, запечатление определяется эмоциональным отношением человека к впечатлениям, силой эмоционального последствия этих впечатлений и т. д. Иначе говоря, запечатление — основа эмоциональной памяти. Нужно считать неоправданной ту недооценку запечатления, эмоциональной памяти, которая имеется в современной психологии. Способность к запечатлению, т. е. к эмоциональной памяти, нужно развивать определенным образом, создавать условия для ее развития, и тогда эмоциональная память выступит средством психического развития.

В отличие от запечатления, запоминание представляет собой процесс, определяемый специальной целью — закрепить на известное время данное знание, сохранить его на будущее. Таким образом, запоминание предполагает сложный ряд: а) образование намерения и постановку цели запоминания; б) определенную организацию деятельности — в соответствии с поставленной целью (установка на заучивание, произвольное внимание, волевое усилие); в) подбор средств, способствующих закреплению (составление записей, схем и т. д.); г) организацию повторений закрепляемого материала и т. д.

Иначе говоря, запоминание есть деятельность, а не только субъективное состояние. Для запоминания необходимы определенная организация действий, определенные материальные средства, определенная организация запоминаемого материала. Важнейшим условием, необходимым для производительного запоминания, является заучивание. Таким образом, заучивание, и на его основе запоминание, носит волевой характер и предполагает все звенья волевого акта; намерение, распределенное и напряженное усилие, поступок.

Запоминание включает в себя прежде всего логические приемы организации материала, осмысливание запоминаемого материала определенным образом. Эти логические приемы и мыслительная сторона составляют ведущую сторону запоминания.

Однако, неправильно было бы сводить запоминание лишь к логическим приемам, — другим составным моментом являются приемы механические, которыми мы успешно пользуемся при запоминании деталей всего логического целого (исторические даты, номера телефонов, адреса, отдельные иностранные слова и т. д.). Механическое запоминание полезно лишь при включении в известную систему логического запоминания, в противном случае оно превращается в формальное натаскивание, в «зубрежку». Вместе с тем нужно указать и на то, что логическое запоминание опирается на механическое запоминание, являющееся, по выражению Ушинского, «материальной основой» логической памяти.

Запоминание как мыслительно-волевой процесс памяти играет главную роль в закреплении знаний. Поэтому развитие способности к запоминанию является важнейшим условием успешного закрепления знаний.

Первичным процессом восстановления представлений в нашем сознании является узнавание.

Когда перед нами вновь появляется предмет, ранее уже воспринимавшийся, мы признаем в нем уже бывшее в нашем опыте или относящееся к известной категории знакомых нам вещей. Это воспризнание прошлого при непосредственном восприятии предметов, ранее нами наблюдавшихся, и есть узнавание. Следовательно, узнавание возможно как при повторном восприятии того, что было воспринято в прошлом, являясь как бы составной частью нового восприятия, так и при встрече с объектами новыми, но относящимися к уже известной категории вещей (так называемое категориальное узнавание).

Различные формы узнавания отличаются друг от друга прежде всего степенью определенности. Так, например, мы можем испытывать некоторое смутное, нерасчлененное чувство знакомости объекта, но затрудняемся отождествить этот объект с чем-либо определенным в нашей памяти. Это неопределенное узнавание очень часто проявляется в быту, когда мы встречаем людей незнакомых, но кажущихся нам известными,

хотя мы не можем вспомнить, кто эти люди, где мы встречались с ними, и т. д.

В других случаях узнавание характеризуется полной определенностью: мы сразу признаем в человеке определенное лицо, относим его к действительным обстоятельствам, в которых его ранее воспринимали. Это более или менее полное узнавание, что весьма важно, осуществляется не только в отношении объектов, представления о которых возникли на основе нашего собственного чувственного опыта, но и в еще большей мере в отношении объектов, представления которых возникли на основании описания (узнавание по описанию). Обучаясь в школе, ребенок образует огромный ряд таких представлений по описанию: картины природы, нравы и обычаи народов, машины и агрегаты, художественные ценности и т. п. Лишь впоследствии, на своем жизненном пути человек непосредственно сталкивается с этими картинами природы, произведениями искусства, техники, науки и узнает в них известное ему из усвоенных им знаний.

От неопределенного узнавания к узнаванию полному имеется ряд переходов, из которых некоторые представляют собой одновременно и более сложную форму припоминания.

Как показывает экспериментальное сравнение узнавания и воспроизведения, мы легче узнаем, нежели воспроизводим, что объясняется непосредственным сочетанием в узнавании памяти и восприятия. Это положение показывает, что в известных отношениях, благодаря восприятию, наша умственная работа облегчается, в ряде случаев работа памяти по восстановлению прошлых объектов избавлена от напряжения и усилия. Но вместе с тем, это положение может представлять собой и большую опасность для процесса заучивания.

При повторениях заучиваемого возникает чувство знакомости, которое при беглой, поверхностной проверке может создать у человека, заучивающего данный материал, ложную уверенность в том, что будто бы он уже знает материал и прочно его усвоил. Между тем, проверить заучивание ни в какой мере нельзя по узнаванию, его можно проверять лишь полным самостоятельным воспроизведением.

Таким образом, в ряде случаев необходимо отделять узнавание от воспроизведения и специально развивать способности к воспроизведению, необходимые для закрепления знаний.

Воспроизведением в полном смысле этого слова является намеренное воспроизведение представлений, закрепленных как

посредством запоминания, так и посредством запечатления. Намереваясь что-либо воспроизвести, — например усвоенную раньше теорему, формулы, исторические факты, стихотворение, событие нашей собственной жизни, — мы ставим перед собой соответствующую цель, организуем соответствующую деятельность (усилие, произвольное внимание, рабочую установку, позу и т. д.). Таким образом, намеренное воспроизведение не случайный акт, но сознательно организованная деятельность, направленная на восстановление нашего прошлого опыта и знаний.

Джемс остроумно характеризовал процесс воспроизведения, сравнивая этот процесс с тем, как мы ищем утерянную вещь. В процессе воспроизведения мы как бы перебираем все, что может быть связано с предметом нашего воспроизведения, пользуясь при этом всеми связями как формальными, так и смысловыми в этих поисках.

Этот характер поисков менее выражен в непосредственном воспроизведении, когда материал, прочно и хорошо организованный при заучивании, относительно легко воспроизводится.

Более острую картину «поисков» мы обнаруживаем при, так называемом, припоминании. Припоминание представляет собой наиболее сложное выражение намеренного воспроизведения, выражающееся в воспроизведении каких-либо образов не прямо, а опосредственно — через воспроизведение различных связей этого образа. Процесс припоминания является как бы активной формой борьбы с забыванием, формой активного преодоления забывания. В чеховской «Лошадиной фамилии» мастерски изображен анекдотический случай припоминания посредством «перебирания» в памяти всего сходного или связанного с фамилией, которую пытался вспомнить незадачливый герой рассказа.

Припоминание лишь тогда приводит к нужному результату, когда оно опирается на процессы мышления и длительное волевое усилие. В противном случае сохраняется лишь напряженная потребность вспомнить, от которой мы не можем отделаться иначе, как доведя припоминание до нужного результата.

Установлено, что чем больше связано воспроизводимое знание с другими фактами, знаниями, впечатлениями, тем легче протекает этот процесс припоминания, т. е. воспроизведения по посредствующим звеньям.

Припоминание, как волевой процесс, является сильнейшим

средством преодоления забывания и активизации всей памяти в целом. Припоминание, как процесс, складывается из целой системы приемов, планомерно развертывающихся соответственно поставленной задаче. Так, например, припоминая какой-либо термин, дату, биографический факт, мы последовательно «перебираем» все, отвечающее нашей задаче, сходное с искомым или связанное с ним ассоциативно и по смыслу, проверяем критически припоминаемое, — иначе говоря, активно мыслим в процессе припоминания.

Как показывают исследования, припоминание, как и намеренное воспроизведение вообще, в своем качестве зависит от того, каково качество запоминания, являющегося их психологической основой.

Психология устанавливает, что забывание всегда относительно: даже то, что казалось совершенно утерянным в нашей памяти, может восстановиться при изменившихся условиях (например воспоминания раннего детства, кадры фильмов, забытые иностранные слова и т. д.). Несмотря на эту относительность забывания, можно, однако, установить, что в одних случаях забывание выступает как полная невозможность в данных условиях припомнить или узнать, в других как частичное или ошибочное припоминание или узнавание (например замещение образов). Эта степень забывания зависит прежде всего от того, каково было последующее заучивание (вслед за первоначальным заучиванием), влияющее на сохранение объема и качества закрепленного материала.

Темп забывания меняется на протяжении известного периода после заучивания. Оказалось, что наибольший темп забывания характерен для фазы, непосредственно следующей за заучиванием, т. е., иначе говоря, в первое время после заучивания материал забывается намного скорее и больше, чем в последующие фазы. В последующем темп забывания замедляется, или даже вообще забывание как бы приостанавливается. Из этого факта нужно заключить, что особенно важно обращать внимание на процесс закрепления сразу же после заучивания, как можно шире и разнообразнее применяя с этой целью воспроизведение и самоконтроль.

Установлено также, что то, что кажется забытым непосредственно после заучивания, спустя некоторое время восстанавливается. Особенно часто встречается это явление у детей; нередко учителя отмечают такие факты, когда дети непосредственно после урока не могут ответить на вопрос

учителя по содержанию данного урока, а затем, на следующих уроках воспроизводят этот материал.

Этот факт воспоминания забытого, повидимому, свидетельствует о том, что пока мы не усвоим смысла, содержания знания или впечатления, мы не можем его достаточно свободно воспроизвести. Требуется время для того, чтобы усвоить мыслительно эти образы памяти, почему, лишь спустя известное время, эти образы воспроизводятся после кратковременного забывания.

Целый ряд явлений забывания относится к ошибкам памяти, т. е. к искажениям образов, к подстановке образов и фактов, к замещению, дроблению образов и т. д., что может сделать недостоверным воспроизведение. Нужно иметь в виду, что нередко, особенно у детей, недостатки запоминания замещаются избытком фантазии.

Чрезвычайно существенным поэтому, с целью сделать показания памяти достоверными, является воспитание у человека самоконтроля в отношении воспроизведения и воспитание навыков длительного сохранения знаний.

Важнейшее значение в этом отношении имеет целевая установка и намерение что-либо вспомнить или что-нибудь забыть (устаревшее, ненужное, неприятное и т. д.).

Большое значение для борьбы с непроизвольным забыванием имеет правильная логическая организация запоминаемого материала, особенно его систематизация, объединение известной общей идеей, воплощение его в соответствующую содержанию речевую форму, использование технических приемов (схематизация и фиксация материала).

Было бы неправильно, однако, думать, что всякое забывание имеет отрицательное значение, — наоборот, необходимо забывать то, что отжило, устарело, неправильно, тормозит настоящее знание; полезно «разгружать» память от мелочей, лишних незначительных фактов и т. д.; полезно, наконец, временно «забывать» и нужный материал, «перекладывая» его из головы в тетрадь или записную книжку, и запоминать новый материал. Практически такое забывание полезно и имеет большое значение для общего развития памяти.

Нужно иметь в виду, что память производительна (т. е. быстро закрепляет, долго и прочно сохраняет) постольку, поскольку в нее вкладывается труд самого человека, работающего над укреплением собственной памяти. Самая природа высших форм человеческой памяти — образной и словесно-

логической, требует специального культивирования, воспитания и самовоспитания. При систематической работе над развитием своей памяти человек достигает серьезных успехов. Однако нельзя эту работу сводить к техническим приемам, забывая о ведущей роли логического начала в человеческой памяти. Как ни важна техника запоминания, она имеет лишь вспомогательное значение. Что это действительно так, показывает бесславный конец искусственной техники развития памяти, так называемой мнемотехники. Основываясь лишь на механических сочетаниях образов и игнорируя смысл заучиваемого, мнемотехника оказалась нежизнеспособной и вредной формой воспитания памяти.

Производительны лишь такие технические приемы воспитания памяти, которые связаны с содержанием запоминаемого, мышлением и деятельностью человека. Важно не только обладать памятью, как она сложилась в жизни, но и овладеть ею посредством систематической работы, соответствующей научно-психологическим знаниям об особенностях ее развития.

Современная психология рассматривает память, как форму отражения в сознании прошлого опыта познания действительности личностью. Отсюда роль функции закрепления, сохранения и воспроизведения в общем строении памяти. Словесно-логическая форма памяти исторически возникла в общественном развитии людей из практики сохранения и передачи опыта. Эта ведущая форма памяти человека произвольна и связана с развитием логического мышления и речи. В свою очередь, словесно-логическая форма памяти преобразует и определяет собой как образную (слуховую, зрительную) и двигательную, так и эмоциональную память.

Словесно-логическая память и ее техника является уже не только наиболее сложной формой оперирования представлениями, но и моментом самого мышления, т. е. оперирования понятиями. Система закрепления знаний в процессе их усвоения включает развитие этой высшей формы памяти (и преобразованных ею остальных видов памяти) в умственную деятельность в целом. Развитие памяти совпадает, таким образом, с ее воспитанием в процессе обучения и техникой умственной работы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕЧЬ

Мышление и представление

Представление как переходное звено от ощущения к мысли является одновременно и наглядным процессом и вместе с тем содержит в себе элемент абстракции.

Ассоциации представлений — по смежности, в особенности по сходству — представляют собой тоже определенные связи между внутренними образами и имеют важное значение для мысли, помогают мыслительному процессу. Однако эти ассоциации, связи представлений, еще вовсе не означают мыслительного процесса. Сохраняемые в памяти знания об отдельных явлениях, предметах и вещах являются теми материалами, от которых отправляется мысль, которыми мысль оперирует, без которых мысль невозможна.

Мы всегда думаем о чем-то. Мысль всегда имеет определенный предмет. Этот предмет сложнее, нежели предмет представлений, но тем не менее мы можем мыслить о чем-либо, думать о чем-либо по какому-либо вопросу, только имея какой-то минимум знаний по этому вопросу, зная какие-то факты, относящиеся к этому вопросу. Без знания фактов, без конкретного знания невозможна самая абстрактная мысль, невозможно самое высшее отвлечение.

Поэтому развитая память, сохраняющая знания, сохраняющая факты, является огромной важности аппаратом для мыслительной работы.

Однако мыслить — все-таки не значит просто представлять; мысль значительно сложнее и представляет качественно своеобразное, новое явление по сравнению с внутренним образом, с представлением. Сами по себе знания, взятые в отдельности или только внешне сопложенные, не есть еще мысль, не есть еще размышление.

Далеко не всякая связь между представлениями перерастает в мысль. Для образования мысли недостаточно оперирования представлениями. Мыслить ни в коем случае не значит предаваться стихийному потоку представлений, напротив, мыслить, как учит психология и логика, значит сознательно оперировать понятиями, развивать суждения и умозаключения, что показывает, насколько весь процесс размышления подчиняется определенной задаче, определенной проблеме. Напротив, простое течение представлений не регулируется мыслительной задачей.

Для нормального течения мысли характерно ограничение и представлений и мыслительных процессов определенной задачей, подчинение их этой задаче.

Так возможно отделить мыслительный процесс от течения представлений. Течение представлений подчиняется законам ассоциации по смежности и по сходству. Эта связь между представлениями диктуется внешними и очень часто случайными обстоятельствами, которые сталкивают эти образы друг с другом. Что же касается связей отдельных элементов мысли, то эти связи всегда внутренне продиктованы, это — связи смысловые, отражающие общую природу связываемых фактов.

Формы мышления

Мышление, основываясь на чувственных образах и представлениях, отображает внутренние связи и отношения между предметами и явлениями. Мышление имеет своим объектом не отдельный предмет, не отдельное явление или вещь, а известное общее в целой категории, в целой группе, в целом ряде сходных вещей и явлений. Таким образом, для любой формы мышления характерна абстракция, отвлечение от единичного, от отдельного предмета. Всякая мысль, каким бы способом она ни развивалась — от частного к общему или от общего к частному, — абстрактна, отвлечена от отдельных предметов, отдельных явлений. Всякая мысль есть вместе с тем обобщение, т. е. выведение общего из большого количества фактов, сходных в каком-то существенном отношении.

Таким образом, мышление отображает связи и отношения материальной действительности. Мышление отображает те связи и отношения, которые являются существенными, т. е. причины и следствия происходящего в природе и обществе, их закономерности. Через связи и отношения мышление познает существенные свойства самих вещей и в этом смысле отражает единичное.

Поэтому мышление имеет такое генеральное, общее, решающее значение для всей умственной деятельности человека. Мышление — венец умственной деятельности человека, так как оно есть познание единства общего и единичного в природе и обществе, познание существенных причинно-следственных отношений материальной действительности.

Таким образом, мышление дает цельное знание в то время, как представления и ощущения и все другие элементы умственных процессов дают только отдельные элементы знания.

Мышление, развивающееся на основе восприятий и представлений, отображает всеобщие связи предметов и явлений, обусловленность предмета другими предметами, их причинно-следственные зависимости. Поэтому мыслить значит — стремиться к цельному познанию связей и самих вещей. Мышление в отличие от возможной механической связи представлений связывает явления в существенных чертах, отражающих действительные причинно-следственные отношения. В этом смысле и нужно понимать определение Ленина: понять — это значит взять предмет во всех его связях и опосредствованиях, подойти к нему со всех сторон, раскрыть во всех связях, во всей зависимости, а, следовательно, через этот предмет раскрыть все предметы, которые с ним связаны и которые его обусловливают, на которые он воздействует и от которых, в свою очередь, он зависит. Тем самым в каждой, правильно построенной (последовательной) мысли отражается как общая связь вещей, так и их особенное проявление.

Понятия есть основной элемент мысли. По определению Энгельса, мышление есть оперирование понятиями. Если представления отражают единичный предмет, то понятие есть всегда совокупность существенных признаков рода или категории предметов или явлений в их существенных связях.

Понятие носит общий характер. Отражая сущность, они относятся к каждому отдельному предмету, который входит в этот класс явлений. Поэтому понятия носят категориальный характер, отражают существенные черты известного класса явлений, известной категории явлений, а тем самым и единичного предмета.

Повторяемость определенных свойств, отражаемых в общем понятии, позволяет предвосхищать, предвидеть заранее связи, качества и действия вещей.

Лишь на этой основе возможно предвидение повторяемости явлений; оно образуется благодаря оперированию по-

нятиями, на основе всеобщего, которое имеется в понятиях. Предположим, имеется кусок металла, который является железом. Мы знаем, что железо подвергается действию сырости, воды, пара и т. д. Мы можем предсказать и для данного куска железа, что в этих условиях он будет подвергнут ржавчине, т. е. определенному химическому процессу, который создаст определенные дефекты в этом металле. Хотя мы с этим куском железа впервые столкнулись, мы можем перенести на этот кусок железа выводы, его родовые качества, отраженные в понятии.

Оперирование понятиями может осуществляться в нескольких формах, прежде всего, в форме суждений и умозаключений.

Учение о понятиях, суждениях и умозаключениях составляет предмет логики.

Понятия и логические операции формируются и развиваются исторически, на основе трудовой практики.

Суждения развиваются в истории человечества как переход от утверждения единичных связей к утверждению всеобщих связей.

Всякое суждение имеет как бы две стороны — одной стороной суждения является субъект, т. е. о чем говорят в этом суждении, а другой стороной является предикат, т. е. что говорится. Если у нас есть предложение: человек есть общественное существо, то в этом случае человек есть субъект, общественное существо — предикат. Когда мы говорим: мышление есть форма сознания, то мышление — субъект, форма сознания — предикат.

Таким образом, через соотношение субъекта и предиката в суждении мы раскрываем действительное содержание понятия, его предметы и связи, существующие в объективной действительности.

Аналогичное положение мы имеем с более сложным образованием мысли, каким является умозаключение.

Умозаключение является оперированием не отдельными понятиями, а цельными суждениями. Каждое умозаключение состоит из нескольких суждений, из которых выводится общее. Таким образом, в каждом суждении есть известные посылки и есть следствия из этих посылок. Возьмем два суждения из области психологии. Суждение первое: мышление есть психический процесс, и суждение второе: психический процесс есть отображение объективной действитель-

ности. Из этих суждений вытекает следствие, что мышление, являясь психическим процессом, который отображает действительность, само есть отображение действительности.

Оперирование понятиями возможно в различных формах: индукции (перехода от частного к общему), дедукции (перехода от общего к частному), анализа и синтеза и т. д. Эти логические формы мысли изучает логика.

Психология и логика — смежные науки. Если в логическом исследовании мышления предметом являются законы, формы мысли, то в психологическом исследовании мышления таким предметом является процесс рассуждения, мыслительный процесс личности с ее индивидуальными особенностями в решении определенной задачи.

Мыслительный процесс

Началом всякого мыслительного процесса является постановка вопроса, выделение проблемы. Выделение проблемы, постановка вопроса психологически и есть начало мысли. Совершенно ясно, что в зависимости от того, как с самого начала поставлен вопрос, определяется и качество течения мыслительного процесса. Проницательный ум находит проблемы там, где все кажется понятным, ясным, где у других не возникало никаких сомнений. Выделение проблемы в том, что кажется познанным, в том, что уже известно, является чрезвычайно важным проявлением остроты ума, мыслительных способностей. С этого и надо начинать развивать мысль—с умения ставить вопрос, с умения выделять проблемы, отделять знание от незнания. Мы знаем, что неправильная постановка вопроса неизбежно будет толкать на неправильные выводы, на неправильные методы и неправильные искания. Поэтому чрезвычайно важно с самого начала правильно увидеть проблему и правильно ее сформулировать.

Главным мотивом выдвижения вопроса является практическая потребность познания, практическая потребность что-то понять в действительности, бытии.

Еще в глубокой древности говорили о том, что постановка вопроса, выделение проблемы начинается, по существу говоря, с недоумения, с удивления, с известных интеллектуальных эмоций, побуждаемых потребностями, возникшими в практической жизни.

Выделение проблемы никогда психологически не может протекать в условиях какого-то эмоционального равнодушия

человека, так как возникшая проблема продиктована всеми потребностями человека и будет сопровождаться определенным эмоциональным возбуждением, интересом и сосредоточением внимания к этому вопросу.

Мы начинаем думать не тогда, когда все понятно и все известно, а начинаем думать, мыслить, размышлять тогда, когда что-то еще остается непонятным, что-то неизвестно, когда мы должны отделить незнание от знания. Только невежда думает, что ему все известно, все понятно, что его знаний достаточно для объяснения всего того, что есть в мире. Великолепные образы таких невежд приводятся в художественной литературе. Есть невежды, которые многому научились, очень многим увлекаются, но логически вместе с тем не рассуждают, потому что не умеют отделять знание от незнания, не выделяют в знаниях проблемы.

Начиная познавать, мы тем самым раскрываем новые связи явлений и тем глубже входим в это знание. Поэтому познание открывает все новые и новые перспективы для дальнейшего познания; исчерпать мысль практически невозможно. Наоборот, удовлетворение мысли рождает новую мысль. Разрешение одной проблемы открывает путь новым проблемам. В этом смысле умственный рост человека практически не имеет предела. Только такая постановка вопроса является выражением мысли, которая определяется существенным пониманием явлений и связей. Именно поэтому уже при постановке проблемы чрезвычайно важно критически оценить важность этой проблемы, критически отнестись к выдвинутому вопросу, быть убежденным, что это действительно вопрос, что на него еще нет ответа.

С самого начала мыслительной работы человек должен осознать теоретическое и практическое значение изучаемой проблемы. Раскрытие смысла проблемы и ее значения достигается определенным обсуждением этой проблемы, определенным доказательством ее правомерности, прежде всего, сопоставлением этой проблемы с тем, что добыто в этой области.

Всякая проблема имеет свою историю, как бы нова она ни была. Предварительное ознакомление с историей проблемы необходимо для дальнейшей разработки ее теории.

Следующим элементом мыслительного процесса является переход от формулировки проблемы к построению гипотезы.

Построение гипотезы является чрезвычайно сложным логическим процессом, оперированием умозаключениями и суждениями.

Очень важно иметь в виду, что всякое применение гипотезы на практике сталкивается с определенным сопротивлением материалов, с определенным сопротивлением вещей, на которых мы практически проверяем эту гипотезу.

Нередко действительные явления, посредством которых мы будем вскрывать эту гипотезу, требуют в ходе деятельности, в ходе познания изменения этой гипотезы. Преодоление мыслительных трудностей, усилие в мыслительной работе не менее важно, чем при физическом труде. Затрата энергии при умственной работе подчас бывает большей, чем при физической работе.

Трудности, возникающие при устранении противоречий и раскрытии сущности изучаемого явления, требуют большого усилия воли и большого, пластического, гибкого аппарата деятельности. Иногда возникает критический момент для размышляющего, ему кажется, что проблема не поддается решению, но, применив другой прием, обойдя с фланга проблему, настойчивый ученый, изобретатель или рационализатор неизбежно разрешит этот вопрос продуктивно.

В формировании гипотезы и применении ее на практике большую роль играет отношение к возможной ошибке. И. П. Павлов предупреждал молодых исследователей, что правильно понятая ошибка это путь к открытию. Ошибка имеет отрицательные следствия, когда на этой ошибке строится дальше целая концепция и теория, не проверенная практикой, возводится в какое-то универсальное объяснение того или иного явления. Но если правильно понять ошибку, понять в этой ошибке определенное явление, которое может быть отведено в сторону, то это обогатит исследователя.

Окончательным звеном мыслительного процесса являются суждение и вывод, обобщение всех этих данных посредством сравнения всех материалов, обработки всех фактов, установления сходства, различия, выведения общих законов из всех этих фактов и явлений — проверка их на практике, в реальной деятельности. Эти типичные черты мыслительной деятельности находят свое ясное, прозрачное выражение в истории науки, в технике и в любой трудовой деятельности в обыденной жизни, в любой самостоятельной умственной работе.

Производственный труд на современном высоком уровне стахановского движения и рационализаторской техники является в такой же мере физическим, как и умственным трудом. Сталин гениально раскрыл природу стахановского движения, указав, что оно есть преодоление противоположности между физическим и умственным трудом, которое возможно только при социалистическом строе. Не только научная работа, но и производственная рационализация, по существу говоря, тоже есть исследование, которое содержит в себе гипотезу, проверяемую на практике. Логические операции осуществляются не только в большой науке, они имеют место и в технической деятельности и в рядовой повседневной жизни.

Мышление и речь

Общность языка и мышления, как это показывает наука, прежде всего историческая. В процессе возникновения и развития трудовой деятельности, общественно-трудовой практики, возникают мышление и язык — ведущие формы сознания человека.

Язык есть средство общения, которое возможно лишь в системе общественных отношений, изменяющихся в связи с изменением способа материального производства жизни. Поскольку язык есть средство общения, постольку язык и есть средство выражения мысли, средство передачи мысли от одного человека к другому человеку, от одного поколения людей к другим поколениям, следовательно,—форма обобщения их мыслей и знаний.

Язык как средство общения и мышление, как обобщение знания исторически взаимосвязаны, взаимопорождают друг друга. Язык как средство общения и мышление как средство обобщения едины.

Так же, как исторически развиваются понятия и суждения, развиваются и грамматические категории языка, части речи и предложения в их логическом содержании.

Грамматические формы вместе с тем являются логическими. Поэтому невозможно пользоваться грамматическими формами без некоторого логического оперирования.

Язык есть как бы материальная оболочка мысли или же материальное бытие мышления. Благодаря языку мое сознание, моя мысль становятся доступными другому, человеку, объективируются, раскрываются для людей, для человечества.

Вот в этом уже мы видим определенное единство, взаимопроникновение и в известном моменте полное совпадение

языка и мышления, совпадение логического и грамматического, совпадение значения слова с понятием, которое это слово обозначает.

В языке очень важной стороной является так называемая семантическая, смысловая сторона языка.

Смысловая сторона языка есть обозначение понятий, которые исторически формируются в развитии общественного сознания. Следовательно, в семантической стороне язык и мысль совпадают друг с другом. Благодаря этому, семантическая сторона языка становится содержательной. Она обозначает то, что познало мышление, то, что отобразило мышление, те связи — единичные и общие, которые мышление отразило, вскрыло в объективной действительности. И вместе с тем, благодаря языку, мышление получает возможность развития суждений, умозаключений, логических операций.

Самой существенной функцией языка является так называемая сигнификация (обозначение) в отличие от сигнальных звуков, которые производит животное (лай, мяукание, «пение» птиц). Звуки животных выполняют сигнальную функцию, потому что пение, лай, мяуканье сигнализируют другим животным. Однако, все эти звуки представляют собой выражение внутренней потребности, внутреннего временного состояния организма. Между тем, всякий язык обозначает предметы, связи между предметами.

В отличие от звуковой сигнализации животных, содержанием языка является не выражение внутреннего состояния, а обозначение, сигнификация объективных вещей, предметов, внешне данных в определенных звукосочетаниях.

Слово обозначает не столько единичный предмет, сколько категорию, общие связи предметов. Вот почему мы говорим «стол» и об этом столе и о любом другом, и «стул» мы относим ко всем различного рода стульям без отношения к единичным особенностям того или другого предмета.

Возможно ли, однако, основываясь на том, что в наиболее существенном имеется совпадение мышления и слова, сделать вывод, что они тождественны? Психологические исследования, начиная с конца 19-го века показали, что словесное выражение мысли является не единственным, хотя и главным. Мысль может быть выражена и в практическом действии и в какой-то другой форме — схематизированном действии, в математической или шахматной операции.

Следовательно, существует форма мысли наглядно-практическая, наглядно-действенная. Нельзя мыслительный процесс полностью растворить в языке.

Когда мысль только зарождается («первый проблеск мысли») она может еще и не обладать словесной формой. Поэтому человек нередко переживает мучительное состояние, когда ему кажется, что он понимает, но не может высказать свое понимание. Это состояние является естественным началом словесного оформления мысли. Но это только начало понимания. Состояние, о котором человек говорит: «Я понимаю, но не могу выразить», обозначает, что это — начало понимания, начало мыслительного процесса, когда мысль только начинает вырастать, оформляться, втекать в речевые формы. Чрезвычайно трудно подобрать речевую форму для данной мысли. Этот процесс отбора, процесс критического отношения к слову, которым мы должны выразить содержание мысли, является чрезвычайно сложным. Неслучайно писатели говорят о муках слова, и каждому из нас известно, что даже при готовности мысли не так легко сразу полностью отлить эту мысль в слова, потому что мысль содержит ряд своеобразных элементов, которые не могут быть целиком сведены к словесным операциям. И в самом языке тоже есть стороны, которые не могут быть сведены к мышлению. Это — фонетическая, звуковая сторона, она связана с определенным выделением комплексов звуков, с особенностями речевого аппарата и корковых центров мозга и никак не может быть объяснена законами семантики и логического мышления.

Различие языка и мышления непосредственно сказывается в своеобразии эмоционального, выразительного языка, поскольку язык выражает не только мысль, но и чувства, эмоции и окрашенные этими эмоциями представления (посредством интонаций, мелодических и ритмических изменений речи).

Речь связана с деятельностью человеческой личности в целом, с волей человека, с установками личности, с процессами волевых усилий, с овладением человеком собственным поведением. Вот почему одно и то же содержание языка, один и тот же текст будет по-разному изменяться в зависимости от того, в какой обстановке выступает человек, в обстановке ли, скажем, обычного общения или перед массовой аудиторией, рассказывает ли он своему товарищу или говорит об этом экзаминатору. Функции речи меняются, потому что меняется положение личности в данной ситуации, в данных

обстоятельствах, меняется напряжение, меняются потребности, волевые усилия.

Следовательно, язык, речь, совпадая в основном смысловом содержании с мыслью, в других своих сторонах — фонетической, эмоционально-выразительных—не сводимы к мыслительным операциям.

Работа над мыслью предполагает работу над речью, но этим не исчерпывается. Точно так же обратно — воспитание речи не может быть сведено к воспитанию, работе над мыслью, а предполагает специальную работу над культурой речи.

Язык является определенным выражением истории народа, и мы по-настоящему не можем овладеть историей народа без знания его языка и, наоборот, не можем овладеть содержанием языка, не зная истории народа. Вот почему нам так трудно овладеть иностранным языком и даже, строя правильно грамматически речь, мы часто ошибаемся в истинном применении, потому что ограничиваемся только канонами языка, не зная истории народа, который создал этот язык.

Язык есть форма национального сознания. Овладевая языком, мы овладеваем формой национального сознания, поскольку язык исторически формируется, развивается в жизни народа. Отдельный человек, появляющийся на свет, новое поколение получает готовый язык, созданный предшествующим развитием культуры. Мы получаем готовые слова, готовые грамматические формы, готовый синтаксис, получаем готовую жизнь языка, которым овладеваем в процессе нашей деятельности.

Процесс овладения языком активен, это показывают самые первые годы развития речи ребенка. Ребенок получает готовый язык, учится языку у взрослого, под руководством взрослого совершает первые шаги в овладении языком.

Но одновременно с формированием индивидуального сознания у ребенка формируется активное отношение к языку, стремление понять значение, активно применить это значение в собственной практике. Вот почему ребенок, узнав, что эта вещь — молоток, говорит, что это не молоток, а «колоток», потому что им вколачивают гвозди. Естественно, что ребенок, который не знает истории языка, не понимает переноса на этот предмет функции молота. Но это — активное, творческое отношение к словарю, активное отражение в сознании ребенка смысла и значения готового слова. Приведу интересный слу-

чай. Переезжая в трамвае через Кировский мост, я наблюдал за трехлетним ребенком. Мать показывает ему Неву и говорит: «Вот это — Нева»! Был замечательный солнечный день, и Нева сияла. Набережная, поразительное зрелище нашей ленинградской красоты, очень сильно подействовало на ребенка. Что же сказал ребенок? Мальчуган шлепнул мать по руке и сказал: «Нет, это ва!» Логика ребенка понятна. Он наблюдал, что, когда говорят «не», то это означает отрицание чего-то. Как же отнести к такой хорошей реке это отрицание? Поэтому он сказал: «нет, ва».

Такое же положение мы наблюдаем в клиническом случае, когда к человеку возвращается способность речи после тяжелого органического заболевания мозга, но он вновь начинает учиться речи. Мы видим и здесь активное отношение к языку, внесение собственных толкований. Так, например, больной хочет сказать, что у него с головой что-то творится, и он говорит, что «у меня что-то головится». Это новое изображение действительного смысла. Когда больной, кутаясь в халат, говорит: «Что-то халатно» (вместо «холодно»), то он обобщает халат, который его спасает от холода и самый холод и т. д.

Можно привести множество примеров, которые показывают, что даже тогда, когда мы не овладели богатствами языка, то этот период становления, овладения носит активный характер. Овладение речью не есть простое подражание готовым формам языка, которые исторически создались, а переживание этих форм, усвоение их. В отличие от языка, который есть форма общественного сознания, общественной идеологии, речь есть индивидуальная деятельность личности посредством языка. Но, поскольку речь есть индивидуальная деятельность посредством языка, постольку эта форма индивидуальной деятельности связана с личностью в целом и с другими формами ее деятельности. Речь редко выступает самостоятельно. Она вплетена в трудовую деятельность, составляет элемент планирования этой деятельности, подытоживания результатов этой деятельности. Возникает профессиональная речь, приспособленная к специальным особенностям данной трудовой деятельности.

Вот почему, несмотря на единый национальный язык, в действительности речевых особенностей столько же, сколько личностей, и речь каждого человека является неповторимой, несмотря на общность, единство национального языка.

Эти индивидуальные различия речи сказываются в том, что в одном случае мы встречаемся с переносом одной формы на другую, например человек говорит так, как пишет, или пишет так, как говорит. Известно, что такой перенос одной формы речи в другую значительно затрудняет понимание, потому что каждая функция речи требует своих собственных механизмов, требует своих собственных приемов, требует особенных обстоятельств действия. Поэтому стенограмму, которая не правлена под письменное сочинение, очень трудно читать, так как это — письменная запись устной речи. По этой же причине не менее трудно иметь дело с такого рода устной речью, которая не содержит в себе живых, выразительных элементов устной речи, а является обычным простым повторением записанного.

Мы встречаемся в индивидуальном развитии речи с достаточно резким обособлением устной и письменной речи. У некоторых людей может получать перевес та или другая форма речи, как основная форма общения.

В речи вырабатывается тип «писателя», тип «оратора», тип с преобладанием устной или письменной речи. Индивидуализация речевой деятельности имеет место, потому что речь — индивидуальная деятельность.

Идеальным положением является гармоническое сочетание всех форм. Это сочетание мы видим у Ленина, который был величайшим мастером и устной и письменной речи.

Устная речь

Устная речь является главной формой, поскольку она выражает звуковой характер современного языка. Вот почему устная речь по своему психологическому составу является слухо-двигательной. Мы воспринимаем речь посредством слухового общения, речевого слуха, а воспроизводим звуки речи двигательным способом, используем голосовые связки, речедвигательный аппарат.

Отсюда вытекает единство слуха и речи, зависимость слуха от развития речи и, в свою очередь, — развития речи от развития слуха.

Большое значение для тренировки слушания на первоначальном этапе развития языка у ребенка или у взрослых при изучении чужого языка имеет развитие фонематического или речевого слуха. Этот слух играет решающую роль в отношении восприятия малых фонематических или звуко-речевых разностей в звуках речи (например, гласных в русском языке).

В русском языке сходными парами с незначительной разницей, к которой наше ухо уже привыкло, являются гласные — я-а, о-ё, ы-и, согласные б-п, д-т, к-г, з-с, л-р. Отсюда трудность восприятия этих сходных звуков. Поэтому нерусский человек многие из этих пар звуков воспринимает как одинаковые или некоторые звуки — сложные гласные, иотированные гласные — воспринимает так: «ю» как «иу», «я» — «иа»; повторяя русское слово «Маня», он говорит: «Мания» и т. д.

Больной, говорящий на русском языке, но у которого есть мозговое нарушение слуха, становится нечувствительным к разнице между звучанием отдельных букв, например «б» и «п», «с» и «ц».

Слухо-речевая дифференцировка нарушена. В результате больной искаженно слышит отдельные буквы. Дело начинается с нарушения самых простых элементов. Однако, из-за этого слух неправильно воспринимает не только отдельные буквы и слова, но и целые фразы.

Это — элемент, который на первый взгляд не имеет значения для нас в нормальном состоянии, потому что он автоматизирован. Но стоит нарушиться различительной деятельности мозга, как нарушение этого элемента оказывает влияние на расстройство понимания устной речи других людей. Из этого примера видна исключительная важность развитого речевого слуха для нормального понимания (слушания) речи других.

Наиболее общей характеристикой устной речи является то, что можно обозначить ситуационностью устной речи. В этом определении подчеркивается зависимость устной речи от конкретных обстоятельств общения, условий разговора, в котором происходит общение. Устная речь есть средство прямого непосредственного общения, такого общения, где имеется объект — собеседник и субъект — говорящий.

Из ситуационности устной речи возникает важнейшая ее особенность — обращенность. Устная речь в условиях диалога является всегда речью, обращенной, направленной к определенному лицу, к собеседнику, и поэтому чаще всего устная речь является диалогической речью, собеседованием, разговором, который предполагает несколько лиц.

Из обращенности вытекает еще одно важное качество устной речи — ее поддерживаемость. Когда мы в разговоре

ведем беседу на какую-нибудь тему, то эта тема, выдвигаемая одним, поддерживается вторым и третьим собеседником. Таким образом, мысль, которая выдвигается одним, развивается другими. Это бытие одной и той же мысли в разных сознаниях, передача опыта, мнений относительно одной и той же мысли, одного и того же факта является также одной из характерных черт устной речи.

Вот почему для развития мысли является чрезвычайно важным обсуждение мысли, спор, умение доказать свою мысль, вместе с тем воспользоваться теми замечаниями, которые делают с точки зрения своих знаний, своего опыта, другие люди.

Ситуационность устной речи, ее обращенность, ее поддерживаемость показывают, что в действительности мы имеем в диалоге, в устной речи изменение отношений между собеседниками. Один и тот же человек выступает то в роли говорящего, то в роли слушателя.

Этот момент является чрезвычайно существенным. Трудно говорить с человеком, который не умеет вас слушать, который не умеет поддерживать вашу тему. Вы только ставите вопрос, как у него возникает по этому поводу ассоциация, он уходит в сторону, и таким образом, тема, которую вы ставите, не поддерживается. Ситуация настоящего диалога возможна, если человек умеет быть субъектом и в такой же мере быть объектом, т. е. умеет слушать, переживать мысль собеседника, вступать в контакт или противоречие с этим собеседником, во всяком случае, развивать его мысль.

Речь в обстановке, когда имеется конкретное обстоятельство общения, является чрезвычайно важным средством воздействия, ибо, выдвигая тему, высказывая свою оценку по поводу материала, высказываясь по поводу чужой мысли в виде согласия, утверждения или отрицания, мы превращаем нашу речь в форму воздействия, в так называемую оценочную форму. Поэтому замечания, которые делает другой человек по поводу того, что мы говорим, нами серьезно переживаются в зависимости от авторитета, которым пользуется этот человек. Если человек достаточно авторитетен, эти оценочные замечания превращаются в очень серьезное средство воздействия.

С другой стороны, слово, которое мы произносим в этой обстановке, является действием, а не только словом, оно изменяет эти отношения, перестраивает отношения между

людьми, и неслучайно старинная поговорка говорит: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь».

В обстановке общения колоссальную роль играет ответственность речи. Безответственная речь, иначе говоря болтовня, которая не является действием, не включена в какую-то систему человеческих поступков, может иметь только отрицательное значение для развития личности. Так как устная речь находится в связи с реальными отношениями между людьми, которые общаются в данной обстановке, она может быть и не развернутой. Мы часто в определенных условиях говорим намеками. Более того, многое из того, что мы не досказали, понятно из мимики, из наших жестов, из нашей позиции, из всех отношений, которые проявляются в действии по отношению к человеку и высказываемой мысли.

Поэтому устная речь понимается другим человеком в ходе диалога, не только исходя из слов, которые говорятся, но и исходя из всего комплекса, который возникает в этом общении, и при помощи мимики, жестов, взглядов, измененной обстановки общения в целом.

Особенность диалога, который разворачивается в условиях живого общения, зависит от того, каковы отношения между людьми, в частности каковы отношения зависимости. Диалог между товарищами, между руководителем и подчиненным — различные диалоги, потому что различны отношения между этими людьми. Вот почему ответы ученика на вопрос ученика и экзаминатору — разные ответы. Ответ у доски и ответ с места на том же уроке порождают различную психологическую ситуацию, мобилизуют различно волевые усилия.

В монологической речи сохраняется обращенность устной речи, но она труднее, так как в докладе или лекции уже отсутствует элемент «поддерживаемости», как это имеет место при диалоге. Поскольку здесь нет этой поддерживаемости другим, приходится опираться на собственно изложение Здесь не может быть намека, неполного развертывания, напротив, устная монологическая речь в ответственной обстановке всегда связная, законченная речь, в которой выделяются определенные вехи, облегчающие внимание и понимание. Монологическая речь вырастает из речи диалогической и является более сложной формой речи.

Работа над монологической речью требует специальной подготовки (собирание материала для выступления, система-

тизация этого материала в уме и затем систематизация его в письменной речи).

В монологической речи характерно сказывается зависимость устной речи от письменной. Нам очень трудно выступить, если не без конспекта, то, во всяком случае, без плана, без тезисов, которые являются основными вехами для развертывания монологической речи. Работа над составлением конспекта, который является логикой доклада, над составлением заметок к докладу, является необходимой. Однако действенность монологической речи определяется учетом особенностей аудитории, т. е. обращенностью речи и ее выразительными средствами.

Чтение

Чтение является определенной деятельностью, в которой формируется мысль. Без специального сознательного чтения мысль, заложенная, скрытая в определенной книге, в том или ином труде, трактате, не может быть понята.

Поэтому первым условием работы над книгой является повторяемость чтения. Если мы вначале проглядываем какую-нибудь учебную или научную книгу для того, чтобы получить общее представление, то затем мы приступаем к ее изучению на основе этого представления. Читать книгу значит — производить выделение того нового и существенного, что имеется в этой книге, выделение аргументации, доказательств, которыми обосновывается гипотеза, и на основе всего этого делать собственные выводы.

Предметом чтения научной или учебной книги является логическое содержание книги, проблема, гипотеза, факты, обобщение, систематизация прочитанного.

И здесь точно так же, как и в слушании, огромную роль играет письменная обработка, переделка, перевод в свое собственное выражение, превращение чтения во внутреннюю речь.

Превращение чтения во внутреннюю самостоятельную речь возможно только путем использования письменной речи, которая является сильнейшим орудием мысли в целом.

Самостоятельное чтение книги предполагает переработку, перевод ее на свой самостоятельный язык, систематизацию, обобщение, отвлечение.

Такого рода обработкой является конспект. Конспект является логическим остовом книги и к нему можно подойти путем большой работы над книгой. Самое чтение книги пре-

вращается таким образом в своеобразное логическое исследование.

Вся дальнейшая перерабатывающая деятельность может проводиться не по книге, а по конспекту, по собственному труду на основе этой работы.

Все мы должны учиться тому, как читал книги, как работал над книгой Ленин. «Философские тетради», изданные после смерти Ленина, показывают, что и как он читал. Владимир Ильич Ленин дает не только краткое изложение основных идей, гипотез, аргументаций, например Лассаля в его книге «О Гераклите темном», но и комментарии, бросает свои мысли по поводу изложения. Таким образом, вместе с изложением мыслей автора возникают и собственные мысли, которые определенным образом фиксируются. Замечания на полях, сделанные Лениным, и различные схематические изображения, к которым он прибегает, показывают, насколько для Ленина работа над книгой была важной исследовательской работой.

При самостоятельной обработке материала самым существенным, когда собирается этот материал в итоге слушания, в итоге работы над книгой, является систематизация знаний. Человек, который многое знает кое-как, знает что-нибудь обо всем, такой человек неизбежно будет оказываться слабым во всех жизненных ситуациях и во всех областях труда. Человек должен знать основное обо всем и все о том, над чем он работает. Это сочетание общего знания со специальным знанием является необходимым, но оно может быть выработано только на основе систематизации знаний, относящихся и к общим знаниям и к тем специальным знаниям, над которыми он работает. Чтение является в этом отношении важнейшей формой учения и умственной работы в целом.

Письменная речь

Письменная речь — не обращенная речь. За исключением житейской речи — письма, которое имеет адресат, во всех остальных случаях письменная речь не имеет индивидуальной обращенности, но ориентирована на известный круг или род читателей.

Никаких внеречевых средств воздействия, которые есть в устной речи, являющейся как бы действиями, которые произносит человек, в письменной речи нет. Это требует от нее развернутости, связности, логической стройности, так как она может быть понята лишь из ее собственного строения и содер-

жания. Письменная речь является и более ответственным материалом. Она сохраняется в роли документа и переживает человека, который создает эту речь. Народная мудрость говорит: «Написанное пером, не вырубишь и топором», подчеркивая бо́льшую ответственность письменной речи по сравнению с устной.

Письменная речь представляет собой как бы надстройку над устной речью. В отличие от устной речи, являющейся слухо-двигательной (воспринимается слухом, воспроизводится языком), письменная речь по своим механизмам — зрительно-слухомоторная (воспринимается зрением, воспроизводится движениями руки). Слухо-речедвигательный элемент включен как в процесс восприятия (чтение), так и производства (письмо) письменной речи. Буква, т. е. элемент письма представляет собой обозначение звука речи (фонемы), таким образом она всегда соотнесена к звуку речи и его восприятию. Различение букв есть, следовательно, как собственно-зрительный акт, так и установление отнесенности зрительного знака к звуку речи, т. е. зрительно-слуховая ассоциация. Именно поэтому обучение начальной грамоте (чтению и письму) идет от слухового расчленения речи к ее зрительному обозначению. Однако, если зрительный образ буквы определяется осознанием звука речи, то в свою очередь, осознание самого звука речи, выделение его невозможно без письменной речи. История языка и развитие речи ребенка показывают, как с помощью букв, алфавита выделяются и закрепляются основные звуки речи, сочетания которых образуют слова и предложения. Фонематический (звуковой) строй речи осознается полностью посредством зрительного обозначения.

Так, даже в своих элементах, письменная речь развивает речь устную, делает ее предметом умственного анализа и активного осознания.

Тем более это положение относится к синтаксическому строению языка, который осознается, расчленяется и усваивается посредством письменной речи. Выделение частей речи и предложения, особенно осознание функций союзов и предлогов связано с историей письменной речи. Работы акад. И. И. Мещанинова свидетельствуют о том, что в бесписьменных языках строй предложения инкорпорированный, т. е. в нем слиты воедино различные части речи и предложения. Исследования в нашей лаборатории В. В. Оппель показывают, что до начала обучения у ребенка наблюдается подобная нерас-

члененность предложения. Лишь в процессе овладения письменной речью ребенок осознает действительное строение языка и по иному начинает его воспринимать.

С письменной речью связано преодоление ограниченно-образного характера устной речи и превращения речи в действительный аппарат мышления. Свойственная письменной речи связность выражает характерную особенность мысли — последовательность.

Как видим, во всех отношениях письменная речь развивает речь в целом как форму сознания. С овладением письменной речью связано активное развитие связности устной речи и преобразование на новых основах речи внутренней.

Внутренняя речь

Речь выступает не только в форме устного выражения, письма и чтения, но в своеобразной форме внутренней речи. Многое из того, что мы хотим сказать, но еще не высказали в разговоре или письме, сохраняется в нашем внутреннем аппарате сознания. Тем более это относится к невысказанным или несозревшим еще полностью мыслям и желаниям. Часто мы говорим сами с собой «про себя» и «для себя», беззвучно обсуждая сложившееся положение, намерение или мысль. Этот «внутренний голос» становится особенно заметным для самонаблюдения, когда мы находимся перед каким-либо логическим затруднением или нравственным противоречием. Этот важный психологический факт показывает, что внутренняя речь прямым образом связана, во-первых, с начальными моментами мысли, с ее формированием и, во-вторых, — с нравственным самосознанием личности, ее совестью, установками и потребностями.

Факт внутреннего протекания речи (до и независимо от внешнего ее выражения в письме или устном высказывании) не может быть сведен лишь к беззвучному существованию речи в сознании. Определение внутренней речи лишь как «беззвучной» правильно, но поверхностно и ничего не добавляет к самому факту. Более важен вопрос: тождественна ли внутренняя речь с внешней по своему строению, по своим психологическим механизмам. На этот вопрос еще нет полного ответа, но уже в настоящее время очевидно, что внутренняя речь своеобразна по своей психологии. Внутренняя речь беззвучна в силу того, что она оперирует не словами, а словесными образами. Эти образы выступают у разных людей в форме слуховой (образ звукосочетания слова), двигатель-

ной (рече-двигательный образ), зрительной (образ написанного или напечатанного слова) и в их сочетаниях. Первоначально у ребенка, до начала обучения, внутренняя речь носит образно-слуховой характер, возникая из слушания. Психологические исследования дают основание предполагать, что первоначально внутренняя речь является как бы внутренним повторением воспринимаемой речи. Эта вторичность внутренней речи показывает ее постоянную зависимость от речи внешней. Однако, уже в исследовании детской внутренней речи выявилось, что повторяется далеко не все воспринимаемое и в такой своеобразной форме, которая изменяет содержание устной речи. В процессе игровой деятельности ребенка внутренняя речь может выражаться и внешне, в виде обращений ребенка к самому себе или к игрушке, вплетенных в общий ход его игровой деятельности.

С обучением и овладением началами грамматики и синтаксиса развивается письменная речь, с помощью которой выделяются части речи и предложения. На этой основе чтения и письма у грамотного человека внутренняя речь преобразуется, становится уже не только образно-слуховой, но вместе с тем и образно-зрительной. Образный характер и возрастающая зависимость от письменной речи — имеют решающее значение для внутренней речи. Следствием этого является так называемая инициальность образов внутренней речи, т. е. оперирование не с полным словом, а с образом начальной буквы слова или начального слова предложения. Свертывание предложения, его условное сокращение является широко распространенным явлением во внутренней речи. Подобное свертывание опирается на механизмы письменной речи (особенно зрительный образ букв) и возможности выделения частей речи и предложения из общей совокупности речи. Характерно, что свертывание слова производится не только в виде сохранения инициала, но и вообще преимущественно согласного состава слова. Этот момент, а именно выпадение гласных при переходе от слова к его внутреннему образу, может иметь значение и для понимания того, почему обеззвучивается внутренняя речь, а также для понимания того, почему внутренний образ слова свернут сравнительно с самим словом. Сохранение в словесном образе преимущественно согласного «каркаса» слова, с выпадением гласных приводит одновременно к тому, что слово теряет слоговое строение и максимально сжимается

(«д-р» вместо «доктор», «Лнгд» вместо «Ленинград»), а вместе с тем так или иначе обеззвучивается.

У взрослого нормального человека эти явления подметить трудно. Однако, наблюдая за ребенком, который впервые начинает читать и писать, можно обнаружить начинающийся процесс изменения соотношения между гласными и согласными в слове. Так, ребенок под диктовку пишет слово «часы» как «чс», затем свободно читает написанное развертывая это внутренне сокращенное слово в полное: «часы». Когда этому ребенку была предложена целая фраза из слов, лишенных гласных, — он прочитал ее так, как будто бы он ее читал вместе с отсутствующими гласными. При переходе от внешней речи к внутренней гласные как бы превращаются в составную часть согласных звуков, создающих образ слова. При обратном переходе от внутренней речи к внешней, напротив, — гласные выделяются вновь, способствуя развертыванию слогов, а вместе с ними и целого слова.

Особенно непосредственно можно видеть это явление в некоторых случаях органических расстройств речи. Такой больной на просьбу назвать показанный ему предмет (линейку) произносит какой-то непонятный набор звуков, вместо необходимого слова. Однако, вслушавшись в этот «набор», можно было вычленить звуки «лнк», т. е. согласный «остов» словесного образа. Восстановление нарушенных образов гласного состава слова способствовало общему восстановлению устной речи в этом случае.

Уже эти факты, из которых следует вывод о возможном бесслоговом строении внутренней речи, позволяют понять условный характер внутренней речи, ее крайний лаконизм. Суждение во внутренней речи, будучи свернутым, строится своеобразно, подчас сводится лишь к обозначаемому предмету или к свойствам и действиям, относимым к этому предмету. Сравнительно с устной внутренняя речь изменяется по своему логическому составу. В силу ее свернутости, сжатости, в ней сохраняются главные члены (особенно существительные и глаголы) и выпадают наречия, союзы, предлоги и т. д. В силу особенностей этого строения, во внутренней речи отмечается преобладание смысла (общего в обозначении) над значениями отдельных слов. Внутренняя речь полна индивидуального смысла и выражает индивидуальную установку человека на обозначение тех или иных действий и предметов. Именно во внутренней речи протекают сложные чув-

ствования. «Внутренний монолог» разговор с самим собой является одним из важнейших действий самосознания и совести. В этом «внутреннем монологе» раскрывается для самого человека его собственная общественно-нравственная сущность и великая сила языка, через внутреннюю речь формирующая самые глубины человеческого сознания.

Как указано, внутренняя речь вторична, она определяется первоначально устной, затем, и особенно, письменной речью. Обучение чтению и письму ускоряет процесс развития внутренней речи, а следовательно — аппарат словесного мышления. Начало обучения с 7-летнего возраста значительно ускоряет процесс умственного формирования человека, а тем самым и такой сложный аппарат речи-мышления, каким является внутренняя речь.

Будучи вторичной по своему происхождению, внутренняя речь, однако, приобретает важное значение для дальнейшего развития самой внешней речи. Лишь тогда книга или лекция понятны, когда они могут быть переведены на свой язык посредством внутренней речи. Только такая устная и письменная речь оригинальна, не страдает штампом, которая внутренне выношена.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СПОСОБНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Задатки и способности

Чем объяснить, что в одинаковой деятельности люди проявляют себя с разными творческими результатами? Чем объясняется, что в одинаковых условиях обучения успешность различных учащихся весьма разнообразна?

Сложность этого вопроса и вместе с тем необычайная его жизненная острота породили множество теорий, в первую очередь — «наследственности таланта» (так и была названа известная книга Гальтона). С этой точки зрения талант и способности существуют изначально, являются природными и неизменными предрасположениями, переходящими от предков к потомкам. Каждый талант или способность, по Гальтону и его последователям, имеет свою родословную. Так, талант был превращен в одну из сословно-классовых привилегий, поскольку лишь «высшие классы господ» наделялись этими предрасположениями. Напротив, отсутствие таланта и способностей у людей объяснялось с этой точки зрения «органической неполноценностью» эксплоатируемых трудящихся классов. Так «изучение» таланта превратилось в оправдание капиталистического строя, в утверждение «талантливости» всего класса буржуазии и аристократии и в клевету на творческие силы трудящихся людей.

Разоблачить эту распространенную фаталистическую «теорию» наследственности таланта стало возможным лишь разработкой подлинно научной теории способности на основе марксистско-ленинского учения.

Великая Октябрьская Социалистическая революция практически доказала правильность теоретической постановки вопроса, данной еще задолго до революции Марксом—Энгельсом—Лениным.

Маркс, Энгельс, Ленин учили, что таланты и способности зависят от общественного разделения труда, от условий развития народа и трудящихся. Марксизм-ленинизм учит, что, если изменить условия развития народа, уничтожить частную собственность, уничтожить общественное разделение труда, преодолеть противоречие между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, то создадутся условия для всестороннего и массового расцвета дарований. Это положение Ленин особо подчеркивал еще в первые годы существования советской власти.

Практика социалистического переустройства нашей родины привела к тому, что из среды народа выросла новая интеллигенция, новые дарования во всех областях культуры. Это люди из толщи народной, выходцы из среды рабочих, крестьян и других слоев трудящихся, из тех слоев, которым Гальтон и прочие буржуазные теоретики отказывали во всяких правах на одаренность, на талант.

В 1936 году в своем докладе о проекте новой конституции товарищ Сталин сообщал уже о том, что 80—90 процентов советской интеллигенции — это выходцы из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся.

Историко-материалистическое понимание способностей связано с пониманием развития человека в условиях общественного разделения труда. Маркс и Энгельс показали, что общественное разделение труда на основе развития частной собственности калечит человека, препятствует всестороннему развитию человека, оно убивает таланты и способности в народных массах, позволяет выделиться и то случайно лишь отдельным одиночкам из этих масс, наоборот, создавая все условия для развития людей господствующих классов.

Таким образом, проблема таланта и способностей в марксистско-ленинской теории разрешается в связи с общими проблемами классовой борьбы, в связи с общей проблемой развития человеческого общества.

Из историко-материалистического понимания способностей следует, что производство, промышленность, культура не только создают новый предмет, скажем, музыку, которая возникает только вместе с историей человеческой культуры, но и создает новую способность, в данном случае — музыкальность, способность наслаждаться музыкальным произведением. Следовательно, развитие культуры, промышленности

создает и субъект, т. е. творящего человека, который дальше развивает этот предмет.

Вот почему Маркс говорит, что музыкальное ухо могло появиться только с возникновением музыки. Вот почему художественный глаз мог возникнуть только с появлением изобразительного искусства. Но никто не будет сомневаться, что музыка является результатом развития идеологии, а в конечном счете продуктом развития общественного производства.

Каждая новая историческая эпоха, новые общественные отношения создают новый предмет деятельности, а новый предмет и характер деятельности вызывают к жизни новые способности, новые дарования, новые таланты.

Вот почему общественное производство в широком смысле производит не только предмет для субъекта, но и субъект для предмета.

Способности для разных деятельностей различны потому, что разные деятельности порождают и разные способности. Но эти разные деятельности — живописца, музыканта, конструктора, ученого, также не являются абсолютными в том смысле слова, что они одинаковы во все исторические эпохи и у всех народов, они различны, они исторически меняются, развиваются. Вот почему характер дарования изменяется, изменяется механизм таланта, дарования, поскольку меняются характер и форма деятельности, в связи с изменением характера производства. Способность к конкретной деятельности формируется в ходе этой деятельности. Образование способности, следовательно, есть процесс. В образовании способностей и таланта играют известную роль естественные особенности личности. Есть определенные природные различия, природные особенности человека, прежде всего, мозговой работы, которые являются известными анатомо-физиологическими предпосылками, задатками к развитию человеческой способности, т. е. готовности к определенной успешной деятельности в той или иной отрасли. Без деятельности не существует способности, есть только задатки. Задатки становятся реальными способностями, реализуются, превращаются в действительность только через деятельность, только через систему сознательных действий. В процессе деятельности развиваются определенные навыки, знания, определенные духовные особенности, приемы мыслительной

и всякой иной психической деятельности; личность вооружается знаниями, умениями, техникой и т. д. Только тогда задатки становятся способностями. Природные данные, столь различные у людей, выступают в форме задатков, но не предопределяют сами по себе способностей.

Невролог проф. Л. Пинес, изучивший десятки мозгов выдающихся людей, пишет следующее: «Степень и характер выявления задатков в жизни зависит еще от ряда других моментов, от социальных условий (положения, воспитания, образования), от характерологических особенностей индивидуума (трудолюбие, энергия и т. п.) и даже от индивидуальных особенностей, непосредственного отношения к одаренности не имеющих. Люди подчас избирают то или иное направление под влиянием среды, под влиянием множества условий и обстоятельств, ничего общего с мозговой конституцией не имеющих, хотя различие взятого направления подчас определяется природой врожденных свойств и качеств. С другой стороны, условия среды имеют настолько мощное влияние, что часто лица, глубоко одаренные, сходят в жизни за средних в то время как действительно средние лица при благоприятных условиях достигают подчас знаменитости. Это объясняет нам отчасти, почему обычно «средние» люди, ничем в жизни не выявившие себя, не имевшие соответствующего образования, даже никогда умственным трудом не занимавшиеся, при вскрытии обнаруживают часто хорошо развитый мозг».[1]

Таким образом, морфолог-анатом указывает, что мы можем провести четкое различие между органическими, врожденными задатками, морфологическими задатками и фактическим выявлением соответствующей способности.

Неврологические исследования мозгов выдающихся людей и «средних» людей показывают, что у многих средних людей, «посредственностей», ничем себя не выявивших, ничего не создавших в жизни, оказался мозг с мощной дифференциацией высших отделов коры головного мозга, типичной для одаренного мозга. Очевидно, задатки были, но они не стали способностями. Способности зависят от деятельности самого индивида, и если нет деятельности индивида, то превосходные задатки остаются задатками.

---

[1] Проф. Пинес. „Борозды и извилины мозгов выдающихся лиц". Ленинград, 193?, стр. 48.

Как видим, поставить знак равенства между задатками и способностью нет возможности, потому что для того, чтобы задатки превратились в способность, нужна соответствующая деятельность, нужен соответствующий предмет труда, соответствующее образование. Кроме того, нужны определенные особенности личности,—такие, как энергия, трудолюбие, воля, настойчивость, мужество и пр. Вся эта совокупность, весь этот комплекс и определяют собой переход при благоприятных условиях задатков в способности.

Изучение мозгов выдающихся лиц представляет для нас большой интерес, поскольку это есть изучение материального субстрата одаренности, т. е. изучение задатков.

Мозги наиболее выдающихся людей обнаруживают ряд особенностей: богатство кровоснабжения мозга, дифференцированность коры головного мозга, обширность коры головного мозга благодаря обилию борозд и извилин, более резко выраженную асимметрию, различие в строении, дифференцировке правого и левого полушария, особенное развитие высших мозговых центров.

Чрезвычайно важным выводом, который сделали неврофизиология и психология из сравнительного изучения мозгов выдающихся и «средних» людей является положение о том, что важно общее развитие коры головного мозга. Всякая специальная одаренность (художественная, научная, практическая, техническая) прежде всего вырастает на фоне более или менее высокого общего развития коры головного мозга, степени ее дифференцированности, степени ее пластичности, особенно высокого развития передних областей коры головного мозга. Но затем на этом сравнительно высоком общем фоне развития мозговой ткани, корковой ткани имеет большое значение ее специализация. Так, например, у выдающихся ораторов, педагогов часто замечали развитие моторно-речевой зоны — лобной, у музыкально-одаренных замечается особенная дифференцировка височной области, в особенности левой, у художников — затылочной, теменной области мозга, с которыми связаны оптико-пространственные функции и т. д. В связи с этим, можно привести слова проф. Пинеса, что мы, изучая мозг человека, который был нам известен, после его смерти, и зная, что он был одарен и в какой области он был одарен, можем найти соответствующую анатомо-физиологическую подкладку. Однако, из этого нельзя сделать обратный вывод, т. е. нельзя по изучению самого

мозга, не зная, чем проявил себя человек в жизни, сказать, чем он был замечателен, какими способностями он фактически располагал поскольку в особенностях строения мозга даны лишь задатки, но не сами способности.

Способности и их дифференциация

Понятия способности и таланта тесно связаны с понятием творческой деятельности, которая не есть просто образованность. Творческая деятельность ума есть нечто большее, нежели образованность, и не является простым механическим следствием накопления знаний.

Способности есть проявление творческого развития ума, а не простого накопления знаний; следовательно, проявление творческого применения этих знаний, новаторской позиции самого человека в отношении знаний, которые он усваивает, самостоятельности и сознательности.

Таким образом, предполагается, что способность не есть простое накопление знаний, не есть простое развитие памяти, внимания и т. д., а развитие высших функций, которыми человек овладел, в результате которого возможно творческое применение накопленных знаний для дальнейшего развития знаний, навыков.

Каждый человек обладает вниманием, которое раскрывается в разных формах — произвольное, концентрированное, — но вся суть заключается в том, как человек научается неотступно думать, в какой мере он способен развить концентрированную, произвольную мысль по отношению к определенному кругу явлений, связанную с определенной проблемой. Каждый человек обладает памятью, вопрос заключается в том, в какой мере человек сознает, какой памятью он владеет и какой труд он вкладывает в память, как он культивирует свою память.

Именно поэтому необходимо самостоятельное активное, творческое развитие мысли, которое обеспечивает творческое развитие ума, активное развитие психической деятельности, высших психических процессов.

Вместе с тем известно, что прилежание и терпение, настойчивость, мужество в борьбе за свои идеи, за свое открытие в той или иной отрасли чрезвычайно важны в умственном развитии. Роль, которую играет воля в развитии мыслительного аппарата, не говоря уже о других формах психических функций, является очень существенной.

Поскольку способность зависит от деятельности, от пред-

мета деятельности, естественно, что при разной деятельности будут разные формы, различные типы творческого содержания ума и воли человека. Это положение можно показать на примере развития творческого воображения у представителей искусства и науки.

В искусстве, в художественной литературе творческое воображение выступает в форме типизации. Художественный образ, которым оперирует писатель, является, прежде всего, типом. Драматургия и художественная литература отражают в художественном образе, как указывал Энгельс, типичный характер эпохи в типичной среде.

Самый сложный образ, являющийся продуктом творческого воображения писателя, взят своими элементами из жизни.

Именно потому, что образ в своих составных моментах отражает реальность, связан с определенным знанием этим писателем жизни, именно поэтому развитие художественного образа отражает в себе логику действительности.

Конец Анны Карениной выражал логику действительности и тех взаимоотношений, которые в условиях нравственного кризиса общества могли привести только к такого рода развязке.

Можно было бы привести множество примеров того, что художественное воображение формируется деятельностью, характерной для писателя, для художника, т. е. оперированием образами, отражающих типичные характеры и обстоятельства жизни обществ.

Для творческого воображения в науке характерно предвосхищение последующего хода познания, отражение тенденции развития тех явлений тех предметов, которые познаются ученым.

Приведем в качестве примера—Менделеева, который, создав периодическую таблицу, предвосхитил открытие в последующем некоторых элементов.

Творческое научное предвидение одновременно является и высшей формой логического мышления и высшей формой творческого воображения. Проникая в будущий ход развития общества или природы (или предвосхищая будущее развитие науки), научное воображение является частью научного творчества.

Таким образом, мы видим, что творческое воображение, необходимое художнику, имеется и в науке, но характер воображения различен по своему механизму, направленности,

природе именно потому, что различна деятельность. Следовательно, различно сознание, различен предмет, на который направлено сознание, внимание, труд, а поэтому и природа такой способности, как творческое воображение.

Творческое воображение является результатом развития всех психических функций, развития памяти, мышления, это — синтез всех умственных способностей человека, которые возникают на основе накопления мыслительного материала человеком и его активной практической деятельности.

Чрезвычайно важным является положение о поступке, о действии как факторе развития способности. Именно потому, что способность формируется, конструируется в деятельности, не может существовать только в замыслах, только в мыслях человека, она, прежде всего, раскрывается в самых действиях, в поступках, т. е. в продуктах деятельности. Поступком для актера является его сценический поступок, его игра, поступком для писателя является создание его произведения, для конструктора — создание его агрегата, для рабочего-стахановца — рационализация в производстве, для ученого — его открытие.

Решающее значение имеет продукт творчества, который есть не только следствие творческой деятельности, но и цель, которая регулирует всю деятельность творящего человека; продукт деятельности, вместе с тем, — это та веха, которая определяет дальнейшее развитие способностей.

Вот почему творческая биография, прежде всего, имеет своими вехами то или иное произведение, тот или иной вклад, который человек делает в искусство, науку, общественную деятельность. Этот вклад, который человек сделал своим завершающим поступком, определяет дальнейший путь этого человека, известность этого человека, характер таланта, развитие его способностей.

Способности и талант

Существует неправильная точка зрения, согласно которой талант, как правило, односторонен. Современная психологическая наука показывает, что талант многосторонен. Это, однако, вовсе не значит, что человек проявляет себя одинаково в разных деятельностях. Это значит, что в таланте в действительности принимает участие ряд способностей. [1]

---

[1] „Подробно этот вопрос исследован в работе профессора Теплова „Способности и одаренность“ Ученые записки Ин-та психологии, т. II, 1941 г.

Вот почему оказывается, что если человек развивается только в одном направлении с раннего детства, то талант этого человека будет нестойким и поэтому очень незначительным, истощаемым.

Это положение может быть показано на примере воспитания так называемых вундеркиндов в буржуазной музыкальной системе, которая заключается в тренировке музыкального дарования, совершенно без заботы об общем развитии личности, о развитии других задатков. Известно, что в результате такого одностороннего воспитания музыкально одаренный ребенок становится в зрелости посредственным музыкантом. Однако, одаренные дети, которые воспитываются в наших советских музыкальных школах, не становятся посредственностями, а продолжают расти как музыкальные таланты, все более и более шлифуются и приобретают все более и более зрелый характер. Здесь нет речи об исчерпании этих музыкальных способностей, потому что советская педагогика для развития музыкального дарования требует всестороннего развития личности ребенка.

Советская педагогика доказала, что для развития специальной одаренности, нужно развивать общий сложный, активный комплекс способностей, который питал бы эту частную способность. Когда нет всестороннего развития личности, тогда нет других сил, питающих эту способность, и неизбежно наступает исчерпание способности.

Талант, таким образом, должен быть, как правило, многосторонним. Хотя человек проявляет творчество на очень высоком уровне в какой-то определенной области, однако, для этой области имеют значение и другие побочные области, в которых формируются другие способности.

Талант есть сложное многочленное образование активности человеческой личности. Достаточно сослаться на некоторые примеры. Гоголь, который был великим писателем, был известен своим выдающимся актерским дарованием. Грибоедов был известен выдающимся музыкальным дарованием. Шевченко является не только великим поэтом, но и выдающимся живописцем и музыкантом. Достаточно сослаться на примеры Лермонтова и Пушкина, которые были выдающимися деятелями в области литературы, но которые вместе с тем проявляли несомненные дарования в других областях искусства, особенно изобразительного.

И в области науки определенному научному дарованию сопутствует наличие дарования ученого в области, прямого отношения к науке не имеющей.

Таким образом, первым условием образования таланта является многосторонность образования личности, многосторонность способностей.

Известный общий фон развития личности, развития различных способностей создает особо высокое предрасположение к специальной творческой деятельности, к одному преобладающему виду труда.

Второй чертой таланта является осознание своих способностей и овладение своими способностями. Талантливый человек сознает свое призвание. Мы видим это на примере всех выдающихся людей, у которых были ясно выражены способности к различной деятельности. У них был выбор: на какой путь стать, какой вид деятельности избрать и, осознавая свое истинное призвание и возможности, они выбирали тот вид деятельности, в которой их способности развились с наибольшей силой, дали наилучшие результаты.

Ясно, что человек, только путем осознания своих способностей в процессе деятельности, благодаря умению объективно, критически отнестись к своим способностям, может сознательно работать над развитием собственного таланта.

Третьей предпосылкой, которая отделяет талант от способности и превращает талант в высшую форму активности личности, является включение способностей в характер. Одно дело обладать способностью так, как она практически сложилась в ходе деятельности, а другое дело — овладеть этой способностью, создавать известные традиции в своей деятельности, накапливать эти традиции, завоевывать какой-то самобытный путь в развитии творческого таланта. Талант неразрывно связан с характером. Вот почему настоящий талант предполагает развитый и крупный характер, определенную волю, ясность жизненной цели и жизненного плана.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СИЛА И ПОЛНОТА ХАРАКТЕРА

Определение характера

Личность обладает рядом индивидуально присущих ей особенностей и проявлений. Каждый человек отличается от другого человека множеством различных черт, в том числе и психических. Различная степень развития чувствительности, восприятия, памяти, мышления, воображения, эмоций, воли, различное направление развития этих психических процессов, навыков и способностей, умений и знаний личности, различная биография, особый темперамент, своеобразное телосложение и внешность — все это отличает одного человека от другого даже в одинаковых условиях.

И тем не менее по этим отдельным индивидуальным особенностям еще нельзя судить о конкретной личности в целом как особом и неповторимом, своеобразном существе. Даже если изучить каждую отдельную умственную или волевую особенность личности, то из их суммы не получится цельная характеристика личности.

Далеко не все и не всякие проявления личности ее характеризуют как особую индивидуальность. Поэтому нет необходимости искать сущность и проявление характера во всяких и всех проявлениях личности. Ряд этих проявлений носит временный, преходящий характер, обусловленный каким-либо отдельным условием и обстоятельством жизни (например, чрезмерной отвлекаемостью внимания после длительной болезни, повышенной раздражительностью в результате переутомления). Такое проявление личности следовало бы именовать ситуационными особенностями личности, в отличие от характерологических ее особенностей, поскольку они связаны лишь с текущими, преходящими изменениями обстановки, в которой действует человек. Лишь тогда, когда ситуационные измене-

ния личности становятся жизненно-необходимыми, укореняются в образе жизни, по ним возможно судить о личности, характеризовать ими личность.

Далеко не всякое отношение характеризует личность. Отрицательное отношение ученика к какому-либо учебному предмету может совершенно не характеризовать его как индивидуальность, но лишь выражать его незнание в этой области, слабость навыков и умений самостоятельной работы или недостатки преподавания. Далеко не всякое активное отношение человека к искусству, например к театру, его характеризует, так как такое отношение может быть продиктовано случайными обстоятельствами (например работой товарищей в театре или подражанием чужим интересам). Лишь тогда, когда отношения личности превращаются и становятся чертами характера, по ним можно судить о характере личности.

Характерным в психологическом отношении для каждой отдельной личности будет лишь такое ее проявление, которое выражает основную жизненную направленность и проявляется в своеобразном для данной личности образе действий.

Вот эти качественные особенности человека, выражающиеся в своеобразии его действий, осуществляющих известные жизненные цели (генеральные, стержневые цели жизни) и называются характером.

Поступки и действия, формирующие характер, имеют в своих основаниях, намерениях внутренние побуждения (интересы и потребности) и убеждения, т. е. политические, моральные, эстетические идеи. Эти идеи, мировоззрение в целом, определяют основное направление содержания поступков.

Говоря о том, что действительность и мировоззрение создают характер, нужно иметь в виду, что «. . .личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает» [1].

Поэтому в определении характера важнейшее значение имеет не только качество самих действий и поступков, но и способ, посредством которого эти действия и поступки совершаются. Являясь индивидуально-своеобразным качеством и способом сознательной деятельности человека, характер отражает реальную историю воспитания и общественной дея-

---

[1] Ф. Энгельс. Письмо к Лассалю. Приведено по сб. „Маркс — Энгельс об искусстве“, изд. „Искусство“, 1937, стр. 177.

тельности человека. В течение жизни человека, в связи с изменением воспитания, исторических условий и обстоятельств жизни, изменяется и способ его сознательной деятельности. Биографическое изучение людей свидетельствует о том, как изменяется их характер вместе с изменением их образа жизни и деятельности. В течение жизни у каждого человека, в результате его собственных поступков, складывается определенный образ жизни и деятельности, отражаемый субъективно в определенном образе чувств, мыслей, намерений, побуждений.

В результате постоянного изменения, в ходе жизненного пути человека и его деятельности образуется изменяющийся, но сравнительно устойчивый образ жизни, отражением которого и является в известной мере характер.

Характер и единство личности

Интересно отметить, что один из самых острых дискуссионных вопросов в буржуазной характерологии является и до настоящего времени вопрос о цельности или раздробленности личности, причем некоторые буржуазные психологи (особенно Фрейд и его последователи) пытались, вообще, снять проблему цельности, доказывая существование антагонизма сознания и бессознательного, т. е. природную дробность личности.

Другие буржуазные психологи, развивающие теорию «целостного человека», идеалистически извращают проблему цельности психического развития человека, доказывая, что целостность является некиим изначально присущим духовным качеством «высших» классов и рас.

Между тем цельность личности — не природный дар, а исторически-образующееся социальное качество психического развития личности.

Это качество возникает и формируется в процессе реальной общественной жизни личности, в результате определенного образа жизни и деятельности, развития мировоззрения и характера.

Ф. Энгельс показал, что характер людей создается в ходе их общественной деятельности и сила характера людей поэтому прямо пропорциональна их активности в общественной жизни. В общественной деятельности, а не в стороне от нее, складывается индивидуальный характер; не в уединенной тиши, а в горниле классовой борьбы, в политике, хозяйстве,

культуре складывается сильный и полный характер, определяющий собой цельную личность.

В известной характеристике людей эпохи Возрождения Энгельс показал, что полнота и сила характера создают цельность личности и, в свою очередь, порождаются образом жизни и общественной деятельности людей.

Однако эта цельность достигается не сразу, поскольку она является продуктом общественной деятельности самого человека, истории его сознательной деятельности. Эта цельность может быть вовсе не достигнута тогда, когда человек живет лишь своей внутренней жизнью, созерцательно относится к действительности, не участвует активно в общественной жизни, не обладает твердыми убеждениями, занимает колеблющуюся позицию в жизни и ограничивается лишь узким привычным кругом привязанностей. В таких условиях естественна дробность личности, разрыв между умом и волей, чувствами и поступками, потребностями и способностями. Явление цельности или дробности человеческой личности, как показал Энгельс, обусловлено не биологическими или изначально духовными причинами, но социально-историческими законами развития индивидуальности и ее характера.

Классики марксизма-ленинизма в своей теории научного социализма показали те исторические условия, при которых цельность личности, сила и полнота ее характера будут свойствами всех масс трудящихся.

Именно социализм может обеспечить расцвет трудящегося человека, закалить его характер, сделать разносторонней, полной и цельной его личность. Практика социалистического строительства в нашей стране блестяще оправдала эти идеи.

В СССР происходит массовый расцвет характеров, не превзойденных по своей силе, полноте и цельности, героическое становится типичной чертой характеров нашего времени.

Эпоха Возрождения не может итти в сравнение с нашим временем, поскольку сила и полнота характеров были тогда качеством лишь отдельных, исключительных личностей. Условия социалистического строя таковы, что широкие массы трудящихся всех национальностей нашей родины овладевают коммунистическим мировоззрением, вовлекаются в активную общественную жизнь, усваивают ценнейшие достижения мировой культуры и создают новую, еще не виданную по своей силе и красоте коммунистическую культуру. Полнота и сила

характера, порождающие цельность индивида, впервые становятся достоянием масс.

Цельность человека и определяющая ее структура характера проявляются прежде всего в обладании целями, в осознании этих целей жизни, в осуществлении их на практике.

«Только ясность цели, настойчивость в достижении этой цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия — могли обеспечить такую славную победу» — писал товарищ Сталин в своем приветствии туркменским конникам. — «Партия коммунистов может поздравить себя, так как именно эти качества культивирует она среди трудящихся всех национальностей нашей необъятной родины».[1]

* * *

Таким образом, характер, являющийся первоначально продуктом развития личности, сам становится условием ее дальнейшего развития. В этом смысле можно было бы сказать, что так же, как личность не может быть сведена к характеру, так же и характер не может быть низведен до роли побочного и частного проявления личности, поскольку характер есть единство личности, известное постоянство ее психологических изменений.

Роль характера в общем и психическом развитии личности исключительно велика именно потому, что формирование характера разрешает и устраняет многие внутренние противоречия в личности (между желаниями и волей, потребностями и способностями, намерениями и поступками), делая личность психологически монолитной, цельной, единой.

Сознание и деятельность достигают своего единства в развитии и совершенствовании характера.

Характер и оригинальность человека

Характер составляет не только единство личности, но и ее оригинальность, т. е. своеобразие, самобытность. Самобытность человека находится в прямой связи с его цельностью. Оригинальность и цельность составляют две стороны одного и того же единства жизненной направленности и деятельности.

Обладание целями жизни и своеобразие путей их достижения, непосредственное взаимопроникновение целей и дей-

[1] „Правда" от 21/IX 1935 г.

ствий составляют основную черту самобытности человека, образуемой характером.

Эта непосредственность взаимопроникновения целей и действий создает известную естественность поведения, благородную простоту в отношениях человека с действительностью. В этом смысле понятие оригинальности буквально совпадает с понятием подлинности и, наоборот, совершенно несовместимо с понятием фальши, двойственности или внешней подражательности.

Оригинальничание и истинная оригинальность взаимно исключают друг друга. Оригинальничание выражается в искусственности, нарочитости, надуманности, следовательно, в фальши внешнего поведения, противоречии его действительному внутреннему содержанию.

Эта нарочитость и искусственность обычно маскируют отсутствие внутренней самостоятельности чувств и мыслей. Оригинальничающий человек в действительности копирует чей-то образ, повторяет в искусственной форме чье-то естественное содержание, и именно поэтому в его деятельности преобладающее значение приобретает форма как самодовлеющее начало.

Как и все, что есть в характере, оригинальность не есть прямой продукт природных задатков, она вырабатывается деятельностью человека в своеобразных жизненных условиях и, что особенно важно,— сознательным усвоением передового, революционного мировоззрения, обеспечивающим человеку твердое морально-политическое основание деятельности.

Не случайно поэтому крупные характеры передовых людей эпохи, революционных деятелей и истинных мужей науки являются оригинальными образцами характеров для массы людей и особенно подрастающих поколений.

Скромность в проявлениях собственного «я» сочетается в таких случаях с деятельностью, полной общественного значения.

Подчеркивая, что «...необходимо, чтобы у человека как можно раньше выработался характер и сложилось твердое мировоззрение», М. И. Калинин с поразительной простотой и убедительностью обратился к выпускникам школ: «Я лично очень уважаю людей, которые выработали свои убеждения и свой характер. Но, может быть, вам об этом еще рано беспокоиться? Нет, товарищи, не рано. Вероятно, вы хорошо знаете жизненный путь товарища Сталина. Уже в пятнадцати-

летнем возрасте он стал марксистом, а семнадцати лет его изгнали из семинарии за то, что он имел определенные политические убеждения, целиком направленные против царского самодержавия, против капитализма. Вот видите, как рано самоопределился товарищ Сталин. Но если прежде люди могли так рано самоопределяться, то вам теперь куда легче решить эту задачу».[1]

Общественная сущность характера ярко сказывается в зависимости силы характера от стойкости убеждений.

Люди без твердых убеждений, постоянно зависящие от всяких случайных внешних, в том числе и чуждых по духу влияний, запутавшиеся во внутренних противоречиях, не обладают необходимой твердостью характера. В жизни таких людей справедливо зовут «слабохарактерными» людьми. Ясность жизненных целей, исходящая из сознательно усвоенного мировоззрения (философских, политических, нравственных идей) обусловливает выработку как жизненного плана, так и важнейших черт характера.

Течение жизни и развитие характера

Нужно исходить не из того, что существует врожденная духовная организация, предопределяющая течение жизни, но, напротив, из того, что общественное бытие определяет образ индивидуального бытия, т. е. материальной и моральной жизни личности, а, следовательно, и образ индивидуального сознания личности. Именно поэтому проблема характера может быть правильно понята лишь в связи с жизненным путем человека.

Психологическое изучение биографий замечательных людей показывает в качестве общей закономерности, что внутреннее преобразование сознания личности, изменения, появления или исчезновения каких-либо черт характера совпадают с известными объективными обстоятельствами жизни.

Обстоятельства жизни политические, правовые, хозяйственно-экономические, бытовые, моральные в своем динамическом взаимодействии создают образ жизни, являющийся основанием характера.

Воспроизводя свою жизнь посредством деятельности, прежде всего посредством труда, человек изменяет течение

---

[1] М. И. Калинин. Вопросы коммунистического воспитания. Госполитиздат, стр. 32, 1940.

собственной жизни, внося в образ жизни известные новые обстоятельства.

Существенные, значительные сдвиги во внутренней, субъективной жизни человека обусловливаются, как правило, новыми обстоятельствами жизни, перестраивающими реальные отношения, и побуждают личность к активным действиям. Наиболее важными являются такие новые обстоятельства, которые образуются при участии самой личности, вследствие ее поступков.

Когда такие обстоятельства жизни приводят к изменению последующего течения жизни, они приобретают качественно новое значение, становятся событием в жизни человека, изменяющим уклад жизни и перестраивающим субъективные состояния личности.

Человек вовсе не является безразличным существом в этой картине развития жизни, в этой смене обстоятельств жизни, событий, изменения образа жизни. Человек является сам одним из факторов этой смены, его деятельность является одним из элементов, вплетенных в ткань жизненного обстоятельства. Деятельность человека и пержде всего труд, вкладываемый человеком в производство, быт, образ жизни, неизменно составляет активную сторону жизненного изменения.

Нужно иметь также в виду взаимопереход обстоятельства жизни и поступка человека. Обстоятельством жизни для данного человека являются не только сложившиеся ранее общественные отношения, но и поступки отдельных людей в их общественных отношениях. Таким образом, поступок другой личности, имеющий отношение к жизни и деятельности данной личности, есть обстоятельство жизни для данной личности.

В этом смысле наш поступок есть вместе с тем обстоятельство для жизни других людей, с нами связанных процессом общения. Воздействуя на намерения и поступки других людей собственной деятельностью (образующей обстоятельства для других людей), мы тем самым воздействуем косвенным образом на течение собственной жизни.

Но именно потому, что образ жизни и события в ней не протекают без участия самого человека, а в какой-то мере определяются его поступками, — в известной мере происходят вследствие деятельности самой личности удача и неудача, расцвет и упадок.

Таким образом, эта личная ответственность является условием для сознательного отношения к жизни, а, следовательно, развития характера. В развитии характера от ранних лет до последних дней жизни человека мы встречаемся как с непрерывными, так и прерывными изменениями структуры и черт характера. Изучение биографического материала показывает, что прерывные (неожиданные для внешнего наблюдателя и подчас для самого человека) изменения характера связаны с событиями в жизни человека, прежде всего с общественными обстоятельствами его индивидуальной жизни.

Формирование индивидуального характера переплетено с картиной жизненного развития, обусловливающего появление или исчезновение тех или иных качеств характера. Но реальная жизнь человека складывается из текущих дней. Деятельность человека и текущий день его жизни слиты воедино. Именно поэтому ценность для всего характера и его развития имеет каждый отдельный день жизни человека.

В нашей стране каждый человек во всех областях общественной деятельности каждым днем своего труда вкладывает долю творческого участия в общий подъем социалистического строительства. Каждый прожитый день постольку приобретает значение для личности и влияет на развитие характера, поскольку за этот день сделан вклад в общественное дело, в материальную и моральную жизнь общества.

О природных основах характера

Не будучи свойством самой телесной организации, характер тем не менее связан с физическим развитием личности. Косвенным образом на характер влияют физические особенности человека: возраст, пол, строение тела, типовые особенности деятельности организма, тип нервной системы и т. д. Телесная организация человека и особенно мозг исторически обусловлены. В работе «Роль труда в очеловечении обезьяны» Ф. Энгельс показал, как труд создал самого человека, в том числе и его телесную организацию. Совместная деятельность руки, мозга, органов чувств, языка коренным образом изменила в ходе исторического становления человека его природные качества, создала по выражению Маркса «человечность органов чувств».

Эта «человечность» физической организации человека, раскрывающаяся как в отношении органов чувств, так и двигательных органов человека, мозговой деятельности в целом, свидетельствует о зависимости телесных механизмов от

жизнедеятельности в целом, определяемой у человека общественными отношениями.

Именно это и составляет коренную особенность физической жизни человека. К. Маркс с необычайной глубиной показал принципиальное различие жизнедеятельности животных и человека.

«Животное непосредственно представляет собою единство со своей жизнедеятельностью, — писал Маркс. — Оно не отличается от последней. Животное и жизнедеятельность одно и то же. Человек делает свою жизнедеятельность объектом своей воли и своего сознания. Он обладает сознательной жизнедеятельностью». [1]

Сознание, являющееся изначально-историческим продуктом, отражает внешний мир, изменяемый общественной практикой. Именно поэтому сознание становится активным моментом в развитии всей жизни человека, в том числе и физического развития. Невозможно изучать человеческий организм, игнорируя сознание и волю человека.

Человек сознательно и с волевым напряжением вкладывает огромный труд в закалку своего организма, в его приспособление к трудным условиям, длительной работе и т. д.

Этот сознательно вложенный человеком труд в собственное тело составляет неотъемлемую часть физического развития, образующуюся в результате длительной работы человека над собой, в результате овладения им собственным телом. Сознание воздействует на тело реально, через преднамеренное изменение образа жизни, основанного на знании и учете особенностей своего тела.

Биографии и автобиографии мастеров спорта, рекордсменов и опытных физкультурников убеждают нас в том, что победа в состязании физических качеств достигается не одной силой, но и волевым усилием, общей жизнестойкостью как проявлением силы характера.

Физическое воспитание играет поэтому исключительную роль в развитии не только организма, но и личности человека. Физическое воспитание способствует превращению тела в пластический аппарат поведения, развивает одни физические качества (например быстроту, гибкость, ловкость движений), создает другие, более сложные качества (например, точности

[1] Приводим по сборнику „Маркс и Энгельс об искусстве". Изд. „Искусство", 1937, стр. 56.

движений и действий). Система физических упражнений и все возрастающая закалка организма в отношении выносливости, малой утомляемости, разностороннего развития нервно-мышечного аппарата имеют огромное значение для гармонического развития личности, а следовательно, характера личности.

Под влиянием физического воспитания возрастают функциональные возможности и общая жизнеспособность организма ребенка, а тем самым изменяются важные природные основы характера.

* * *

Естественно, что возникает вопрос: какие именно физические особенности человека являются природными основаниями характера, изменяемыми впоследствии воспитанием и деятельностью самого человека?

На основании современных научных данных можно полагать, что такими природными основами являются индивидуальные особенности организма в отношении двигательных органов, органов чувств и всего нервно-мозгового аппарата.

Учение И. П. Павлова о типах нервной деятельности впервые обнаруживает природные причины тех особенностей темперамента, которые были описаны еще в глубокой древности.

Детище древнегреческой науки — учение о темпераментах — во многом продолжает носить следы своих первоначальных очертаний. Прежде всего это относится к терминологии. Слово «темперамент» происходит от слов «умерять», «смешивать»; различные особенности тела и психики, уравновешиваясь, как бы создают общую особенность, отличающую одного человека от другого.

С древних времен принято различать у людей четыре основных типа темпераментов. Наименования их, дошедшие до нас со времен древнегреческой медицины и уже не соответствующие современным толкованиям, тем не менее широко употребляются и в настоящее время. Эти наименования отражают наивные представления древнего человека об организме и его особенностях у отдельных людей (преобладание одного из соков тела). Среди темпераментов различались: 1) сангвинический (преобладание в теле крови), 2) флегматический (преобладание слизи), 3) холерический (избыток «желтой желчи»), 4) меланхолический (избыток «черной желчи»). Наивное естествознание того времени исходило из представления, что физиологической основой поведения человека

являются различные «соки» организма, которые рассматривались в качестве причин индивидуальных различий.

Подлинное научное обоснование учение о темпераментах впервые получает в трудах И. П. Павлова, который подошел к проблеме темперамента как подлинный естествоиспытатель, впервые разрешая ее экспериментальными методами в системе своих классических исследований.

Одним из элементов учения И. П. Павлова является установление типов высшей нервной деятельности, представляющих то или иное сочетание основных свойств нервной системы.

Деятельность нервной системы протекает в форме двух основных процессов — возбуждения и торможения. Возбуждение позволяет организму устанавливать гибкие, изменяющиеся связи с внешней средой. Торможение делает возможным задерживание движений, подавление в необходимых случаях внутренних побуждений. И тот и другой процессы имеют место во всякой нервной системе, но у разных организмов они протекают различно. Тип высшей нервной деятельности в огромной мере определяется соотношением возбуждения и торможения. Возможно равномерное соотношение обоих процессов, но возможно и преобладание одного из них. Для этих основных нервных процессов характерны три главных свойства: сила их, равновесие, подвижность. Возможны самые разнообразные сочетания этих свойств, но ограничимся при их классификации четырьмя типами.

Прежде всего И. П. Павлов выделяет слабый тип, характеризующийся слабостью как возбуждения, так и торможения. Представители этого типа, по мнению И. П. Павлова, никогда не приспособляются к жизни и при трудных обстоятельствах легко ломаются. Этот тип, по наблюдению И. П. Павлова над подопытными собаками, «делается годным лишь при некоторых, особо благоприятных, нарочных условиях».

Слабому типу противополагаются три сильных. Среди них выделяется сильный, но неуравновешенный, нервной системе которого свойственна сила возбуждения при слабости тормозных процессов. Этот тип можно было бы назвать «безудержным».

Сильные и уравновешенные нервные типы различаются тем, что одни из них спокойны и малоподвижны, другие подвижны.

Четыре указанных типа («слабый», «безудержный», «спокойный» и «живой») составляют основную группу особенностей (типов) высшей нервной деятельности.

Возвращаясь на новой экспериментально-физиологической основе к старому учению о темпераментах, И. П. Павлов полагал, что меланхолик соответствует «слабому», нервному типу, сангвиник — «живому», холерик — «безудержному», флегматик — «спокойному». В результате этих замечательных исследований можно считать установленным, что в основе темпераментов лежат определенные особенности нервной системы.

Учение И. П. Павлова о типах нервной деятельности имеет огромное значение для понимания темперамента. Однако было бы неверно полагать, что его исследования полностью разрешают проблему темперамента.

Психологические качества темперамента, связанные со складом характера, определяются социальным развитием личности. Темперамент необходимо рассматривать как совокупность физиологических и психологических особенностей человека.

Все люди обладают чувствами, волей, умом, однако одни воспринимают, соображают и действуют с большой скоростью и силой, другие — с малой; у одних переживания глубоки, у других — неустойчивы. Различие в силе и скорости психических процессов влияет на соотношение между чувствами и волей. Важнейшим показателем особенностей темперамента является чувствительность и впечатлительность человека, отношение переживаний к поступкам и действиям.

Научное наблюдение и опыт показали, что темперамент, будучи непосредственно связан с телесной организацией, связан тем самым с наследственными особенностями этой организации. Из этого, однако, нельзя еще делать вывода о том, что темперамент, будучи в известной мере наследственно обусловлен, не изменяется в ходе жизни человека. Первоначально обусловленный наследственностью темперамент в ходе жизни, развития человека преобразуется, изменяется, развивается. Следовательно, в ходе человеческой жизни, в воспитании и деятельности самого человека темперамент приобретает новые черты, в нем преобразуются его старые черты, иными словами, темперамент развивается вместе с развитием личности. В этом развитии темперамента ведущую роль начинают играть психологические свойства темперамента (эмо-

циональность, особенности деятельности и т. д.), обусловленные всей сознательной деятельностью человека. В свете этого положения о развитии темперамента становится ясным, что вместе с привитием человеку новых эмоций, привязанностей, склонностей и т. д. происходит изменение типа темперамента.

Черты характера возникают тогда, когда темперамент уже достаточно высоко развит. Характер развивается на базе темперамента, который является для него природной основой.

Первоначально это приводит к значительной зависимости характера от темперамента, но с развитием личности и решающей роли социальной практики их взаимоотношения изменяются. Овладевая на основе развития характера и воли своими потребностями и чувствами, поступками и мыслями, человек тем самым изменяет свой темперамент. Так, в ходе развития личности характер приобретает все большее значение, преобразуя глубокие основы темперамента.

В развитой личности, с оформившимся характером и волей темперамент перестает быть самостоятельной формой проявлений личности, а становится как бы частью характера, его динамической стороной. Эта динамическая сторона заключается в определенной эмоциональной направленности свойств характера, в определенной скорости протекания отношений и проявлений личности, в определенной характеристике выразительных движений и действий личности.

Если бы воспитание заключалось лишь в совершенствовании и укреплении природных свойств, то оно приводило бы к чудовищной односторонности развития. Специализация воспитания, например меланхолика, могла бы привести лишь к тому, что меланхолик превратился бы в гипермеланхолика, в мимозоподобное существо. Если бы учет особенностей выражался лишь в культивировании уже имеющихся свойств личности, то это привело бы не к укреплению, а к истощению меланхолика. Культивирование свойств флегматика могло бы иметь следствием создание тяжелого стиля умственной работы, отсутствия гибкости в жизненных действиях и т. д.

Развитая впечатлительность может выступать не только в форме уязвимости слабого типа, но и в виде развития высших потребностей и нравственных чувствований, свидетельствующих уже не о слабости, а о силе жизненных возможностей личности.

Формирование сильной воли возможно на базе различных

особенностей темперамента, в том числе и слабого типа нервной системы.

Многообразие свойств характера (полнота характера)

При изучении характера человека в его развитом виде мы сталкиваемся с чрезвычайным многообразием отдельных черт или свойств. Это многообразие свойств характера нашло свое отображение в практическом знании людей, особенно в языке, являющемся его орудием.

Целый ряд слов обозначает жизненную направленность личности, ее мировоззрение как основу характера (непримиримость, принципиальность, преданность, последовательность, идейность, жизнерадостность, безыдейность, беспринципность, косность и т. д.), еще большее число обозначений относится к свойствам характера, проявляющимся в отношениях человека к другим людям (доброта, злость, общительность, замкнутость, лживость, откровенность, честность, справедливость, подозрительность, доверчивость, покладистость, назойливость, придирчивость, мнительность, заботливость, приветливость, обидчивость, скрытность, лицемерие, вежливость, насмешливость и т. д.).

В языке очень богато отражены волевые свойства характера (решительность, настойчивость, смелость, храбрость, энергичность, твердость, устойчивость, терпеливость, выносливость, собранность, властность, сдержанность, постоянство, усидчивость и т. д.; все отрицательные определения в характеристике воли). Интересно отметить также и то, что в практическом знании характера людьми значительное место занимает своеобразие ума, определяемое характером (инициативность, сообразительность, любознательность, сметливость, глубокомысленность, серьезность, толковость, прозорливость, благоразумность, дальновидность, наблюдательность, внимательность, находчивость и т. д.). Этот факт тем более важно отметить, что в теоретическом изучении характера очень часто можно наблюдать полное игнорирование интеллектуальной стороны характера и отождествление характера с эмоционально-волевой жизнью личности.

Таким образом, даже самое общее и предварительное ознакомление с практическим знанием людей показывает, что характер выступает во множестве самых разнообразных проявлений, причем уже в практическом знании характера нахо-

дит свое отражение актуальность черт характера, связанных с отношениями человека к людям и волей.

Каждый человек, характер которого мы изучаем, проявляет себя не какой-либо одной чертой, но множеством, причем подчас и самых противоречивых черт. Поэтому в целях правильного понимания характера необходимо избегать односторонней характеристики качеств человека, основанной лишь на каком-либо одном его свойстве. Учет многообразия черт характера является условием многосторонности самого изучения характера.

Нельзя судить о характере человека лишь по какому-либо одному, даже и значительному признаку, необходим многосторонний анализ всей сложной, противоречивой и многообразной структуры характера.

Из положения о необходимости многостороннего изучения характера нельзя сделать вывод о том, что простым перечислением большого числа проявлений характера мы уже изучили характер. В самом деле, если подойти с таким приемом к изучению характера, то тогда мы не сможем определить структуру, тип построения характера, соотношения отдельных свойств, их взаимоподчинение, взаимопроникновение и противоречия.

Если бы, например, таким приемом руководствовался драматург в создании художественного образа характера, то он никогда бы не смог создать жизненный образ действительного характера.

Возьмем, к примеру, такого поразительного знатока человеческих характеров, каким был Шекспир, и такой характер, им созданный, как Отелло.

В образе Отелло можно обнаружить такие черты, как беззлобность и жестокость, нежность и суровость, хитрость и прямодушие, мужество и слабость и т. д. В этом образе показано огромное напряжение страсти, — Отелло страстен до глубины своего характера. И если первоначально страсть выступала в форме любви к Дездемоне, то затем она выступает в форме ревности, трансформирующей весь облик Отелло. С какого-то момента жизни этого образа ревность становится актуальной, ведущей чертой его характера. В своем художественном описании этого страстного и деятельного характера Шекспир показал, что в характере есть черты, вокруг которых как бы сосредоточиваются все остальные свойства характера.

Иначе говоря, многообразие черт характера можно понять лишь в их соотношении, связях, известной организации общего стиля развития.

Так, в образе Отелло ревность в своем сочетании с моральной наивностью, доверчивостью, мужеством создает своеобразный «каркас» характера, определяющий другие его черты: прямодушие, страстность, беззлобность, суровость, жестокость, уверенность в себе, хитрость, храбрость и пр.

На этом примере можно видеть, что черты характера не изолированы друг от друга, не разбросаны по индивидуальности, но связаны в одно целое, соотнесены друг к другу, и эта их соотнесенность образует «каркас» характера, его основные, определяющие линии развития. Сказать про какого-либо человека, что он умный, ловкий, вежливый, решительный, любознательный, назойливый, холодный, восприимчивый, застенчивый, мнительный, вспыльчивый, скрытный, инициативный, честолюбивый и пр. — значит лишь перечислить проявляющиеся в разное время и в разных обстоятельствах противоречивые черты характера. Анализ этих черт характера начинается лишь с того момента, когда устанавливается известная закономерность, соотносящая противоречивые черты в некоторое постоянное единое образование.

У самых различных по своему характеру людей можно обнаружить одинаковые черты характера. Преобладающее большинство людей сообразительны, решительны, чувствительны, поэтому всегда есть большая вероятность «угадать» эти черты в большинстве случаев. Но у каждого человека его сообразительность, решительность, чувствительность своеобразны, потому что у одного сообразительность сочетается с общительностью и уверенностью в себе, напористостью в действиях, инициативностью, горячностью и т. д., а у другого та же черта (сообразительность) получает иное выражение вследствие того, что она вступает в связь с нерешительностью, замкнутостью, мечтательностью, впечатлительностью и т. д., развивается на иной основе — в связи с определенной жизненной направленностью и с определенной деятельностью.

При этом необходимо иметь в виду не только внутреннюю соотнесенность черт характера в единой их системе, но и относительность каждой отдельной черты характера. Так, один и тот же человек в одних ситуациях настойчив, в других нет, в одних обстоятельствах жизни он инициативен, сообра-

зителен, находчив, в других не проявляет этих качеств. Мужественный человек теряется при встрече с возлюбленной, умница допускает нелепицу в неожиданных для него условиях, ленивый человек проявляет поразительное усердие в деле, которым он не обязан заниматься, и т. д.

Таким образом, черты характера относительны к обстоятельствам жизни, к ее содержанию, к взаимоотношению людей. Поэтому недопустимо абсолютизировать черту характера, превращать ее в неизменное качество человека.

Каждая черта характера носит на себе отпечаток жизненного пути человека, его отношений к людям, его жизненной направленности. О том, настойчив или не настойчив характер человека, можно судить лишь по тому, где и как проявляется его настойчивость или ненастойчивость. Если человек настойчив в деятельности, которая создает его образ жизни и определяет его сознание, то тогда настойчивость составляет его характерологическую особенность; если же человек проявляет настойчивость лишь в отдельных случаях и в побочной деятельности, не определяющей его жизненного пути, то тогда настойчивость следует рассматривать лишь как ситуационное проявление, обусловленное временными, преходящими обстоятельствами жизни.

Проявляясь во множестве разнообразных черт, характер образуется по существу из соотношения основных свойств. К этим основным свойствам характера относятся: своеобразие жизненной направленности (потребности, интересы, идеалы), нравственные привычки (привязанности, вкусы), коммуникативные свойства характера (отношения личности к другим людям), самооценка (отношения личности к самой себе), волевые и интеллектуальные свойства характера, эмоционально-динамические проявления характера, образовавшиеся из темперамента.[1]

Как указано нами было раньше, характер есть единство жизненной направленности человека и его образа деятельности. Уже из этого определения видно, какое основополагающее значение имеет в структуре характера жизненная направленность, развивающаяся первоначально в форме потребностей и интересов, а затем и убеждений, идеалов, мировоззрения в собственном смысле слова.

---

[1] Подробно этот вопрос изложен в нашей книге „Воспитание характера", Ленинград, 1940 г.

Жизненная направленность человека в основном складывается из внутренних побуждений (потребностей) и убеждений (мировоззрения). Интересы и идеалы как элементы жизненной направленности человека порождаются соотношениями нравственых, социальных потребностей и мировоззрения.

Образы великих характеров Ленина и Сталина стали идеалом характеров для всего передового человечества. Эти идеалы, на которые ориентируется самовоспитание характеров наших людей, имеют решающее значение в коммунистическом воспитании детей. Простота и скромность гениев социалистической революции, их принципиальность, стойкость и прозорливость, их «чувство нового», которое так высоко ценит товарищ Сталин, действуют на всех трудящихся с исключительной силой. Величие и обаяние этих образов вызывают у молодежи желание быть такими, какими бывают лишь большевики.

Это страстное стремление осуществить идеалы характера — быть такими, какими хочет их видеть социалистическая родина, — является огромной силой в коммунистическом воспитании трудящихся.

Устойчивость образа жизни находит свое выражение в так называемых нравственных привычках. Живя более или менее постоянно в каких-либо условиях, человек как бы «обживает» эти условия, срастается с ними, вырабатывает привычки существовать определенным образом. К этим нравственным привычкам относятся вкусы (избирательно-оценочные отношения к вещам) и привязанности (избирательно-оценочное отношение к людям).

Исследования характера свидетельствуют о том, что все черты характера возникают на основе жизненной направленности и особенно связаны с потребностями в деятельности и общении. Не случайно поэтому роль «ядра» характера играют именно те свойства характера, которые возникают на основе потребностей в общении (коммуникативные свойства характера, проявляющиеся в отношениях человека к другим людям) и на основе потребности в деятельности (волевые свойства характера).

Естественно поэтому, что важнейшей стороной характера является общительность, как такое личное качество, которое вырабатывается в опыте общения человека. Общительность заключается не столько в объеме общения у данного человека (один более замкнут, другой более общителен), сколько в спо-

собе и направленности общения. Сюда относится и то, как человек обращается с людьми, различными по своему общественному положению, умственному развитию, полу, возрасту, и то, как человек устанавливает контакт с этими людьми и т. д.

Наиболее существенным моментом в общительности является ее внутренняя сторона — то, как данный человек понимает внутренний облик, характер и намерения других людей. Понимание характера других людей, или практическое знание людей, составляет важнейшую сторону общительности, ее индивидуальное качество.

Именно это практическое знание людей составляет одну из самых деятельных сторон характера человека.

Наши представления о личности изменяются вместе с изменением наших практических отношений к ней, превращающих другую личность из незнакомой в знакомую, из знакомой в близкую и т. д. Следовательно, восприятие личности личностью отражает не только образ воспринимаемой личности, но и наше отношение к ней, наше понимание ее развития и степени ее общности с нами. Общительность как свойство характера своим внутренним основанием имеет одну из самых основных человеческих потребностей — потребность в общении. Это свойство зависит от развития отношений личности, от ее мировоззрения, наконец, от индивидуального подхода к данной личности.

Замкнутость носит ситуационный характер, обусловленный прежде всего отсутствием индивидуального подхода, или неадэкватной формой его применения к личности со стороны других.

Таким образом, общительность зависит от развития общественных связей личности, от коллективной жизни человека.

В буржуазной психологии при определении характера главное внимание обращается на чувство «я», на самосознание или на самооценку. Отношение к собственной личности, согласно этому мнению, составляет центральное свойство характера. Само по себе это положение является верным, так как самооценка действительно составляет одно из самых внутренних свойств сознания. Однако, дело заключается в том, как понимать это свойство, особенно его происхождение.

С точки зрения буржуазной психологии, это свойство возникает внутри личности, как изначально заложенное свойство. На основе самооценки человек якобы строит свои отношения

к другим людям. Все реальные отношения перевернуты буржуазной психологией с ног на голову. То, что в действительности является следствием, признается причиной.

Возможно ли познание самого себя, своих достоинств и недостатков без сравнения себя с другими людьми? Понятно, нет. В других людях человек видит пример воздействия, видит наглядную перспективу своего развития, познает недостатки и достоинства тех или иных поступков. На опыте практического знания людей человек научается поступать так или иначе в соответствии со своими идейно-нравственными установками. Наконец, по поведению других людей, с которыми он общается, человек видит реальные последствия своих поступков, следовательно, и свои качества.

К. Маркс писал о том, что человек не рождается с готовым самосознанием и самооценкой, что «...человек сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека...»[1] Иначе говоря, человек познает себя через другого человека лишь в процессе общения и понимания других людей. Вот почему оценка себя и оценка других людей бывает всегда взаимосвязана.

Несмотря на все значение самооценки, мы не можем признать ее первичной и основной чертой характера. Первоначально самооценка является продуктом практического знания людей, развитием коммуникативных свойств характера и лишь на высших стадиях развития личности самооценка выступает в качестве условия развития других свойств характера.

В основе самооценки четко выступают общественные критерии личного поведения.

Коллективная жизнь имеет ведущее значение для развития коммуникативных свойств характера и самооценки.

Практика социалистического строительства блестяще осуществила идеи Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о том, что индивидуальность расцветает в коллективе, что условием расцвета личности является коллектив.

Коллектив создает особый советский стиль жизни отдельного человека. Коллективизм и коллектив не только не стирают индивидуальных особенностей, но, напротив, способствуют при правильной его организации развитию индивидуальных особенностей, оригинальности человека.

---

[1] К. Маркс. Капитал., т. I, стр. 18, изд. 7-е, 1931.

Не случайно поэтому, что именно в советской педагогической мысли особо глубоко разработанной оказывается эта идея о ведущей роли коллектива в развитии личности воспитанника и особенно его характера. В этом смысле педагогическим открытием, подтверждающим эту идею, является педагогическая система А. С. Макаренко, в которой огромной творческой воспитательной силой является именно коллектив.

Сила (твердость) характера

Полнота характера есть многообразие отношений человека к действительности, разнообразие свойств его характера. Пройдут годы, более яркой станет историческая перспектива, и писатели, поэты, драматурги, художники в полной мере обрисуют образы характеров нашего народа, нашей социалистической родины. Никогда еще не было столь полных, столь богатых по разносторонности и активности отношений к жизни человеческих натур. Передовые люди нашей страны, воспитанные партией Ленина — Сталина, это не только новаторы производства, науки, техники, искусства, не только патриоты своей родины, но именно поэтому и новые, невиданные еще по своей цельности и полноте характеры. Но быть может нигде в области строения характера не сказалось с такой острой наглядностью то исторически-новое, что создал в человеческом сознании социалистический строй, как в силе, твердости характера.

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков явила всему миру невиданную еще нравственную мощь советского народа, советского человека. Моральная сила советских людей на фронте и в тылу явилась одним из решающих факторов победоносных наступлений героической Красной Армии и поражения армии фашистской Германии. Источником этой великой моральной силы советских людей является та «ясность цели», сознательность любви к родине, к социалистическому строю, те великие героические традиции русского народа, которые воспитывает в массах партия Ленина—Сталина.

Характер не является изначально сильным и твердым. Эти качества он приобретает лишь в деятельности, лишь в борьбе за высшие цели жизни, за Родину. О воле часто говорят, как о центральном звене характера, как об его «становом хребте». Однако, ясно, что воля становится таковой в жизненной закалке характера, в испытании нравственных сил человека.

Моральные силы советского человека, родившие стойкость, уверенность в правоте своих жизненных целей, чувство совести и чести и высшее их выражение — беззаветную преданность Родине — накапливались десятилетиями социалистической жизни и коммунистического воспитания. Однако, лишь в годы, месяцы, недели, дни и даже отдельные мгновения самых тяжких испытаний эти силы раскрываются в подвигах поражающей мощи. Дни и годы Великой Отечественной войны являются в этом отношении единственной в мире естественной историей массового героизма, историей небывалого расцвета силы человеческого характера в Советском Союзе.

Вот киевский пионер Кравченко, два года хранивший со смертельной опасностью священное воинское знамя советской части, бывшее для него символом непобедимости и чести Родины. Вот тысячи советских партизан во главе с людьми такой кристальной чести и совести, такого мужества и героизма, как Зоя Космодемьянская и Мария Мельникайте. В бессмертном подвиге Матросова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дота и жертвой своей жизни открывшего путь наступлению своей части, — сказывается эта великая, стоящая над физической смертью, нравственная сила характера. Родина — высшая духовная ценность, средоточие всех мыслей, чувств, стремлений, источник великой любви к народу и испепеляющей ненависти к врагу-оккупанту, насильнику, убийце. Великое чувство Родины — есть в психологическом отношении природа воли и твердости характера.

В деятельности, в поступках и подвигах, а не только помыслах и намерениях, живет и развивается эта природа воли. В реальных испытаниях борьбы, в защите родного и в истреблении враждебного воля становится характерной для человека, делает характер твердым и сильным.

Как и во всяком духовном процессе, в волевом развитии трудно начало, первая встреча испытания «лицом к лицу» еще недостаточно подготовленным и технически и психологически. Однако, «нельзя научиться плавать, не плавая». Лишь в реальной борьбе с препятствием, лишь в реальном преодолении испытания созревают волевые качества, которые делают человека решительным, храбрым, отважным. Больше того, чем сложнее и тяжелее испытания, чем затруднительнее условия для борьбы, тем сильнее напряжение всех физических, умственных и нравственных сил человека и успешнее решается задача, если в человеке созрели его нравственные силы.

Характерным примером может послужить история первого в практике авиации ночного тарана в памятную для ленинградцев ночь с 5 на 6 ноября 1941 г. Летчик Алексей Севастьянов был принят кандидатом в члены ВКП(б) накануне своего первого ночного полета. Обещание, данное им при вступлении, было кратким: «врагу спуску не дам!» В эту ночь, после сигнала воздушной тревоги, Севастьянов поднялся в воздух для смертельной борьбы с прорвавшимся в Ленинград бомбардировщиком. Погоня за фашистским самолетом в ночной темноте была крайне трудной. Когда, наконец, Севастьянов «поймал» в поле зрения вражеский бомбардировщик и взял его под обстрел, он сам подвергся безостановочному обстрелу. Самым сильным переживанием, видимо, для Севастьянова было то, что он увидел, а не это переживание опасности. «Тут Севастьянов заметил самое страшное. Из-под брюха «Юнкерса» отделилось несколько бомб. Они сверкнули в прожекторных лучах и потонули в черноте. Бомбы полетели вниз. Севастьянов стиснул зубы. Он вспомнил так недавно произнесенные им слова: «Я врагу спуску не дам!» Получалось так, как будто он обманул партию! Наобещал, а теперь летит рядом с врагом, который спокойно бомбит город. Севастьянов не знал, что фашистский летчик сбросил бомбы куда попало только для того, чтобы избавиться от них, облегчить вес машины. Немцу становилось не по себе от настойчивого советского истребителя. . .» [1] И когда ещ две бомбы отделились от «Юнкерса» и упали вниз, на город, Севастьянов принял решение таранить, и в смертельной схватке с «Юнкерсом» осуществил это решение. Над всеми действиями летчика действовала сила сознания ответственности перед партией, перед городом Ленина, Родиной. Это сознание ответственности делало мысль точной и стремительной, движения максимально-координированными, зрение ночью зорким и острым. Развертывающаяся на глазах у летчика картина преступления фашистского летчика крайне обострила ненависть к врагу, переживание чести и совести. Переживания опасности, а тем более страх в этих условиях неизбежно теряли силу. Так обычные чувства и инстинкт самосохранения, первично определявшие зарождение воли, окончательно преодолеваются ею в подобном подвиге. Человек, свершив-

---

[1] Защитники ленинградского неба, стр. 15, Лениздат, 1943.

ший его раз, становится обладателем твердого характера на всю жизнь.

Во всей проблеме твердости характера или воли есть одна сторона, которая представляется недостаточно ясной. Там, где есть большая и хорошо натренированная физическая сила (вернее, психофизическая), при сознательном напряжении или волевом усилии она дает значительное повышение. Этому факту можно дать и более-менее приемлемое физиологическое толкование, исходя из возможной мобилизующей роли коры в работе двигательных органов. Но как объяснить волевое усилие там, где иссякают физические силы, где добавка минимума новых физических сил к физической слабости сама по себе не может решить задачу жизни? Между тем, подобных примеров на поле боя тысячи и десятки тысяч. Особенно непонятной с простой человеческой точки зрения является вопрос о моральной силе при иссякнувших физических силах, например в летных условиях, требующих совершенного расчета, выдержки и координированных действий.

Вера Кетлинская в рассказе «Воля» описывает летчика Алиева, у которого после посадки врач нашел тридцать ран, из них шесть смертельных. — «Я ничего не понимаю, — сказал врач, — он не мог летать!» Врач был прав с точки зрения законов обычной человеческой жизни, но при высших нравственных испытаниях эти законы изменяются, границы жизни перемещаются, невозможное становится возможным. «У Алиева уже не было сил, была только воля. И воля была сильнее смерти. Воля мастера выключила мотор, спланировала к тому месту, где надо садиться, и посадила самолет на три точки, как надо».[1] Все это на самом деле протекало в чрезвычайно острых противоречиях, в борьбе между смертью и жизнью, между физическим бессилием и моральной силой характера.

Сквозь долгие минуты напряженного волевого усилия пробивались секунды бессилия, переживания краха и потребность в покое. В. Кетлинская правдиво изображает такой момент. «Алиев заметил обстрел только тогда, когда самолет швырнуло в сторону волной взрыва. Он выровнял самолет и, с усилием глядя вперед, стал уворачиваться от снарядов. Но держать глаза открытыми было все труднее. От вкуса крови во рту тошнило Было бы проще всего не уворачиваться, не де-

---

[1] В. Кетлинская. Рассказы о ленинградцах. Лениздат, 1944.

лать усилий, закрыть глаза и умереть в последнем смертельном штопоре. «Я этого не хочу», — сказал себе Алиев, — и это признание было как смерть. Он закрыл глаза и отпустил штурвал — на миг его охватило блаженное ощущение освобожденности от всего. Но жизнь, горячая и острая, вырвала его из короткого блаженства покоя, приковала его руки к штурвалу. Он снова вел самолет. Самолет еще поживет! Попов залатает его и выпустит в бой! Товарищи ждут на аэродроме и не расходятся так же, как он сам никогда не уходил с поля, пока не вернется последний самолет. А когда последний самолет не возвращается, летчики молча идут с поля, стараясь не глядеть друг другу в глаза, чтобы горечь и боль остались невысказанными, даже во взгляде... Нет! Ни за что!

Он искусно маневрировал, затрудняя фашистам прицел. Воля собрала остатки его сил и направила их на одну цель — провести самолет через линию фронта домой».

История героической обороны Ленинграда—эта блестящая демонстрация моральных сил советского человека полна подобными примерами. Пережитое ленинградцами и вместе с тем проделанное ими невозможно объяснить, подходя с обычными мерками границ человеческой жизни. Бомбежки и обстрелы, холод и хроническая бессонница или недосыпание и наконец голод, подточивший все силы организма, как при всем этом были возможны оборона города и упорный труд!

«Был такой момент, когда на всем участке Октябрьской дороги по эту сторону кольца блокады работало всего несколько паровозов. Машинист подходил к машине, брался за поручни и... его нужно было подсаживать, сам взобраться в будку не мог, сидя управлял машиной. Сидя! Стоять не мог! А все-таки поезда шли. Их вели вот эти физически ослабевшие люди. Какая-то иная, не мускульная сила двигала их руками».[1] Так было на заводах, в частях МПВО, в учреждениях, в школах великого города.

Ленинградская партийная организация создала новый коллективный дух города, ставший моральной силой каждого отдельного ленинградца. В этих наиболее суровых испытаниях, выпавших на долю всех, и детей и женщин, закалялся

---

[1] Н. Лебедев. „Машинисты фронтовой магистрали". Лениздат, 1943, стр. 7.

характер, приобреталась та неповторимая сталинская чеканка человеческого характера, которая возможна лишь в СССР. Обладание твердым характером — большое моральное счастье для человека. В суровых испытаниях обреталось это счастье, являющееся вместе с тем счастьем служить своей Родине.

Бесхарактерность и слабохарактерность — пороки характера, они несут человеку ничтожную жизнь, мелкие чувства, отсутствие симпатии, уважения окружающих. Однако, эти пороки не прирожденны, они являются продуктами плохого воспитания и отсутствия работы над собой, безответственного отношения к своей общественной деятельности, мировоззрению и жизненному плану. Нигде нет таких благоприятных условий для воспитания и переделки характеров, развития полноты и твердости характера, как в нашей стране.

Но раз начав вести себя твердо, устойчиво, соответственно своим убеждениям и жизненным целям, нужно доводить эти цели до конца. Воля — прежде всего искусство выдержки, распределения внутренних сил для доведения действия до конца.

В солдатах гитлеровской армии, ринувшихся летом 1941 года на Советский Союз, история не признает воли и твердости характера. В исступленных бросках этих масс на Сталинград история увидит лишь истерический спазм чудовища.

В той проницательности и выдержке, с которой накапливались резервы для решающего удара, и в той неотступности решающего охватывающего удара, которая была продемонстрирована в сталинградской операции наших войск, история признает высшее проявление твердости характера величайшего стратега и вождя народов — И. В. Сталина.

Каждый человек советской страны несет в своем характере частицу великого сталинского мужества, в своей совести хранит священную клятву Сталина у гроба Ленина. Образ Сталина, его характера, ума и личности высший идеал для советского человека. Стремление к этому идеалу само по себе есть нравственная сила, которая проходит несокрушимой сквозь самые суровые испытания жизни и создает твердый, сильный и цельный характер.

Мы действительно видим, что овладение передовым научным мировоззрением и нравственным самосознанием народа безгранично приумножает силы индивидуального сознания.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, гл. I.

И. В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме.

И. М. Сеченов. Элементы мысли.

И. П. Павлов. Лекции о работе больших полушарий.

С. Драпкина. Сеченов и Чернышевский. „Физиологический журнал". 1940, № 5.

С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии.

С. Л. Рубинштейн. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны. Журнал „Под знаменем марксизма" 1943, № 9—10.

Б. Г. Ананьев. О современном состоянии психологической науки в СССР. Журнал „Советская педагогика". 1941, № 5.

К. Н. Корнилов, Б. М. Теплов, Л. М. Шварц. Психология.

Н. Н. Ланге. Психология.

В. Джемс. Психология.

П. Блонский. Психологические очерки.

Вл. Вагнер. Этюды по сравнительной психологии.

Зрительные ощущения и восприятия. Сборник под ред. Б. М. Теплова и С. В. Кравкова.

Исследование по проблеме чувствительности. Сборник под ред. В. П. Осипова и Б. Г. Ананьева.

Г. К. Кекчеев. Психофизиология военной маскировки и разведки.

Г. К. Кекчеев. Ночное зрение.

Б. Г. Ананьев. Воспитание наблюдательности.

А. Н. Леонтьев. Развитие памяти.

М. В. Занков. Память.

Б. Г. Ананьев. Воспитание внимания.

Психология речи. Сборник под ред. С. Л. Рубинштейна.

Б. Г. Ананьев. Воспитание характера.

Л. А. Шифман. Воспитание воли.

Ученые записки Московского Института психологии. Под редакцией К. Н. Корнилова, Б. М. Теплова и Л. М. Шварц.

Психология. Труды Института психологии Академии наук Грузинской ССР. Под редакцией Д. Н. Узнадзе.

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственный редактор *А. Н. Пази* Техред *Р. Г. Польская*

Подписано к печати 6.IV.1945 М—00278 Тираж 10 000

Формат бумаги $82\times110^1/_{32}$, Печ. л. 10. Уч.-изд.л. 8,92. Кол. зн.в печ. л. 35 692

Изд. № 227. Заказ № 5656.

Типография № 1 Управления Издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета